

Дагестанский научный центр РАН
Институт истории, археологии и этнографии

КАВКАЗ
И
ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Дагестанский научный центр РАН
Институт истории, археологии и этнографии

КАВКАЗ
И
ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Махачкала 1999

Редколлегия: Гаджиев М.Г., Давудов О.М. (отв. ред.),
Маммаев М.М.

**К 70-летию выдающегося российского археолога
Рауфа Магомедовича Мунчаева**

КАВКАЗ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК. Сборник статей. — Махачкала, 1999.
238 с.

169362

Сборник посвящен актуальным проблемам археологии Передней Азии и Кавказа. Он рассчитан на специалистов - археологов, историков, этнографов, студентов исторических факультетов вузов, а также на любителей истории и археологии.

367980 Махачкала-30
ул. М. Эрастового, 75
ИБ ДНЦ РАН

Мунчаев Рауф Магомедович

О.М. Давудов

МУНЧАЕВ РАУФ МАГОМЕДОВИЧ

Мунчаев Рауф Магомедович является крупнейшим авторитетом в области древней истории и археологии Кавказа, доктором исторических наук, профессором, Заслуженным деятелем науки РФ и РД, директором Института археологии Российской академии наук. Он — организатор и руководитель многочисленных археологических экспедиций в Дагестане на Северном Кавказе, а также международной археологической экспедиции, работающей в Месопотамии. Его работы получили широкое признание не только в России, но и далеко за ее рубежами. Сотни статей и множество книг изданы им в России, Англии, Германии, Франции, Италии, США, Ираке, Сирии, Японии и др. странах. Он также является членом-корреспондентом Центрального Германского института всеобщей и сравнительной археологии и Итальянского института Африки и Востока. С 1985 по 1995 гг. он был членом Исполкома и Постоянного совета Международного союза до- и протоисторических наук. Является членом редакционных коллегий или редакционных советов ряда отечественных и зарубежных журналов, членом трех ученых советов, Высшей аттестационной комиссии и др. Все это говорит о высоком авторитете и заслуженном признании, который завоевал Рауф Магомедович в кругах российской и международной археологической общественности и деятелей науки.

Свою научную деятельность он начал в Институте истории, языка и литературы (ныне Институт истории, археологии и этнографии) Дагестанского филиала АН СССР после окончания аспирантской подготовки при Институте археологии АН СССР. Вскоре, в 1958 г. он перешел в Институт археологии, где прошел путь от младшего научного сотрудника до директора института. Долгие годы был секретарем журнала “Советская археология”, отражающего все научные достижения мировой археологии. Ныне Рауф Магомедович продолжает трудиться в Институте археологии РАН в должности директора института. Он полон творческих замыслов, находится в расцвете сил, отличается удивительным упорством и трудолюбием, организованностью. Его отличает высокая требовательность, прежде всего к себе и к своим сотрудникам. Из его человеческих качеств меня больше всего поражает уравновешенность, терпимость, умение ценить в других добрые, хорошие человеческие и творческие начала, доброта

и обаяние. Пожалуй не менее определяющее качество его характера — интернационализм. Среди его друзей много русских, азербайджанцев, армян, грузин, евреев, представителей народов Дагестана и др.

Родился Рауф Магомедович Мунчаев в 1928 году в многонациональном азербайджанском городе Закаталы. Учился в русской школе, где проявились первые успехи в освоении истории и литературы. Он рано приобщился к труду. Шли тяжелые военные годы. В большой семье среди пятерых детей он был старшим и на его плечи легла забота о младших. Мать, на редкость добрая и мудрая женщина, воспитывала своих детей в духе трудолюбия. Она заложила в них доброе начало. В результате все они стали авторитетными людьми, хорошими специалистами: старшие братья Рауф и Шамиль — ведущими учеными страны, докторами исторических наук, профессорами, хорошими организаторами науки, сестра Ляля — ученым-литературоведом, преподавателем Даггосуниверситета, младшие Камиль — зав. кафедрой физкультуры Даггоспедуниверситета, Гусейн — врачом. Видно, в семье Мунчаевых правильно ставили акценты на истинных человеческих ценностях. Рауф Магомедович еще в школьные годы трудился в совхозе сначала рабочим, потом лаборантом опытной сельскохозяйственной станции.

Окончил Рауф Магомедович исторический факультет Дагестанского педагогического института (ныне Даггосуниверситет). Перспективного молодого специалиста оставили работать при том же институте в должности лаборанта. Позже он перешел на другую работу — помощником Председателя Совета Министров Дагестанской АССР.

В 1949 году Рауф Магомедович поступил в аспирантуру и прошел обучение при Институте археологии АН СССР под руководством крупнейшего кавказоведа Е.И. Крупнова и специализировался по археологии энеолита и ранней бронзы Кавказа. В эти же годы он принял участие в работе археологической экспедиции, работавшей в Дагестане под руководством К.Ф. Смирнова. Усиленно работал Рауф Магомедович над углублением своих знаний по археологии: два года вместе со студентами занимался на кафедре археологии исторического факультета МГУ, слушал лекции выдающихся советских ученых, среди которых были С.В. Киселев и Б.Н. Граков. Он активно участвовал и в работе сектора неолита и бронзы, посещал заседания и других секторов. Участвовал в работе археологических экспедиций не только Кавказа, но и Поволжья и Куйбышева. В ходе этих работ проявились основные черты характера Рауфа Магомедовича: энергичность, выдержанность и незаурядные организаторские способности.

К 1953 г. он завершил работу над кандидатской диссертацией “Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана” и блестяще защитил ее. Официальные оппоненты Б.Б. Пиотровский и Н.Я. Мерперт дали высокую оценку этой работе и охарактеризовали ее как новаторскую. Они отметили, что Дагестан был лакуной в исследовании первобытной археологии Кавказа и работа Р.М. Мунчаева кладет начало ее заполнению. И действительно, работа Р.М. Мунчаева стала основой для изучения истории Дагестана эпохи ранней бронзы и определила место памятников Северо-Восточного Кавказа среди сопредельных памятников куро-араксской и майкопской культур. Он же дал обоснованное определение энеолита и бронзового века Дагестана, предложил хронологию и периодизацию памятников.

После защиты диссертации Р.М. Мунчаев полтора года проработал в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. За это время он показал себя перспективным и талантливым ученым и организатором. Им были проведены в Дагестане экспедиционные исследования, позволившие с большой оперативностью ввести в научный оборот группу памятников каменного века, эпохи бронзы (III -II тыс. до н.э.) и раннего средневековья. Особенно примечательно то, что эти памятники были открыты в ранее наиболее слабо изученной горной части Дагестана. Среди них было Чохское поселение, получившее широкую известность как опорный памятник особой археологической культуры, памятник, материалы которого документируют переход к производящей экономике — земледелию и скотоводству. Новые материалы позволили Рауфу Магомедовичу выделить локальные варианты местных культур, рассмотреть ряд важных проблем древней истории, включая проблему заселения горного Дагестана. Им было освещено общее состояние археологического изучения республики и намечены перспективы ее изучения, которые получили реализацию в последующие годы при его личном участии. В 1955 г. Рауф Магомедович переехал в Москву (Институт археологии) и с этого времени трудится здесь. Многие его идеи были реализованы в последующие годы. Здесь он и реализовал все свои творческие и организационные проекты, стал признанным лидером российской археологии. Здесь он оказывал постоянную помощь кавказоведам, проявлял заботу об археологии и древней истории Кавказа и родного Дагестана.

В качестве зам. начальника Северокавказской археологической экспедиции Р.М. Мунчаев с самого начала своей работы в Институте археологии АН СССР продолжил свои исследования древних культур

Кавказа. Особого внимания заслуживают его разработки по проблемам кавказского энеолита и его соотношения с бронзовым веком. Исследования материалов Каякентского и позже Лугового поселений позволили ему убедительно доказать мысль о генетической преемственности в развитии культур обеих периодов и выявить конкретные формы связи с синхронными культурами Северного и Южного Кавказа. Впервые был поставлен вопрос о сочетании в культурном слое Лугового поселения элементов куро-араксской и майкопской культур и о взаимодействии между последними. Одновременно экспедиция проводила широкие разведки в полупустынных районах Северо-Западного Прикаспия, где были открыты разновременные археологические памятники, в том числе эпохи ранней бронзы. Раскопки проводились и на памятниках эпохи ранней бронзы в Ачикулаке. Эти памятники документируют связи между Кавказом и восточноевропейской степной полосой. Они же подтвердили выводы, сделанные Р.М. Мунчаевым в кандидатской диссертации о проникновении во II тыс. до н.э. носителей катакомбной культуры на территорию Прикаспийского Дагестана вплоть до Дербента.

С середины 50-х годов работа Северокавказской археологической экспедиции под руководством Е.И. Крупнова была ориентирована на наименее изученную в археологическом плане Чечено-Ингушетию. Задачу по проведению широких разведок на территории этой республики возложили на отряд Р.М. Мунчаева. За несколько сезонов он сумел ликвидировать белое пятно на археологической карте Северо-Восточного Кавказа. Было открыто великое множество великолепных памятников самых разных эпох. Многие из них впоследствии стали объектами широкомасштабных раскопок и вошли в состав базовых памятников археологии Северного Кавказа.

Более десяти лет проводились работы на другом памятнике, расположенном в районе сел. Бамут. Здесь Р.М. Мунчаев полностью раскопал два больших курганных могильника - позднего средневековья и эпохи бронзы. Последний наряду с прочим содержал замечательные комплексы майкопской культуры. Они вместе с материалами из нижних слоев Серженьюрта позволили Р.М. Мунчаеву обосновать ранее сформулированный им вывод о распространении майкопской культуры на территории Чечено-Ингушетии и ее взаимодействии с куро-араксской культурой. Это было начало принципиальным изменениям в оценке майкопской культуры в истории Кавказа и сопредельных регионов Евразии.

Таких памятников на территории Чечено-Ингушетии Р.М.

Мунчаев изучил множество. Но наиболее весомая заслуга ученого заключается в большой аналитической работе, которую он провел. Удивительно оперативно он вводил в научный оборот результаты полевых исследований и подводил итоги научных обобщений. Регулярно публиковались статьи с исчерпывающей характеристикой и интерпретацией материалов основополагающих памятников. К ним относятся Карабудахкентский могильник эпохи ранней бронзы, курганы у ст. Манас в Дагестане, Луговое поселение и др.

Научные интересы Р.М. Мунчаева сосредоточены на проблемах энеолита и ранней бронзы. Его способности и исследовательский талант наиболее ярко проявились в монографии “Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа” [МИА, 100]. В основу исследования автором были положены бытовые и погребальные памятники Дагестана, Чечни и Ингушетии и прежде всего Гильярские, Ходжа-Казмалярские, Великентские, Каякентские, Мамайкутанское, Мекегинское, Луговое поселения и Гонабский и Гинчинский могильники. В этой работе он разработал различные проблемы истории материальной культуры Северо-Восточного Кавказа, определил место его памятников среди сопредельных памятников Кавказа, реконструировал экономику и духовную культуру населения – а именно историю Северо-Восточного Кавказа эпохи ранней бронзы. Он глубоко проанализировал материалы раскопок у с. Луговое на широком фоне археологии всего Кавказа и ближневосточного региона. Это позволило ему обосновать вывод о культурном единстве памятников III тысячелетия до н.э. на обширной территории Кавказа и высказать предположение об их связи с единым этническим субстратом

В последующем Рауф Магомедович расширил хронологические и территориальные рамки своих исследований. Им были раскопаны и изучены Бамутский могильник в Чечне, Усть-Джегутинский могильник в Карачаево-Черкессии и др. По итогам их исследований были опубликованы работы “Бамутские курганы эпохи бронзы” (1964), “Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике” (1966), “Население Чечено-Ингушетии при первобытно-общинном строе” (1967), “О древнейшей металлургии Кавказа” (1968) и др. В это же время он выпустил ряд обзорных статей, посвященных другим культурам и областям региона, включая Южный Кавказ.

Он поставил перед собой грандиозную задачу по созданию фундаментального исследования, охватывающего территориально весь Кавказ и хронологически - неолит, энеолит и ранний бронзовый век. Иными словами, Рауф Магомедович взялся за реконструкцию истории

обширной территории на протяжении более трех тысячелетий. И выполнил ее. К 1971 году он представил к защите в качестве докторской диссертации обширное исследование “Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы”. Эта работа вызвала значительный резонанс среди археологической общественности. Это был первым в исторической литературе широким обобщающим исследованием, посвященным древнейшей истории Кавказа. В работе прослежены исторические сдвиги, сыгравшие огромную роль в судьбах населения, как самого Кавказа, так и обширных территорий Восточной Европы и Передней Азии. Первым из таких сдвигов было становление производящих форм экономики. Для территории нашей страны Кавказ явился одним из основных очагов этого процесса, что с предельной четкостью показано в рецензируемой работе. Вторым было появление и развитие металлургии и формирование мощного Кавказского металлургического очага.

В 1975 году это исследование, пополненное новейшими материалами было опубликовано под названием “Кавказ на заре бронзового века” и с этого времени является настольной книгой для всех кавказоведов, специалистов по истории Восточной Европы и Передней Азии. Большое значение этой работы и ее высокая роль в разработке ключевых вопросов древнейшей истории этих регионов было указано целым рядом рецензентов. “Монография не только освещает древнейшую историю Кавказа, но и намечает основные этапы исторического процесса в специфических условиях района. Совместное рассмотрение в одном исследовании материалов Закавказья и Северного Кавказа позволило автору достаточно полно охарактеризовать историческую ситуацию, сложившуюся в V-III тысячелетиях до н.э.” [Массон В. М., 1977]. “Насыщенная большим фактическим материалом, опирающаяся на открытия последних лет, книга эта наглядно демонстрирует успехи кавказского направления советской археологии, вводит памятники древнего Кавказа в систему культур Переднего Востока, создает почву для дальнейших плодотворных дискуссий” [Кушнарева К.Х., Джапаридзе О.М., 1978]. Такие же оценки давали ученые в письмах автору при частной переписке. Известный армянский археолог А.А. Мартиросян, например, подчеркивал широту охвата материалов, фундированность интерпретаций и объективность представленных в книге оценок. Сходные оценки давали специалисты и в других письмах и беседах.

В этой книге Рауф Магомедович привел убедительные материалы, свидетельствующие о развитии неолитической культуры этого времени в Закавказье и на Северном Кавказе, генетически связанной с местными

мезолитической и верхнепалеолитической культурами. Это положение подтверждается каменной индустрией западнокавказских и дагестанских памятников, связанной с тарденуазской техникой. Неолит Кавказа он относит ко времени от VI до V тысячелетия до н.э., выделив два этапа его развития: ранний и поздний. На раннем этапе основной хозяйствы продолжает оставаться охота и собирательство. В это время отсутствует керамика, но встречаются новые типы орудий, начинает развиваться микролитическая техника, появляются каменные шлифованные топоры. На позднем этапе осваивается значительная часть территории Кавказа; повсеместно встречаются оседлые поселения; дальнейшее развитие получает каменная индустрия; появляются двусторонне обработанные геометрические орудия в виде сегментов и трапеций, много ножевидных пластин, новые типы других кремневых орудий. Широкое распространение получают каменные топоры, долота, стамески, пиковидные орудия, терочники, шлифовальники и др. Появляются каменные мотыги, ступки, песты и зернотерки. Возникает керамическое производство.

Изучение керамики и другой категории инвентаря позволило Р.М. Мунчаеву определить локальные особенности в развитии отдельных областей Кавказа.

Для этого времени он отмечает переход к производящей форме хозяйства. Имеющиеся материалы подтверждают выводы ученого о развитии здесь земледелия и скотоводства. Повсеместное исчезновение микролитов обусловлено утратой значения охоты, появление ножевидных пластин — развитием земледельческого хозяйства. На поздне-неолитических памятниках встречаются каменные мотыгообразные орудия, зернотерки, ступки, терочники, песты, вкладыши серпов в виде каменных пластин с ретушированными краями.

Развитие скотоводства автор документирует находками костей домашнего быка на памятниках Дагестана; быка, козы, овцы, свиньи и собаки в Каменномостской пещере.

Из всего этого следует вывод о том, что зачатки земледелия на Кавказе возникли в позднем неолите, но при этом формирование производящей экономики здесь началось позже, чем в Передней и Малой Азии. При этом он допускает, что Кавказ мог быть центром возникновения земледелия и скотоводства.

Кавказ представляет собой пестрый в почвенно-климатическом и ландшафтном плане регион, позволяющий развить разнообразные отрасли экономики и культуры. В соответствии с этим Рауф Магомедович отмечает, что процесс развития скотоводства в различных

районах Кавказа протекал по-разному. В Прикубанье, например, основное место занимало свиноводство, в Дагестане и многих областях Закавказья — овцеводство, которое начало приобретать полукочевой или яйлажный характер. Установлено, что, во всяком случае, в III тысячелетии до н.э. имелась домашняя лошадь.

Подробно охарактеризован в работе энеолит Кавказа. Все памятники этого времени связаны преемственными узами с местными памятниками неолита и мезолита. В Закавказье энеолит представлен памятниками Шомутепе-Шулаверского типа и Нахичеванского Кюльтепе и Техут, рассматриваемыми Рауфом Магомедовичем как две локальные и хронологические группы, а не как отдельные археологические культуры. Особое место им уделено Гинчинскому поселению, характеризующему особую культуру Северо-Восточного Кавказа. Хронология Шомутепинских памятников определена в пределах V тысячелетия до н.э., Нахичеванско-Техутских — первой половины IV тысячелетия до н.э., Гинчинского поселения — первой половины IV тысячелетия до н.э.

Автору удалось убедительно показать значительный прогресс в культурно-историческом развитии Закавказья и Северо-Восточного Кавказа.

На отдельных поселениях Закавказья открыты медеплавильные печи, найдены кусочки металлургического шлака, сопла, льячки, формы для отливки и, наконец, сами предметы — проушные топоры, ножи-кинжалы, шилья, отдельные украшения. Среди металлических изделий встречаются предметы, изготовленные по переднеазиатским образцам — черенковые наконечники копий и топоры-клевы.

Особое внимание в работе уделено куро-аркской и майкопской раннебронзовым культурам, относимым до недавнего времени к энеолиту.

Куро-аракская культура, в основном изученная по бытовым памятникам, в настоящее время характеризуется и по погребальным комплексам. В работе дается обзор всех этих памятников. Отмечено, что поселения куро-аракской культуры располагались у рек, на холмах и горных террасах. Это были небольшие по площади поселения. В редких случаях они были укреплены. Определен ареал распространения ее памятников на обширной территории Закавказья, северо-западной части Ирана, восточной Анатолии, Дагестана, Чечни и некоторых районов Северной Осетии. Отдельные элементы этой культуры проникают в Сирию и Палестину. При этом автор обращает внимание на скопление памятников этой культуры на территории куро-аракского двуречья и Армянского нагорья.

В работе дана характеристика жилой архитектуры, представленной

домами нескольких типов. Среди жилищ приведены круглоплановые толосы, к которым иногда примыкали прямоугольные постройки — прихожие; террасно-расположенные каменные прямоугольные дома, сырцовые и глинобитные овалы и квадратные с овальными углами жилища; дома, сочетающие каменную и сырцовую кладку. Для интерьера жилищ характерны круглые глиняные очаги, расположенные в центре жилищ.

Проанализировал автор и керамику куро-араксской культуры, представленной сосудами, приготовленными вручную, но весьма тщательно. Для нее характерна черная лощеная наружная поверхность и “розовая подкладка” изнутри. Много и красной лощеной керамики, а в отдельных регионах — со светло-коричневой и бурой поверхностью (Дагестан). Наиболее типичны формы — крупные плоскостенные сосуды с округлым туловом и большие яйцевидные сосуды, сосуды с цилиндрической шейкой, кувшины, горшки, кружки, чаши, миски, кубки и др. Большинство сосудов снабжено ручками в виде полушарий.

Для куро-араксской керамики характерны дисковидные крышки сосудов и горшков и мисок на всех сосудах, иногда на крышах и даже на очагах. Характерным орнаментальным мотивом являются рельефные и выпукло-вогнутые изображения в виде двойных спиралей, концентрических кругов, ромбов и других, в том числе птиц. На отдельных крышах имеются рельефные изображения оленя. Для определенной группы сосудов характерна резная орнаментация. Имеются керамические комплексы, вообще лишенные орнамента (Элар и др.). Среди керамических изделий встречаются очажные подставки. Некоторые из них имеют изображения в виде лица или зооморфных скульптур.

Приведены сведения о могильных комплексах, открытых в Закавказских странах и в Дагестане. У племен куро-араксской культуры практиковался обряд захоронения на площади поселения. В Шида-Картли, в районе Гори встречаются подкурганые захоронения, обычные грунтовые погребения (Урбниси) и погребения в сырцовых могилах (Гудабертка). В Грузии раскопаны погребения в каменных ящиках (Амиранис-гора). В Азербайджане также открыты подкурганые и другие захоронения. Погребения совершены скорченно на боку, с произвольной ориентировкой. В ряде подкурганых могил Азербайджана наряду с труположением встречено трупосожжение. Особый интерес представляют могильные сооружения в виде ям, дно которых выложено галькой. Это особенность ставится в связь с влиянием майкопской культуры. В Мильской степи

обнаружен курган, который документирует связь с майкопской культурой.

Особой улачей автора следует признать выделение локальных вариантов куро-араксской археологической культуры. В заключении делается вывод о том, что племена раннебронзового века Закавказья и Северного Кавказа, развиваясь во взаимовлиянии и взаимодействии между собой и населением смежных территорий, создали самобытную яркую культуру. Хотя здесь развитие социально-экономических отношений не привело к созданию классов и государства, значительный прогресс в историко-культурном развитии налицо. Здесь на заре бронзового века известны многие важные достижения древности: развитие металлургического производства, применение гончарного круга, коневодство и т.д.

Анализ археологических культур позволил Рауфу Магомедовичу предположить, что в III тысячелетии до н.э. носители разных культур Кавказа говорили на разных языках, т.е. не было единого языкового единства. Следовательно, распад общекавказского языка-основы произошло значительно раньше.

В итоге автор отмечает, что во второй половине III тысячелетия до н.э. жизнь на большинстве куро-аракских поселений прекращается. Население покидает места своего долговременного обитания и устремляется на запад и в горные и высокогорные районы. В отдельных горных районах Кавказа, где обитают представители кавкасионского антропологического типа, наблюдается преемственность в развитии материальной культуры. Это дало Р.М. Мунчаеву основание предположить, что носители куро-араксской культуры являются далекими предками современного населения Кавказа. Это подтверждает палеоантропологический материал с характерным узколицым долхокраным типом. В позднем средневековье этот тип трансформируется и образуется современный кавкасионский тип.

Все это показывает, что Рауф Магомедович Мунчаев сыграл важную роль в развитии археологии Кавказа. Он продолжает оставаться ведущей фигурой в кавказской археологии и в настоящее время. Кавказская проблематика продолжает занимать видное место в его научном творчестве и ознаменована новыми монографическими работами — “Энеолит Кавказа” (1981), “Куро-араксская культура” и “Майкопская культура” (обе 1994), опубликованными в соответствующих томах двадцатитомной серии “Археология”.

1969 год стал поворотным в творчестве Рауфа Магомедовича Мунчаева. В этом году в Институте археологии АН СССР по инициативе Е.И. Крупнова была создана Иракская археологическая экспедиция,

руководство которой было поручено Р.М. Мунчаеву. Это было чрезвычайно ответственное и сложное поручение, которое можно было доверить только исключительно высокоорганизованному и эрудированному специалисту, способному представить советскую археологию в кругах международного научного сообщества. Месопотамия — это регион, где проводят исследования высококвалифицированные археологи с многих стран мира. С этим регионом связано открытия многих поворотных моментов всемирной истории — переход от присваивающего хозяйства к производящей экономике, становление раннего земледелия и скотоводства, появление керамики, металлургии и металлообработки, резкое усложнение социальной структуры общества, возникновение городов, письменности, государственной власти, т.е. формирование древнейшей в мире цивилизации. Памятники Месопотамии специфичны, трудны для исследования и требуют особой методики раскопок. Между тем, российские археологи не имели опыта изучения подобных памятников, до этого времени не принимали участия в раскопках месопотамских памятников и в их интерпретации. Новому начальнику экспедиции предстояло решить все многогранные и сложные задачи экспедиции, начиная от определения проблематики до выбора объектов раскопок, методических и организационных вопросов [Мерперт Н.Я., 1999].

Первые раскопки Иракской археологической экспедиции Института археологии начались в Синджарской долине Ирака. Вся эта долина от г. Телль-Афара до сирийской границы покрыта густой сетью теллей со слоями времени от позднеассирийского царства I тысячелетия до н.э. до первых раннеземледельческих культур, связанных с началом заселения долины на рубеже VII - VI тыс. до н.э. Работа экспедиции была нацелена на решение двух основных задач, имеющих большое значение для древнейшей истории человечества: происхождению и развитию производящего хозяйства и сложению древнейшей цивилизации в Месопотамии [Мерперт Н.Я., 1999]. Началась напряженная и многогранная работа. Экспедиция провела в Ираке четырнадцать преимущественно трехмесячных сезонов. В разные годы в составе экспедиции работали Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, В.А. Башилов, О.Г. Большаков, В.И. Гуляев, Р.Г. Магомедов, И.Г. Нариманов и мн. др. За эти годы экспедиция постепенно накапливала опыт работы с памятниками Месопотамии, совершенствовала методику раскопок. В результате открыты и раскопаны памятники, охватывающие не менее четырех тысячелетий: в Северо-Западном Ираке — уникальное поселение докерамического неолита Телль-Магзалия конца VIII - VII

тыс. до н.э. Также открыта ранее неизвестная раннеземледельческая культура месопотамской долины начала керамического неолита, получившая название по первому открытому памятнику конца VII - начала VI тысячелетия до н.э. — Телль-Сотто. Этим самым заполнена лакуна между докерамическим неолитом и неолитической хассунской культурой, выяснены корни последней. Исследовано, оказавшееся наиболее значительным по мощности культурного слоя, по информативности и масштабам раскопок поселение VI тысячелетия до н.э. Ярым-тепе I. Шестиметровой толщины культурный слой этого поселения отражает развитие хассунской культуры от ее начала до конца. То же самое следует сказать о раннединастической халафской культуре (конец VI - третья четверть V тысячелетия до н.э.). Восемиметровый слой другого поселения Ярым-тепе II отражает все ступени развития культуры до смены ее прашумерской убейдской культурой, а Ярым-тепе III документирует переход от халафской культуры к убейдской.

Раскопки такого масштаба беспрецедентны. Работы экспедиции привлекли к себе пристальное внимание широкой археологической общественности и, прежде всего, исследователей Ближневосточного культурного очага. Ознакомившись с первыми результатами ее работ, крупнейший английский исследователь Месопотамии Сетон Ллойд в своей известной книге “Археология Месопотамии” писал, что раскопки Ярым-тепе “велись начиная с 1969 г. Причем особое внимание уделялось археологической методике, а результаты фиксировались с необычайной точностью. Эти работы не только уточнили, но и дополнили информацию, полученную нами при раскопках Хассуны. Было обследовано много небольших домов (свыше 100 помещений) из тринадцати строительных горизонтов, которыми охватывалась вся последовательность развития, первоначально выявленная нами в Хассуне; были также отмечены новые, ранее неизвестные черты, существенно пополнявшие наши знания. Сюда относятся свинцовые браслеты, новый и весьма интересный тип антропоморфных статуэток, а также прообразы печатей, использовавшихся в более поздние периоды” [Сетон Ллойд, 1984]. Другой ветеран месопотамской археологии проф. М. Маллован в своих мемуарах сообщает о своей беседе с Р.М. Мунчаевым в Лондоне в 1982 г., посвященной, прежде всего, раскопкам Иракской экспедиции Института археологии.

Популярности работы Иракской археологической экспедиции Института археологии способствовали более 60 работ Р.М. Мунчаева и его сотрудников, оперативно изданных не только в России, но и в Англии, Германии, Ираке и т.д. В их числе были и такие

фундаментальные труды как “Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии” (1981 г.) и “Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization. Soviet Excavation in Northern Iraq. Edited by N. Yoffe and J.J. Clark. Arisona” (издан университетом штата Аризона США в 1993 г.), обобщившие итоги 14-летней работы в Ираке. Авторы этих работ — Рауф Магомедович Мунчаев и его соавторы Н.Я. Мерперт и О.Н. Бадер удостоены государственной премии Российской Федерации за 1999 г. Получили они высокую оценку и за рубежом. Видный английский археолог-востоковед Джоан Отс отметила: “Британская археология играла лидирующую роль в исследовании севера (Месопотамии. - О.Д.), но она перешла к Советской экспедиции, исследования которой существенно изменили представления о неолите Месопотамии” [Oates J., 1994].

В 1988 г. Р.М. Мунчаев перенес работу экспедиции на территорию Северо-восточной Сирии, которая считалась областью Передней Азии, запаздывавшей в своем развитии от сопредельных территорий. Раскопкам в течение десяти полевых сезонов подвергались два памятника — Телль-Хазна I и Телль-Хазна II, расположенные в левобережье Хабура, на территории, являющейся прямым продолжением Синджарской долины. На Телль Хазна I раскопкам подвергся большой храмовый комплекс конца IV - первой половины III тыс. до н.э. Он стоял изолированно, вне поселения и, очевидно, являлся культово-административным центром всей округи. Его великолепно сохранившиеся сооружения располагались на последовательно возвышавшихся ступенчатых террасах. Раскопки Телль Хазны позволили создать представления о Сирии как о передовом центре древневосточной цивилизации.

Второе многослойное поселение Телль Хазна II имеет нижний трехметровый слой, который принадлежит к древнейшей раннеземледельческой культуре Месопотамии — Телль Сотто.

Вызывает восхищение организационная, административная и общественная деятельность Рауфа Магомедовича. Н.Я. Мерперт пишет: “Нет необходимости говорить о том, насколько успешно справлялся Р.М. Мунчаев со своими ответственными обязанностями, отстаивая интересы коллектива Института, способствуя не только нормальному его функционированию в отнюдь не нормальных условиях, но и развитию, неуклонному повышению результативности его работы, укреплению международного престижа российской археологии в целом” [Мерперт Н.Я., 1999.]. Всей своей деятельностью Р.М. Мунчаев заслужил широкое признание российской и международной

археологической общественности. Он по праву является одним из наиболее известных в мире российских археологов. Ныне ему 70 лет. А все вышеупомянутые его достоинства не только не иссякают, но непрестанно возрастают. Пусть же будет так еще многие десятилетия!

ЛИТЕРАТУРА

- Кушнарева К.Х., Джанаридзе О.М., 1978.* — Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975//СА.№1.
Массон В. М., 1977. — Р.М. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века. // ВИ. № 8.
Мерперт Н.Я., 1999. — К Семидесятилетию Рауфа Магомедовича Мунчаева. // Советская археология. 1999. № .
Ллойд Сетон, 1984. — Археология Месопотамии. М. Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization. Soviet Excavation in Northern Iraq. Edited by N. Yoffe and J.J. Clark. Arisona, 1993.
Oates J., 1994. — An extraordinary ungrateful conceit: a western publication of important Soviet field studies // Antiquity. V. 6. № 261.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦНЦ РАН

instituteofhistory.ru

367030 Махачкала-30
ул. М. Ярагского, 75
НБ ДНЦ РАН

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Р.М. МУНЧАЕВА¹

1. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. канд. дис., М., 1953.
2. Основные итоги и перспективы историко-археологического изучения Дагестана. Махачкала, 1954. 29 с.
3. К вопросу о времени заселения Нагорного Дагестана // Газ. "Дагестанская правда" от 16 октября 1954 г.
4. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита // СА, вып. XXVI. М., 1956, с. 167 - 203.
5. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганы у ст. Манас) // СА, вып. XXVI. М., 1956, с. 167 - 203. (Соавтор К.Ф. Смирнов).
6. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакса (ДАССР). КС ИИМК, вып. 67, М., 1957, с. 78 - 82. (Соавтор В.И. Марковин).
7. Конференция по древней и средневековой истории Кавказа // СА, 1957, № 1, с. 297 - 300.
8. Археологические памятники у с. Карабудахкент (ДАССР). Древние племена и народности Кавказа // МИА, № 68, М., 1958, с. 147 - 175. (Соавтор К.Ф. Смирнов).
9. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // КС ИИМК, вып. 71, М., 1958, с. 41 - 52.
10. Рецензия: Т.А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957 // СА, 1958, № 4, с. 236 - 239.
11. Ученые ОАР в Советском Союзе // Вестник АН СССР, 1958, № 9, с. 11.
12. Итоги Кавказской археологической конференции // КС ИИМК, 73, М., 1959, с. 3 - 13.
13. Рецензия: Е.И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957 // СА, 1959, с. 266 - 270. (Соавтор В.И. Марковин).
14. К истории археологического изучения Дагестана // МАД, Махачкала, 1959. Т. 1. С. 9 - 20.
15. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа // Тезисы докладов научной сессии Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР по археологии Дагестана. Махачкала, 1959, с. 9 - 11.
16. Сессия Отделения исторических наук и Пленум ИИМК АН СССР 1959 г // СА, 1959, № 3, с. 272 - 276. (Соавтор Г.А. Федоров-Давыдов).
17. Научная Сессия по археологии Дагестана // СА, 1959, № 4, с. 334 - 337.
18. Институт археологии в 1958 г // КСИА АН СССР, 81, М., 1960, с. 121 - 125. (Соавтор Н.Я. Мерперт).
19. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА, 100, М.: Наука, 1961, 167 стр. + 12 таблиц (Монография).
20. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // КСИА АН СССР, 84, М., 1961, с. 19 - 29. (Соавтор В.И. Марковин).
21. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии (Из результатов работ Северокавказской экспедиции 1958 г.) // КСИА АН СССР, 84, М., 1961, с. 56 - 62.
22. Археологические исследования в Ассинском ущелье в 1956 г // Известия Чечено-Ингушского Республиканского краеведческого музея, вып. X. Грозный, 1961, с. 73 - 94.
23. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа // МАД, Махачкала, 1961. Т. 1. С. 57 - 66.
24. Некоторые данные о средневековых памятниках Дагестана // МАД, Махачкала, 1961. Т. II. С. 271 - 286. (Соавторы В.Г. Котович и Н.Д. Путинцева).
25. Итоги полевых работ археологов и этнографов // Вестник АН СССР, 1962, № 6, С. 115 - 118. (Соавтор В.А. Александров).
26. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА, 1962, № 3, с. 176 - 198.
27. С.В. Киселев // Вопросы истории. М., 1962, № 12, с. 204.
28. Луговой могильник (Исследования 1956 - 1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 139 - 211.
29. Бамутский курганный могильник XIV - XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 217 - 242 (Монография).
30. Рецензия. Т.А. Бунятов. Очерки азербайджанской археологии. Баку, 1960 // СА, 1963, № 3, с. 253 - 256.
31. Рецензия: Выдающийся труд по древней истории Северного Кавказа. Е.И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1961 // СА, 1963, № 4, с. 271 - 278.
32. К 60-летию Е.И. Крупнова // СА, 1964, № 1, с. 3 - 7.
33. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА, 1964, № 1, с. 158 - 164. (Соавтор В.И. Марковин).
34. Бамутские курганы эпохи бронзы // КСИА АН СССР, 98. М., 1964, с. 90 - 99.
35. Древнейший металлический котел // Неделя (Приложение к газ. "Известия"), 1964, № 10, с. 8.

¹ В данный список не вошли более 50 небольших статей и заметок, опубликованных в БСЭ, Азербайджанской энциклопедии и Итальянской археологической энциклопедии.

36. Золотые лица // "Неделя" (Приложение к газ. "Известия"), 1964, № 12, с. 7.
37. Н.Б. Шейхов // СА, 1964, № 3, с. 342.
38. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований // КСИА АН СССР, 100, М., 1965, с. 40 - 49 (Соавтор В.И. Марковин).
39. Каякентско-хорочоевская культура // СИЭ, т. 7, М., 1965, с. 143 - 144.
40. Кувшинные погребения // СИЭ, т. 8, М., 1965, с. 251 - 252.
41. Куро-аракский энеолит // СИЭ, т. 8, М., 1965, с. 316 - 317.
42. Новые сарматские памятники в Чечено-Ингушетии // СА, 1965, № 2, с. 174 - 184.
43. Начало эпохи металла (энеолит) и бронзовый век // Очерки истории Чечено-Ингушетии. Проспект. Грозный, 1965, с. 6 - 8.
44. Северный Кавказ в свете новейших археологических исследований (по материалам СКАЭ за 1958 - 1964 гг.) // Материалы Сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965, с. 10 - 13.
45. О древнейшем гончарном круге на Северном Кавказе // Материалы Сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965, с. 60 - 61. (Соавтор А.А. Бобринский).
46. Рецензия: Д.М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963 // СА, 1965, № 4, с. 268 - 271.
47. Сессия ОИ АН СССР и Отделения общественных наук АН АзССР // СА, 1965, № 4, с. 292 - 297. (Соавтор И.Г. Нариманов).
48. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. М., 1965, с. 92 - 96.
49. Лчашен // СИЭ, т. 8, М., 1965, с. 823 - 824.
50. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г // КСИА АН СССР, 106, М., 1966, с. 74 - 80. (соавтор В.И. Сарияниди).
51. А.А. Иессен // КСИА АН СССР, 108, М., 1966, с. 3 - 5. (Соавтор Е.И. Крупнов).
52. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА АН СССР, 108, М., 1966, с. 14 - 22. (Соавтор А.А. Бобринский).
53. Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966, с. 9 - 28.
54. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА, 1966, № 3, с. 133 - 151. (Соавтор А.Л. Нечитайло).
55. Археологическая экспедиция в Афганистане // Вестник АН СССР, 1966, № 7, с. 64 - 68. (Соавтор Г.А. Кошеленко).
56. Кызыл-Банк // СИЭ, т. 8, М., 1966, с. 347 - 348.
57. Мингечаур // СИЭ, т. 9, М., 1966, с. 460 - 461.
58. Новосвободенский могильник // СИЭ, т. 10, М., 1967, с. 289 - 290.
59. Одиши // СИЭ, т. 10, М., 1967, с. 480.
60. Северокавказская экспедиция // Археологические открытия 1966 года. М., 1967, с. 57 - 64. (Соавторы Е.И. Крупнов и др.).
61. Глава I. Население Чечено-Ингушетии при первобытно-общинном строе. Раздел I. Древнейшие времена // Очерки истории Чечено-Ингушетии, т. 1. Грозный, 1967, с. 6 - 16. (Соавтор В.И. Марковин).
62. Рецензия: С.А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967 // СА, 1968, № 3, с. 255 - 262. (Соавтор А.А. Мартиросян).
63. О древнейшей металлургии Кавказа // СА, 1968, № 4, с. 16 - 26. (Соавторы Ф.М. Махмудов и И.Г. Нариманов).
64. Северокавказская экспедиция // Археологические открытия 1967 года. М., 1968, с. 65 - 69. (Соавторы В.Б. Виноградов и др.).
65. Раскопки Бамутских курганов в 1965 г // Археолого-этнографический сборник, т. II. Грозный, 1968, с. 131 - 152.
66. Находка медного котла майкопской культуры в г. Нальчике // КСИА АН СССР, 115, М., 1969, с. 54 - 57.
67. Советская археологическая экспедиция в Ираке // Вестник АН СССР, 1969, № 9, с. 96 - 104. (Соавтор Н.Я. Мерперт).
68. The investigations of the soviet archaeological expedition in Iraq // Sumer, vol. XXV, № 1 - 2, Baghdad, 1969, pp. 125 - 132, pl. I - VII. (Соавтор Н.Я. Мерперт).
69. Археологические исследования в долине Синджара (Ирак) // Археологические открытия 1969 года. М., 1970, с. 438 - 440 (Соавтор Н.Я. Мерперт).
70. Первая советская археологическая экспедиция в Месопотамии // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований 1969 года. М., 1970, с. 26 - 29.
71. Дибир Муслимович Атаев // СА, 1970, № 3, с. 296 - 297.
72. Советские археологические исследования в Северо-Западном Ираке // Вестник АН СССР, 1970, № 10, с. 105 - 114. (Соавтор Н.Я. Мерперт).
73. Раскопки в Ираке (на арабском яз.) // Аль Мадар, Багдад, 1970, № 18, с. 5 - 8.
74. Евгений Игнатьевич Крупнов // СА, 1971, № 1, с. 311 - 314.
75. Е.И. Крупнов // Вопросы истории, 1971, № 1, с.
76. Исследования раннеземледельческих памятников в Северном Ираке // Археологические открытия 1970 года. М., 1971, с. 450 - 454 (Соавтор

Н.Я. Мерперт и др.).

77. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии // СА, 1971, № 3, с. 141 - 169 (Соавтор Н.Я. Мерперт).
78. Исследования раннеземледельческих поселений в Северной Месопотамии в 1970 г // Тезисы докладов, посвященных итогам археологических и этнографических исследований. Тбилиси, 1971, с. 95 - 99.
79. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы (V - III тыс. до н.э.). Автореф. доктор. дисс. Тбилиси, 1971, с. 3 - 61.
80. New studies of early agricultural settlements in the Sinjar valley // VII Congress International des sciences prehistoriques et protohistoriques. Moscow, 1971, p. 1 - 13. (Соавтор Н.Я. Мерперт).
81. Памяти автора. Предисловие к книге Е.И. Круцинова // Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971, с. 5 - 9.
82. Работы советских археологов в Ираке // Вестник АН СССР, 1972, №1, с. 72 - 78 (Соавтор Н.Я. Мерперт).
83. Раскопки раннеземледельческих памятников на севере Ирака // Археологические открытия 1971 года. М., 1972, с. 557 - 560 (Соавторы Н.Я. Мерперт и др.).
84. Итоги работ Иракской археологической экспедиции АН СССР в 1971 г // Успехи среднеазиатской археологии, вып. 1. Л., с. 64 - 66.
85. Первые земледельцы планеты // Наука и жизнь, 1973, № 1, с. 89 - 96 + рис. и карта. (Соавтор В.И. Гуляев).
86. Иракская экспедиция // Археологические открытия 1972 года. М., 1973, с. 502 - 506 (Соавтор Н.Я. Мерперт и др.).
87. Тетрамиш. СИЭ, т. 14. М., 1973, с. 204.
88. Excavations at Yarimtepe 1970. Second preliminary report // Sumer, vol. XXVII, № 1 - 2, 1971. Baghdad, 1973, p. 9 - 22, p. 1.1 - XV. (Соавтор N.Ya. Merpert).
89. The archaeological research in the Sinjar valley (1971) // Sumer, vol. XXVII, № 1 - 2, 1971, Baghdad, 1973, p. 23 - 32, P.1.1 - IX. (Соавтор N.Ya. Merpert).
90. Бронзовые псаии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 71 - 77.
91. Early agricultural settlements in the Sinjar plain Nohtern Iraq // Iraq, vol. XXXV, part 2, London, 1973, p. 93 - 113. (Соавтор N.Ya. Merpert).
92. Archeological investigations in Mesopotamia // Social sciences, 1973, vol. 4, № 2, М., pp. (на англ., франц., испан. и японс. языках).
93. Исследования Иракской экспедиции // Археологические открытия

1973 года. М., 1974, с. 539 - 544 (Соавтор Н.Я. Мерперт и др.).

94. Новые работы советских археологов // Наука сегодня, М., 1974, с. 191 - 198.
95. Первая встреча советских и английских археологов // Вестник АН СССР, 1975, № 4, с. 105 - 112.
96. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975, 415 с.
97. Раскопки в Месопотамии // Археологические открытия 1974 года. М., 1975, с. 563 - 565 (Соавтор Н.Я. Мерперт и др.).
98. Ялойлу-тепская культура // СИЭ, т. 16, М., 1976, с. 879 - 880.
99. Ярым-тепе // СИЭ, т. 16, М., 1976, с. 990 - 991.
100. К XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза // СА, 1976, № 1, с. 5 - 8.
101. Evidence about ancient farming settlements in North Mesopotamia obtained by the Soviet expedition // IX Конгресс до и протоисторических наук. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1976, с. 58 - 67 (Соавтор N.Ya. Merpert).
102. Советская экспедиция в Месопотамии // Археологические открытия 1975 года, М., 1976, с. 584 - 585.
103. У истоков цивилизации // СА, 1976, № 11, с. (Соавтор В.И. Гуляев).
104. И мир встает столетью за столетием // Наука и жизнь, 1976, № 11, с. 33 - 35 + табл. IV. (Соавтор В.И. Гуляев).
105. Археологические раскопки в Синджарской долине // Азия и Африка сегодня, 1976, № 12, с. 55 - 58. (Соавтор Н.Я. Мерперт).
106. The investigations of Soviet expedition in Iraq, 1973 // Sumer, vol. XXXII, № 1 - 2, Baghdad, 1976, p. 25 - 61. (Соавторы N.Merpert, N. Bader).
107. Раскопки на городище Ай Ханум в 1965 - 1968 гг // Бактрийские древности. Л., 1976, с. 118 - 124 (Соавтор Г.А. Кошеленко).
108. Тайны Ярымтепе II (по материалам археологических исследований в Ираке) // Азия и Африка сегодня, 1977, № 1, с. 46 - 47 (Соавтор Н.Я. Мерперт).
109. Древнейшая металлургия Месопотамии // СА, 1977, № 3, с. 154 - 163. (Соавторы Ф.А. Махмудов и И.Г. Нариманов).
110. IX конгресс Международного союза до- и протоисторических наук. Ницца // Вестник АН СССР, 1977, № 9, с. 110 - 115. (Соавтор Н.Я. Мерперт).
111. Исследования Иракской экспедиции 1976 года // Археологические открытия 1976 года. М., 1977, с. 590 - 592 (Соавторы Н.Я. Мерперт и др.).
112. Энеолит СССР. Всесоюзная конференция // Новейшие достижения советских археологов. Тезисы пленарных докладов. М. 1977, с. 10 - 14. (Соавтор В.М. Массон).
113. The investigations of Soviet expedition in Iraq, 1974 // Sumer, vol.

XXXIII, № 1, Baghdad, 1977, p. 65 - 104. (Соавторы N. Merpert, N. Bader).

114. Исследования в Месопотамии // Археологические открытия 1977 года. М., 1978, с. 577 - 579 (Соавтор Н.Я. Мерперт и др.).

115. Soviet investigations in the Sinjar plain, 1975 // Sumer, vol. XXXIV, № 1 - 2, Baghdad, 1978, p. 27 - 70. (Соавторы N. Merpert, N. Bader).

116. Археологические исследования поселения халафской культуры Ярымтепе II в Синджарской долине на северо-западе Ирака // Археологические и этнографические разыскания в Азербайджане (1975). Баку, 1978, с. 10 - 14. (Соавторы В.И. Гуляев и И.Г. Нариманов).

117. Исследования в Месопотамии // Археологические открытия 1978 года. М., 1979, с. 598 - 600. (Соавторы Н.Я. Мерперт и др.).

118. Раннеземледельческие поселения в Северной Месопотамии // Вестник АН СССР, 1979, № 2, с. 107 - 112 (Соавтор Н.О. Бадер).

119. Проблемы происхождения производящих форм хозяйства // Вестник АН СССР, 1979, № 10, с. (Соавтор Н.Я. Мерперт).

120. Происхождение земледелия и технологии: Западная или Восточная Азия? // СА, 1979, № 3, с. 320 - 327 (Соавтор Н.Я. Мерперт).

121. Предисловие к сборнику "Северный Кавказ в древности и средние века". М.: Наука, 1980, с. 3 - 6.

122. Исследование поселений Телль Магзалия и Ярымтепе III // Археологические открытия 1979 года. М., 1980, с. 487 - 489 (Соавторы Н.Я. Мерперт и др.).

123. Зарубежные связи Института археологии АН СССР // КСИА АН СССР, вып. 163, М., 1980, с. 36 - 42.

124. Сопровождение руководителей Институтов археологии // Общественные науки, 1980, № 2, с. 179 - 181.

125. Investigations of the Soviet expedition in Northern Iraq, 1976 // Sumer, vol. XXXVII, № 1 - 2, Baghdad, 1981, p. 22 - 54. (Соавторы N. Bader, N. Merpert).

126. Soviet expeditions surveys in the Sinjar valley // Sumer, vol. XXXVII, № 1 - 2, Baghdad, 1981, p. 55 - 95 (Соавторы N. Bader, N. Merpert).

127. Археологические исследования в Месопотамии // Археологические открытия 1980 года. М., 1981, с. 489 - 490 (Соавторы Н.Я. Мерперт и др.).

128. XXVI съезд КПСС и задачи советской археологии // СА, 1981, № 1, с. 5 - 7.

129. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981, с. 1 - 320. (Соавтор Н.Я. Мерперт).

130. Первый советско-американский симпозиум археологов // Вестник АН СССР, 1982, № 6, с. (Соавтор Н.Я. Мерперт).

131. Первый советско-индийский семинар по археологии // Вестник АН СССР, 1982, № 8, с. 81 - 83.

132. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М., 1982, с. 28 - 49. (Соавтор Н.Я. Мерперт).

133. Советско-американский симпозиум по археологии // СА, 1982, № 3, с. 284 - 288.

134. Поселение убейдской культуры Ярымтепе III в Северной Месопотамии (Из итогов работ советской экспедиции в Ираке) // СА, 1982, № 4, с. 133 - 149 (Соавтор Н.Я. Мерперт).

135. Образование СССР – торжество национальной политики КПСС // СА, 1982, № 4, с.

136. Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1982, с. 93 - 164, 333 - 339.

137. Второе открытие Месопотамии // Наука в СССР, 1983, № 1, с. 56 - 61 (Соавтор Н.Я. Мерперт).

138. Археологическая поездка по Сирии // СА, 1984, № 1, с. 307 - 317 (Соавтор Н.Я. Мерперт).

139. Некоторые проблемы археологии Месопотамии в свете новейших исследований (из итогов работ советской экспедиции в Ираке) // КСИА АН СССР, вып. 180. М., 1984, с. 38 - 44.

140. Archaeological studies in the Sinjar valley, 1980 // Sumer, vol. XLIII, № 1 - 2, Baghdad, 1984, p. 32 - 53. (Соавторы N. Merpert, N. Bader).

141. Soviet expedition research at Yarimtepe III settlement in north-western Iraq, 1978 - 1979 // Sumer, vol. XLIII, № 1 - 2, Baghdad, 1984, p. 54 - 68. (Соавтор N. Merpert).

142. Второй советско-американский симпозиум по археологии Ближнего Востока и Средней Азии (Самарканд, 1983) // СА, 1985, № 3, с. 312 - 315 (Соавтор В.И. Гуляев).

143. Некоторые итоги и перспективы развития советской археологии в свете решения XXVII съезда КПСС // СА, 1986, № 1, с. 5 - 9.

144. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из курганов эпохи бронзы у сел. Бамут // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986, с. 27 - 39.

145. Второй советско-французский симпозиум по археологии Средней Азии с древнейших времен до эпохи раннего железа // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению Центральной Азии, вып. 11, М., 1986, с. 51 - 58.

146. Советско-американское сотрудничество в области археологии // Древние цивилизации Ближнего Востока. Ташкент, 1986, с. (Соавтор

В.М. Массон).

147. Новая серия монографий в изданиях Французской археологической делегации в Афганистане // Народы Азии и Африки, 1986, № 4, с. (Соавтор Г.А. Кошеленко).
148. Искусство Матхуры // 10-я авторско-читательская конференция журнала "Вестник древней истории". М., 1987, с. (Соавторы Г.М. Бонгард-Левин и Г.А. Кошеленко).
149. Искусство Матхуры: некоторые итоги и перспективы изучения // ВДИ, 1987, № 3, с. 18 - 42 (Соавторы Г.М.Бонгард-Левин и Г.А. Кошеленко).
150. The earliest levels of Yarimtepe I and Yarimtepe II in Northern Iraq // Iraq, vol. XLIX, London, 1987, p. 1 - 36, pl. I - IX (Соавтор N.Ya. Merpert).
151. Матхура: 150 лет археологических исследований // СА, 1988, № 2, с. 5 - 22 (Соавторы Г.М. Бонгард-Левин и Г.А. Кошеленко).
152. Kunst und Kultur in Nordkaukasus. Leipzig, 1988, S. 1 - 176. (Соавтор W.I. Markowin).
153. Третий советско-американский археологический симпозиум (Вашингтон, 1986) // СА, 1988, № 3, с. 295 - 299. (Соавтор В.И. Гуляев).
154. Племена Северного Кавказа в эпоху неолита и энеолита. Глава II, I // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988, с. 35 - 44 (Соавтор В.В. Бжания и др.).
155. L'etude du problem des rapports culture dans l'archeologie sovietique (Asie Moyene, Iran, Mesopotamie, Caucase) // L'Asie centrale et ses Rapports avec les civilisations orientales des origins a l'age du fer. Paris, november, 1985. Paris, 1988, p. 23 - 28.
156. Предисловие к сборнику "Древности Ставрополя". М., 1989, с. 3 - 5.
157. Советские археологи в Сирии // Природа, 1989, № 2, с. 62 - 64 (Соавторы Н.О. Бадер и Н.Я. Мерперт).
158. Работы советской археологической экспедиции в Сирии // ВДИ, 1989, № 1, с. 181 - 185 (Соавторы Н.Я. Мерперт и др.).
159. Следы минувших тысячелетий (об археологических исследованиях в Сирии) // Вестник АН СССР, 1990, № 11, с. 101 - 111 (Соавторы Н.О. Бадер и Н.Я. Мерперт).
160. Телль Хазна I (исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии, 1988 - 1989 гг.) // СА, 1990, № 3, с. 5 - 24. (Соавтор Н.Я.Мерперт).
161. Исследования Сирийской археологической экспедиции АН СССР в 1989 г // ВДИ, 1990, № 3, с. 113 - 117 (Соавторы Н.Я. Мерперт и Н.О. Бадер).
162. Tell Hazna // Less Dossiers D'Archeologie, December 1990, №155, Paris, p. 30 - 31 (Соавтор N. Merpert).
163. The Caucasus in the 3rd millennium B.C. // Perspectives in Archaeological Research in the USSR, Roma, 1991, p. 41 - 68.
164. Nordkaukasien in Neolitikum, Chalcolitikum und Fruhbronzezeit // Die kupferzeit als historische epoche. Teil I. Bonn, 1991, p. 47 - 54.
165. Раннебронзовый век Северного Кавказа и проблема этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. Шатой, 1991, с. 4 - 7.
166. Soviet investigations in North-East Syria, 1988 // Les Annales archeologiques Arabes Syrinnes, vol. XXXVII - XXXVIII, 1987 - 1988, Damas, 1991, p. 190 - 126 (Соавторы N.O. Bader and N.Ya. Merpert).
167. Культура дописьменной Месопотамии. Ежегодник // Наука и человечество. М., 1991, с. 55 - 65.
168. Памяти Валерия Павловича Алексева // Вестник шелкового пути. Археологические источники, вып. I, 1993, с. 4 - 11. (Соавтор М.Г.Абдушлишвили и др.).
169. Телль Хазна II - раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // Российская археология, 1993, № 4, с. 25 - 42 (Соавтор Н.Я. Мерперт).
170. Новые открытия и проблемы археологии Верхней Месопотамии // ВДИ, 1993, № 4, с. 127 - 136.
171. History and organization of archeological research in the USSR // Theory and Practice of Prehistory: Views from Edges of Europe. University of Cantabria, 1993, p. 83 - 99 (на испанском и английском языках).
172. Archaeological expedition of the Institute of Archaeology, Academy of sciences of the USSR, Beyond the Soviet State borders // Theory and Practice of Prehistory: Views from Edges of Europe. University of Cantabria, 1993, p. 77 - 81 (на испанском и английском языках).
173. Yarim Tepe I // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Nothern Iraq. The University of Arizona Press, 1993, p. 73 - 114 (Соавтор N.Ya. Merpert).
174. Yarim Tepe II: The Halaf levels // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Nothern Iraq. The University of Arizona Press, 1993, p. 129 - 162 (Соавтор N.Ya. Merpert).
175. Yarim Tepe III: The Halaf levels // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Nothern Iraq. The University of Arizona Press, 1993, p. 163 - 205 (Соавтор N.Ya. Merpert).
176. Burial Practice of the Halaf culture // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Nothern Iraq. The University of Arizona Press, 1993, p. 207 - 223 (Соавтор N.Ya. Merpert).

177. Yarim Tepe III: The Ubaid levels // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press, 1993, p. 227 - 240 (Соавтор N.Ya. Merpert).
178. The earliest evidence for metalurgy in ancient Mesopotamia // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press, 1993, p. 241 - 248 (Соавтор N.Ya. Merpert).
179. Some problems in the archaeology of Mesopotamia in light of recent research by the Soviet expedition in Iraq // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press, 1993, p. 249 - 255.
180. The excavations at Tell Hazna I, Syria, 1991 // Cahiers de l'Euphrate, 7, Paris, 1993, p. 161 - 189 (Соавторы N. Merpert, N. Bader).
181. La Edad Del Bronce Anticuo en el Caucaso // Coloquio Hispano-Ruso De Historia, Madrid, 1994, p. 93 - 121.
182. Caucaso, Culture del // Enciclopedia Dell Arte Antica. Classicue Orientale. Secondn supplemento 1971 - 1994, vol. II, Roma, 1994, p. 61 - 67.
183. Телль Хазна: открытия и загадки // Международный ежегодник "Наука и человечество. 1992 - 94". М., 1994, с. 40 - 47 (Соавтор Н.Я.Мерперт).
184. The religious complex at Tell Hazna I settlement in North-East Syria // The International Collouquium "Aleppo and Silk Road". Summaries of papers, Damascus, 1994, p. 38 - 40 (Соавтор N.Ya. Merpert).
185. Origin and development of most ancient agricultural cultures of North-East Syria // The International Colloquium "Aleppo and Silk Road". Summaries of papers, Damascus, 1994, p. 41 - 43 (Соавтор N.Ya. Merpert).
186. К 75-летию Института археологии РАН // РА, 1994, № 4, с. 5 - 8 (Соавтор К.А. Смирнов).
187. Куро-аракская культура. // Археология. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994, с. 8 - 57, 147 - 156.
188. Майкопская культура // Археология. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994, с. 158 - 225, 356 - 368.
189. Da Hassuna a Accad. Scavi della Missione Rusa Nella Regione di Hassake, Siria di Nord-East, 1988 - 1992 // Mesopotamia, XXIX, 1994, Firenze, p. 5 - 48 (Соавтор N.Ya. Merpert).
190. Soviet Investigations in Syria // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology, vol. I, No. 2, September 1994, p. 196 - 201 (Соавторы N.Ya.Merpert, N. Bader).
191. Les importations d'obsidienne sur les sites des IX - VII millenaires B.P.

- du Djebel Sinjar, Iraq // Paleorient, vol. 20/2, Paris, 1994, p. 5 - 8 (Соавторы N.O. Bader and N.Ya. Merpert).
192. Предисловие от редактора. // Историко-археологический альманах. М., 1995, с. 3.
193. Исследования поселения Телль Хазна I в Сирии // Археологические открытия 1994 года. М., 1995, с. 326 - 329. (Соавторы Н.Я. Мерперт и др.).
194. Halaf culture and Djezireh. The International Colloquium "The Syrian Djezireh. Cultural Heritage and Interrelations" // Summaries of papers. Damascus, 1966, p. 107 - 108.
195. Северо-восточный Кавказ и Ближний Восток // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения). Тезисы докладов. М., 1966, с. 3 - 4.
196. Памяти Д.А. Халилова // РА, 1996, № 2, с.248-249.
197. Кавказ: проблема культурных связей в VI - III тысячелетиях до н.э. // Между Азией и Европой. Кавказ в IV - I тыс. до н.э. СПб., 1996, с. 35 - 36.
198. The Halaf culture: peculiarities of the V mil. B.C. North Mesopotamian Architecture // Al-Rafidan, vol. XVIII, Tokyo, 1997, p. 69 - 79.
199. Древнейший культовый центр в долине Хабур (Северо-Восточная Сирия) // РА, 1997, № 2, с. 5 - 28 (Соавтор Н.Я. Мерперт).
200. Ярымтепе II: к изучению архитектуры Северной Месопотамии V тыс. до н.э. // РА, 1997, № 3, с.
201. Актуальные проблемы историко-археологического изучения Северного Кавказа // Историко-археологический альманах, № 3. Армавир, 1997, с. 3.
202. Предисловие. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии России. М., 1997, № 1, с. 3 (Соавтор В.С. Ольховский).
203. Recent Discoveries in North-Eastern Syria in the Context of the Archaeology of Caucasus: new discoveries and perspectives. International Scientific Session. Abstracts of papers. Tbilisi, 1997, p. 64 - 66.
204. Раскопки культово-административного центра Телль Хазна I в Сирии // Археологические открытия 1996 года. М., 1997, с. 390 - 393 (в соавторстве с Н.Я. Мерпертом и др.).
205. Северная Месопотамия в свете новейших археологических исследований // "Эрмитажные чтения" памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1998, с. 67 - 69 (в соавторстве с Н.Я. Мерпертом).
206. Северная Месопотамия: итоги исследований экспедиции Академии наук, 1968 - 1997 годы // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). Новосибирск, 1968, т. I, с. 421 - 436.
207. Российская археология на международной арене // Археология

России в XX веке: итоги и перспективы. Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию РАН и 80-летию Института археологии. М., 1999, с.53 - 64.

208. Институт Археологии РАН сегодня // РА, 1999, №2, с. 5 - 15.

209. Кавказ и Месопотамия (из итогов российских археологических исследований на Ближнем Востоке) // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Махачкала, 1999, с. 3 - 5.

210. Памяти Александра Ивановича Джавахишвили // РА, 1999, №2, с.253 -254 (Соавтор О.М.Джапаридзе).

211. Важное событие в археологическом и историко-культурном изучении Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. Москва - Армавир, 1999, №4, с. 3.

212. Новые публикации по археологии и истории Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. Москва-Армавир, 1999, №5, с. 3.

213. Российская археология на международной арене // Археология России в XX веке: итоги и перспективы. Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию РАН и 80-летию Института археологии. М., 1999, с. 53–64.

214. Институт Археологии РАН сегодня. // РА, 1999, №2, с. 515.

215. Кавказ и Месопотамия (из итогов российских археологических исследований на Ближнем Востоке) // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Махачкала, 1999, с. 3–5.

216. Памяти Александра Ивановича Джавахишвили. Журн. "Российская археология", 1999, 2, с. 253–254 (соавтор О.М. Джапаридзе).

217. Важное событие в археологическом и историко-культурном изучении Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. 4. Москва-Армавир, 1998, с. 3.

218. Новые публикации по археологии и истории Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. 5. Армавир-Москва, 1999, с. 3–4.

219. The excavations of settlement Tell Hazna II, 1992 // *Chronique Archeologique en Syria*, vol. I, 1992. Damascus, 1997, pp. 50–52. (Соавтор Н.Я. Мерперт).

220. Origin and development of most ancient agricultural cultures of North-East Syria. // *Les Annales Archeologique Arabes Syriennes*. // *Revue d'Archeologie et Historie*, vol. XLIII, pp. 93–95. Damascus (Соавтор Н.Я. Мерперт).

221. The Religious Complex at Tell Hazna I in North-East Iraq // *Les Annales Archeologiques Arabes Syriennes*. *Revue d'Archeologie et Historie*, vol. XLIII, pp. 218–219. (Соавтор Н.Я. Мерперт).

222. Российские археологические исследования в Месопотамии.

Исторические записки, 2 (120), М.: Наука, 1999. с. 296–318. (Соавтор Н.Я. Мерперт).

223. Введение. Институт археологии РАН сегодня. М., 2000, с.4–11.

224. Исследования Телль Хазны I в Северо-Восточной Сирии. // АО, 1998 года. М., 2000, с. 373–376 (Соавторы Н.Я. Мерперт, Ш. Н. Амиров, Ю.Б. Цетлин, Р.Г. Магомедов, С. Элиас).

225. Северная Месопотамия: новые открытия археологов. Наука в России, № 5, 2000, с. 82–90 (Соавтор Н.Я. Мерперт).

226. (В английской версии того же журнала (*Science in Russia*, № 5, 2000. P. 82-90).

227. Археология Северной Месопотамии в свете новейших исследований. // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000, с. 25–30.

228. Актуальные проблемы изучения археологии Северного Кавказа. // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000, с. 31–33.

Н.Я. Мерперт
К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
В БАЛКАНО-АНАТОЛИЙСКОМ РЕГИОНЕ
В ТРИ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Р.Х.

Вопрос о корнях и характере культуры древней Трои и конкретных ее "городов" - от древнейшего поселка в основании Гиссарлыка (т.е. Трои I) и до Трои гомеровской - по сей день остается резко дискуссионным. Предлагались самые различные его решения чисто археологического, историко-культурного, лингвистического, наконец, комплексного характера. В основном определились две основные тенденции: поиски начал троянского феномена либо в переднеазиатском (анатолийском), либо в Балкано-Эгейском ареалах. Каждая из них обладала своей системой доводов, своим *raison d'être*. И, вместе с тем, каждая встречалась с рядом противоречий и не исключала возможности альтернативных построений. Мне представляется, что попытки однозначного решения здесь бесплодны: необходимо совмещение обеих тенденций и исследование указанного вопроса (а точнее - комплекса вопросов), прежде всего, на фоне многостороннего и предельно динамичного взаимодействия двух основных регионов крайнего юга евразийского пограничья.

Балкано-Анатолийское культурное взаимодействие, обусловленное как географическими, так и историческими факторами, фиксируется для целого ряда последовательных периодов древней истории [Thallon I., 1919; Димитров Д.П., 1942; Milošević V., 1949; Childe V.G., 1956; Mellaart J., 1960; 1979; Garasanin M., 1961, 1965; Ozdogan M., 1989; Черных Е.Н., 1976, 1978, 1988; Мерперт Н.Я., 1961, 1978, 1988 и мн. др.]. Менялись его активность и характер, менялась доминанта воздействия конкретных феноменов, но всегда взаимодействие это оставалось важнейшим фактором развития как самого Балкано-Анатолийского региона, так и значительных смежных регионов Юго-Восточной, Восточной и Средней Европы с одной стороны, Малой Азии и Восточного Средиземноморья в целом с другой. С ним связан один из путей расширения первоначальной ойкумены на европейские территории, что документируется открытыми в последние десятилетия новыми палеолитическими местонахождениями, включающими и М., нижнепалеолитические материалы, как в Анатолии [Alkim Handat, 1971-1972, 1971-1972], так и в различных районах Балканского полуострова [Higgs E.S., 1967; Gatsov J., Ginter B., Kozlovski J.K., Laville H., Pawlikowski

Sirakov N., Sirakova S., Ferrier C., 1990]. Оно же сыграло весьма значительную роль в формировании древнейшего в Европе Балканского очага производящей экономики. Надо отметить, что при рассмотрении данного вопроса, прежде всего, подчеркивалась решающая роль воздействий на Балканы ближневосточного первичного земледельческо-скотоводческого очага, заметное место среди которого занимала Анатолия [Milošević J., 1949; Milošević V., Bossneck J., Hopf M., 1962; Mellaart J., 1975; Титов В.С., 1984; Lichardus J., Lichardus-Itten M., 1985]. Были сделаны попытки определения конкретных путей и механики этих воздействий. В частности, было обращено особое внимание на возможную роль водных путей, обусловленную соответствующими морскими течениями, ведущими от южноанатолийского побережья к Северу Балканского полуострова с его разветвленной речной сетью [Nicolov V., 1989]. Действительно, ранний неолит, ознаменованный появлением на Балканах производящих форм хозяйства, явился первым периодом значительной активизации балкано-анатолийского взаимодействия [Ozdogan M., 1989]. Но сразу же отмечу, что оно отнюдь не было односторонним. Утверждение о доминанте анатолийских и восточносредиземноморских в целом элементов на этом этапе взаимодействия обосновывалось, прежде всего, палеобиологическими показателями: появлением на Балканах некоторых видов культивируемых растений (эммеровая пшеница, ячмень) и domestцированных животных (коза, овца), не имевших на месте диких предков [Титов В.С., 1984]. Собственно же археологические свидетельства здесь крайне не выразительны и ограничиваются такими моментами общего порядка, как возникновение земледельческих поселков с соответствующим инвентарем, самый факт появления керамики, которую отдельные исследователи считают производным анатолийских комплексов типа верхних горизонтов Чатал-Хююка. Прямых показателей решающего воздействия с востока, и тем более смены населения на Балканах, нет. Не исключена инфильтрация сюда разрозненных анатолийских небольших групп, способствовавших становлению земледелия полуострове [Mellaart J., 1979]. Но в целом исследования последних лет все более рельефно показывают роль самих Балкан, их природных ресурсов, населения, культурных традиций в формировании особого очага производящей экономики. Еще Н.И. Вавилов включал Балканы и Эгеиду в состав средиземноморского центра - одного из семи "вавилонских центров" зарождения земледелия [Вавилов Н.И., 1967]. Палеоботанические материалы свидетельствуют о наличии здесь диких предков пшеницы-однозернянки, нескольких

разновидностей двузернянки, крупноплодного гороха и др. [Лисицына Г.Н., Филипович Л.А., 1980]. Вопрос же об отсутствии на Балканах диких предков ячменя должен быть пересмотрен в связи с исследованиями в пещере Франшти [Jacobsen T.W., 1973]. Что касается диких предков domesticiрованных впоследствии животных, то здесь ныне справедливо подчеркивается крайняя ограниченность соответствующих материалов из донеолитических слоев и значительные трудности определения диких и домашних особей, а также необходимых для domestикации сроков [Perles C., 1989; Treuil R., 1989]. Отмечу в этой связи, что если вопрос о появлении на Балканах домашних овец пока действительно связывается с передневосточным импульсом, то наличие в Юго-Восточной Европе диких предков прочих domesticiрованных животных, таких, как бык, свинья и лошадь, сомнению не подлежит.

Собственно [Treuil R., 1989] же археологические показатели - поселенческие системы, домостроительство, древнейшие орудийные и керамические комплексы, пластика и пр. - позволяют утверждать, что балканские раннеземледельческие культуры с самого начала, т.е. с рубежа VII и VI тысячелетий, приняли глубоко оригинальный характер [Teocharis I., 1973; Тодорова Х., Вайсов И., 1993]. Восприняв отдельные анатолийские импульсы, они, в свою очередь, сами воздействовали на Анатолию [Yakar J., 1981; Титов В.С., 1974]. Можно полностью согласиться с заключением, что "Эгейско-Балканский мир представлял собой не столько промежуточную, сколько пограничную зону между двумя культурными ансамблями - ближневосточным и европейским" [Treuil R., 1989]. Взаимодействие между ними совершенно закономерно.

Продолжалось оно и в следующий - энеолитический период, охватывающий в основном V и начало IV тысячелетия до н.э. Он был ознаменован дальнейшим усугублением своеобразия балканских раннеземледельческих общностей, блестящее развитие которых к концу периода достигло своего апогея и представлено целой серией оригинальных, но, безусловно, взаимосвязанных, а, скорее всего, и родственных, культур (Димини, Винча-Плочник, Караново V-VI, Бубани-Хум, Криводол-Салькуца, Петрешти, Гумельница и др.). Развивались они при относительной стабильности и преемственности. Конечно, каждая ступень энеолита отмечена определенным многообразием определенных территориальных феноменов. Ни один хронологический пласт не может быть признан культурно единообразным. И все же, связующие элементы, позволяющие говорить о культурной преемственности, оставались доминирующими. Оригинальный характер балканского раннеземледельческого очага окончательно

оформился, определились и специфические пути его развития. Здесь нет оснований говорить не о тотальных катаклизмах, вызвавших резкое этнокультурные изменения на Балканах, ни, тем более, о сколько-нибудь заметных миграционных волнах с востока, обусловивших подобные катаклизмы. В силу этого с энеолитической эпохой до последнего времени связывалось определенное ослабление балкано-анатолийских связей [Renfrew C., 1969]. Однако последние исследования в районе Мраморного моря, прежде всего раскопки Илилинара [Rodenberg J., Thissen L., Buitenhuis H., 1989-1990], а также в Восточной Фракии - Ярымбургас и др. [Ozdogan M. et al. 1991], свидетельствуют о продолжении взаимодействия, пусть в меньшем масштабе. Причем есть основания предполагать, что на сей раз активизировались, прежде всего, балканские воздействия на Анатолию. Соответствующие элементы (прежде всего, северобалканские) проявляются как в Западной, так и в Центральной Анатолии как в формах и орнаментации керамики (поздний халколит I Бейджеултана, Джан-Хасан I, Фикиртепе, Бюйюк-Гюлчек), так и в пластике (Икизтепе, Ярикайа-Yakar 1981). Особо отмечу, что на Анатолию распространяются традиции как расписной, так и серо-черной лощеной керамики, последняя же корнями своими уходит в балканский неолит, представляя особую линию его развития (Титов В.С., 1970). Распространение ее с запада на восток не вызывает сомнений.

Одним из важнейших факторов, обусловивших определенную доминанту балканских воздействий на Анатолию в энеолите, явилось формирование мощной Балкано-Карпатской металлургической провинции, "...которая была древнейшей в Старом Свете, а горнометаллургическое производство в ней резко превосходило по своему уровню металлургию и металлообработку в азиатской части раннеземледельческих культур" [Черных Е.Н., 1988, 41]. Этот же фактор в значительной мере определил редчайший подъем как культурного, так и социально-экономического уровня энеолитического населения Балкан. Предельно выразительным показателем этого может служить знаменитый Варненский могильник с его гигантской коллекцией замечательных золотых изделий, на много веков предшествовавших золоту троянских кладов [Ivanov I., 1988].

К концу энеолита Балканский регион по всем показателям стоял на границе цивилизации. Причем при всех культурных изменениях, перегруппировках, появлении новых групп и культурных феноменов в ходе развития раннеземледельческих общностей с неолита до конца энеолита (т.е. на протяжении около трех тысяч лет) преобладали

последовательность и определенная (хотя и сугубо относительная) преемственность. Тотальные катаклизмы с полной культурной, а тем более этнической, сменой в этот длительный период археологически не документируются.

Но далее ситуация принципиально изменилась. Переход от энеолита к раннему бронзовому веку (вторая половина IV тысячелетия до н.э.) ознаменован редчайшими этнокультурными изменениями как на Балканах, так и в Анатолии. Обе области вошли в состав Циркумпонтийской зоны [Черных Е.Н., 1976], охватившей огромную территорию от Карпатского бассейна до Кавказа и отмеченной определенной "контактной непрерывностью" [Мерперт Н.Я., 1984]. Соответственно, балкано-анатолийское взаимодействие в раннем бронзовом веке вновь значительно активизировалось, достигнув в начале этого периода своего пика. В непосредственно троянский период (анатолийский ранний бронзовый век (РБВ I) и во время Трои I-II (анатолийский РБВ II) в обеих областях создаются весьма близкие культурные феномены, для которых характерен определенный синкретизм с сочетанием собственно анатолийских, балканских, а также средне- и восточноевропейских компонентов. Для конца IV и первой половины III тысячелетия до н.э. можно говорить о целой системе таких феноменов. В Западной Анатолии она представлена Кум-Тепе, самой Троей, Демирчиюком, соответствующими слоями Бейджесултана и Илипинара и пр. В Эгейе - Полиохони, Терми, Эмпорио и др. На Балканах - слоями раннего бронзового века теллей Фессалии (Аргисса-Магула), Македонии (Ситагри, Дикили-Таш, Кастанас, западнее Критсана и др.), Фракии (Эзеро, Караново VII, Юнаците, Веселиново и др.), Подунавья (Хотница, Талыш, памятники типа Чернавода III и др.). При всей дискуссионности вопросов хронологии, культурогенеза и пр. с этой системой неизбежно связывается формирование раннеэлладской, раннефессалийской, раннемакедонской, ряда северобалканских культур, а в Анатолии - культур раннего бронзового века I и II. Весь этот обширный Балкано-Анатолийский регион отмечен в рассматриваемый период особой динамикой развития, постоянным взаимодействием между различными районами и группами населения и, соответственно, подчеркнутым выше культурным синкретизмом. Наряду с безусловным и в ряде случаев комплексным распространением на Балканы анатолийских (троянских) культурных элементов, здесь все более четко документируется роль континентальных европейских воздействий в самом процессе отмеченной выше культурной смены. Формы этих воздействий

различны: от обмена, активной торговли, диффузии человеческих коллективов, навыков, вещей, идей до прямых вторжений различного масштаба. Разрушительный характер последних засвидетельствован следами пожарищ и скоплениями останков насельников в слоях финальных энеолитических поселений ряда теллей региона, тогда как перекрывающие слои принадлежат принципиально иным культурам раннего бронзового века, входившим в состав упоминавшейся новой системы. В дальнейшем внутри этой системы периоды интеграции сменялись периодами дифференциации, происходили культурные перегруппировки, появлялись существенные новые компоненты, но полной принципиальной смены, подобной катаклизму на грани энеолита и бронзового века, она не претерпела. Это позволяет говорить о преемственности в развитии основных культурных феноменов и системы в целом вплоть до начала истории письменно зафиксированных для рассматриваемого региона народов индоевропейской языковой семьи (фракийцев, лувийцев, илирийцев и пр.). А это, в свою очередь, дает основание связывать с последней и самих создателей системы, сменивших энеолитическое население региона при переходе к раннему бронзовому веку.

Все это имеет прямое отношение к троянской проблематике в двух важнейших основополагающих аспектах: культурном и этническом. Специальные лингвистические исследования, прежде всего Л.А. Гиндина и В.Л. Цимбургского [Гиндин Л.А., 1981-1993; Гиндин Л.А., Цимбульский В.Л., 1996], убедительно показали тесную связь этноисторических процессов, определивших судьбу Трояды, с протофракийским миром, сохранение этнических элементов, позднее оказавшихся в числе носителей так называемых позднелувийских диалектов, наконец, контакты с Грецией, порой принимавшие драматические формы.

Такой представляется мне предельно обобщенная схема соотношения основных культурных феноменов на крайнем юге евразийского пограничья в период перехода от энеолита к раннему бронзовому веку (т.е. во второй половине IV тысячелетия до н.э.). При этом принципиальное значение приобретают вопросы хронологии и механики редчайших этнокультурных изменений, ознаменовавших этот переход и уже отмечавшихся выше. До сего времени они остаются остро дискуссионными. При разработке их выдвинуты резко различные гипотезы - от гигантских инвазий с единовременной тотальной сменой энеолитических феноменов культурой пришельцев, в которых видели, прежде всего, скотоводов-номадов восточноевропейских степей

[Gimbutas M., 1970], до грандиозного природного катаклизма (подъема уровня мирового океана), обуславливавшего коллапс балканского энеолита и последовавший за ним разрыв не только в развитии, но и в самом заселении значительной части полуострова более чем на пятьсот лет [Тодорова Х., 1986; Georgieva P., 1990].

И именно для решения этих вопросов, а также для обоснования предложенной выше схемы, особое значение приобретают результаты исследований Болгаро-Русской экспедицией телля Юнаците - наиболее западного в огромной группе теллей Верхне-Фракийской долины Южной Болгарии [Катинчаров Р.В., Мерперт Н.Я., Титов В.С., Мацанова В.Х., Авилова Л.И., 1995; Merpert N. Ya., 1995]. Сразу же подчеркну, что особенности расположения памятника отличны от центральной части долины, где ранее той же экспедицией исследован получивший широко известность телль Эзеро [Георгиев Г.И., Мерперт Н.Я., Катинчаров Р.В., Димитров Д.Г., 1979]. Последний регион открыт с востока, в нем доминировало взаимодействие с Эгейей и Северо-Западной Анатолией, а культурный слой Эзера отмечен комплексным сходством (вплоть до тождества) с дотроянскими и раннетроянскими слоями последней. В западной же части долины это направление контактов представлено в заметно ослабленном виде, основная же роль принадлежала контактам меридионального направления: с Фессалией и Македонией на юге, Подунавьем и Средней Европой на севере. Эта специфика отражена и соответствующим слоем телля Юнаците.

Телль диаметром от 100 до 140 метров и высотой до 12 метров содержал три основных слоя с общими хронологическими рамками от V тысячелетия до н.э. до III тысячелетия до н.э. Верхний - метровый - слой был, к сожалению, полностью перемешан в процессе строительства небольшой римской крепости - станции на пути из Сингидунума в Бизантион. И все же материалы его достаточно выразительны и важны, поскольку они свидетельствуют о существовании здесь ряда последовательных фракийских поселений, начиная с наиболее ранних, связанных с самим процессом сложения культуры исторических фракийцев ("фракийский гальштат" - XIII век до н.э.) (рис. 1). Особо значимо наличие в их комплексе прямых показателей преемственности с предшествовавшими культурами, представленными слоем бронзового века, отделенным от отмеченного выше лишь тонкой и слабо улавливаемой стерильной прослойкой. Слой этот превышает толщину 6 метров и является самым большим (и, соответственно, самым информативным) из всех синхронных ему слоев Балканского полуострова. Внутри него выделено 17 строительных

горизонтов, из которых 9 нижних условно отнесены к раннему, 8 верхних - к среднему (а, возможно, и к позднему) бронзовому веку. Еще раз подчеркну, что никаких свидетельств преемственности с местным энеолитом этот слой не имеет. Лишь отдельные резко деформированные типы сосудов (прежде всего аскосы) нижних горизонтов слоя (рис. 2) имеют относительные аналогии в позднееэнеолитических комплексах. С самого начала культура, представленная в этом слое, носит синкретический характер, но, несмотря на ряд изменений и инноваций, развитие ее вплоть до начала фракийского периода (т.е. до раннего железного века) представляется гомогенным, не нарушенным ни длительными разрывами, ни серьезными историческими катаклизмами. В самых нижних горизонтах раннего бронзового века (17-14) доминируют среднеевропейские культурные элементы, прежде всего каннелированная керамика болеразского (раннебаденского) типа, очень редкая в Эзере. В последующих четырех горизонтах (13-10) комплекс усложняется ограниченным распространением западно-анатолийских элементов - керамики типа Трои I-II (в Эзере получившей весьма широкое распространение). После 9 горизонта число подобных элементов сокращается еще более. Но с 7 до 2 горизонта распространяются специфические остродонные кубки, которые представляются мне одной из реплик характерных двуручных сосудов (depa amphikypellon) Трои II-IV (рис. 3).

Таким образом, балкано-анатолийское взаимодействие, то активизируясь, то сокращаясь, проявляется в слое поселения на протяжении весьма длительного периода, начиная с нижних строительных горизонтов раннего бронзового века. Касается это не только одной керамики, но и планировки поселений, домостроительства, фортификаций, организации пространства поселков, целого ряда категорий каменных, костяных, металлических изделий. И чрезвычайно важно, что подобное членение слоев бронзового века и специфика сочетания континентальных европейских воздействий с анатолийскими зафиксированы на целом ряде памятников смежных районов Балканского полуострова (Отцаки-магула, Ситагри, Дикили-Таш, Кастанас и др.) и Эгейи (Терми, Полиохни, Самос и др.). Во всех случаях многочисленные уже калиброванные радиоуглеродные даты позволяют относить эти слои к периоду между концом IV и началом II тысячелетия до н.э.

Но перейду к вопросу о характере этнокультурной смены на грани энеолита и раннего бронзового века и о хронологическом соотношении их слоев. Здесь информативность Юнаците беспрецедентна. Энеолиту

принадлежит нижний, превышающий 4 метра, слой теля. В нем представлены горизонты как раннего периода этой эпохи (культура Каранова V), так и позднего (культура Каранова VI, а в самом конце - Криводол-Слькуца). Верхний горизонт слоя непосредственно подстилает нижний - изначальный - горизонт слоя раннего бронзового века. Стратиграфия не позволяет говорить ни о каком сколько-нибудь длительном хронологическом разрыве между ними. А вот историческое их соотношение представлено с предельной выразительностью. Финальный энеолитический поселок полностью уничтожен. Дома сожжены. Их обрушившиеся стены накрыли остатки интерьеров. Под развалинами были погребены многие десятки сосудов, глиняных и костяных антропоморфных статуэток, орудий, включая медные втульчатые топоры, украшений, в том числе золотых (рис. 4). Но наиболее показательны находки самих обитателей поселения. Большинство их располагалось внутри домов, прочие между последними. Могут быть выделены три группы останков. Первую составляют полностью или частично сохранившиеся костяки. Большинство из них лежит в неестественных позах, в которых наступила людей смерть. Многие обожжены. Отдельные скелеты лежат в правильной позе - скорчено на спине или на боку. Они как бы подготовлены к погребению, но не погребены. В некоторых домах уничтожены целые семьи (до восьми скелетов взрослых и детей). Вторую группу составляют части скелетов, а, вернее, тел, поскольку кости сохранили естественные сочленения. Разрозненные кости и их скопления составляют третью группу. Первая группа представлена 29 находками, вторая - 12, третья - 21. Всего же в 12 домах и между ними найдены останки не менее 60 индивидов, - очевидно, все население вскрытой части поселка. На сохранившихся черепах видны следы травм. Среди костей одного из скелетов найдена костяная стрела. Есть все основания полагать, что перед нами картина полного и целенаправленного разгрома поселка с истреблением всех его жителей. И поверх насоро выравненных развалин сравнительно скоро началось строительство первого поселка пришельцев - носителей абсолютно новых культурных традиций, развивавшихся далее на протяжении всего Балкано-анаолийского бронзового века, с которым неразрывно связаны судьбы всех "городов" Трои.

В заключение должен признать, что документированная исследованиями Юнаците драматическая форма этнокультурной смены на Балканах с распространением нового, безусловно, индоевропейского, населения, возможно, не была единственной. Но,

скорее всего, она была доминирующей. Об этом свидетельствует спонтанность этих событий, за кратчайший срок охвативших всю Верхне-Фракийскую долину. По выразительности свидетельств вражеского вторжения и расправы с энеолитическим населением теля Юнаците уникален. И все же он не одинок. Следы огромных пожаров документируют уничтожение финальных энеолитических поселков и на ряде прочих телей (в том числе и на Эзере). Неоднократно зафиксированы и остатки убитых обитателей этих поселков. В Хотнице близ Тырнова найдены скелеты целой семьи, уничтоженной в своем доме, причем при одном из мужских скелетов сохранился типичный медный позднеэнеолитический топор. Значительное число скелетов жертв вторжения найдено в Талыше близ Плевена. С вражеской инвазией связывается и т.н. некрополь на энеолитическом поселении в г. Русе на Дунае [Тодорова Х., 1986]. Все эти слои синхронны. Материалы их идентичны. Само же расположение названных поселков как бы маркирует путь вторжения из Подунавья и Средней Европы. Общая дестабилизация обусловила и другие формы и направления культурных воздействий, в том числе и аналитическое. И везде процесс этих воздействий носил двухсторонний характер, в свою очередь, обуславливая синкретизм вновь формируемых культурных образований как на Балканах, так и в Анатолии.

ЛИТЕРАТУРА

- Вавилов Н.И., 1967* — Учение о происхождение культурных растений после Дарвина // Избранные произведения в двух томах. Т. I. Л.
- Георгиев Г.И., Мерперт Н.Я., Катинчаров Р.В., Димитров Д.Г., 1979* — Езеро - раннебронзовото селище. София.
- Гиндин Л.А., 1981* — Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София.
- Гиндин Л.А., 1993* — Население гомеровской Трои. М.
- Гиндин Л.А., Цимбульский В.Л., 1996* — Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.
- Димитров Д.П., 1942* — Нов принос към въпроса за културните отношения на Тракия и Троя през втората половина на третото хилядолетие преди Христа // Беломорски преглед, I: София.
- Катинчаров Р.В., Мерперт Н.Я., Титов В.С., Мацанова В.Х., Авилова Л.И., 1995* — Селищна могила при село Юнаците. София.
- Лисицына Г.Н., Филипович Л.А., 1980* — Палеоботанические находки на Балканском полуострове // Studia Praehistorica, № 4. София.
- Мерперт Н.Я., 1961* — Некоторые вопросы истории Восточного

Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой // КС ИА АН СССР. Вып. 8. М.

Мерперт Н.Я., 1966 — К вопросу о связях Анатолии и Фракии в раннем бронзовом веке // *Zbornik Nfrodniho muzea v Praze*. Vol. XX, № 1-2, Praha.

Мерперт Н.Я., 1984 — Культурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. М.

Мерперт Н.Я., 1988 — Об этнокультурной ситуации IV-III тысячелетий до н.э. в Циркумпонтийской зоне // *Древний Восток. Этнокультурные связи*. М.

Титов В.С., 1970 — К вопросу о соотношении этнолингвистических слоев и культурно-лингвистических общностей на Юге Восточной Европы. // КС ИА АН СССР. Вып. 123. М.

Титов В.С., 1974 — Проблема хронологии неолита и энеолита Юго-Восточной Европы. // СА, № 4. Москва.

Титов В.С., 1984 — Некоторые проблемы возникновения и распространения производящего хозяйства в Юго-Восточной и на Юге Средней Европы // КС ИА АН СССР. Вып. 180. М.

Тодорова Х., 1986 — Каменно-Медная эпоха в България. София.

Тодорова Х., Вайсов И., 1993 — Новокаменната эпоха в България. София.

Черных Е.Н., 1976 — О европейской зоне Циркумпонтийской металлургической провинции // *Acta Archaeologica Carpatica*, vol. XVIII, Krakow.

Черных Е.Н., 1978 — Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София.

Черных Е.Н., 1988 — Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // *Древний Восток. Этнокультурные связи*. М.

Alkim Handat, 1971-1972. — Explorations and Excavations in Turkey, 1969 // *Anatolica*. IV.

Childe V.G., 1956 — Anatolia and Thrace. Same Bronze Age Relations // *Anatolian Studies*. VI. London.

Dimitrov D.P., 1979 — Troia VII b 2 und die thrakischen und mösischen Stämme auf dem Dflkan // *Ethnogenese des peuples balkaniques*. Sofia.

Garašanin M., 1961 — The Neolithic in Anatolia and Balkans // *Antiquity*. 35. № 140. London.

Garašanin M., 1965 — Considerations sur les influences sud-orientales dans les civilisations prehistoriques des Balkans // *RESEE* III. № 1-2.

Gatsov J., Ginter B., Kozlovski J.K., Laville H., Pawlikowski M., Sirakov N., Sirakova S., Ferrier C., 1990 — Temnata cave near Karlovo (Bulgaria) - an important geological and archaeological sequence in Northern Balkans (excavations 1984-1985) // *Studia Praehistorica*, vol. 10. Sofia.

Georgieva P., 1990 — Ethnocultural and socio-economic changes during the transitional period from eneolithic to Bronze Age in the region of the lower Danube // V *Poljsko-Jugoslovski okrugli stol*. Godisniak. Kniga XXVIII. Sarajevo.

Gimbutas M., 1970 — Proto-Indo-European Culture: the Curgan Culture during 5th, 4th and 3rd millennia B.C. // *Indo-European and Indo-Europeans*. Pennsylvania university Press.

Higgs E.S., 1967 — Some Recent Old Stone Age Discoveries in Epirus 1964 // *Anatipon ek ton xronikon tou arxaiologikou*, t. 20 (1965). Athens.

Ivanov I., 1988 — Die Ausgrabungen des Graberfeldes von Varna // *Macht, Herrschaft und Gold*. Saarbrücken.

Jacobsen T.W., 1979 — Excavations in the Franchti Cave, 1969-1971, Parts I-II // *Hesperia*. 42,1.

Lichardus J., Lichardus-Itten M., 1985 — La protohistoire de L'Europe. Paris.

Mellaart J., 1960 — Anatolia and Balkans // *Antiquity* XXXIV. London.

Mellaart J., 1975 — Neolithic of the Near East. London.

Mellaart J., 1979 — Prehistory of Anatolia and its relations with the Balkans // *L'ethnogenese des peuples balkaniques*. Sofia.

Merper N.Ya., 1995 — Bulgaro-Russian archaeological investigations in the Balkans // *Ancient Civilizations*. Vol. 2/ № 3. Leiden.

Milojic V., Bossneck J., Hopf M., 1962 — Die deutsche Ausgrabungen Neolithikum sowie der Tier und Pflanzenreste. Bonn.

Nicolov V., 1989 — Das Flusstal der Struma als Teil der Strasse von Anatolien nach Mitteleuropa und its Eastern Connections // *Varia Archaeologica*, II. Budapest.

Ozdogan M., 1989 — Neolithic Cultures of Northwestern Turkey. A General Appraisal of the Evidence and some Considerations // *Varia Archaeologica Hungarica*. II. Budapest.

Ozdogan M., Miyake Y., Ozbasaram Dede, 1989 — Report of Excavations at Yarımburgas and Toptepe in Eastern Thrace // *Anatolica*. XVII.

Perles C., 1989 — La neolithisation de la Greece // *Aurenche O., Cauvin J.* (eds) "Neolithisations". Oxford. BAR. International Series.

Renfrew C., 1969 — The Autonomy of the East European Copper Age // *Proceedings Prehistoric Society for 1969*. Vol. XXXV. London.

Rodenberg J., Thissen L., Buitenhuis H., 1989-1990 — Report on the Archaeological Investigations at Ilipinar in NW Anatolia // *Anatolica*. XVI.

Teocharis I., 1973 — Neolithic Greece. Athene.

Thallon I., 1919 — Some Balkan and Danubian Connections of Throy // *The Journal of Hellenic Studies*. Vol. XXXIX.

Treuil R., 1989 — La neolitisation des Balkans: quelques reflexions prematurees // Aurenche O., Cauvin J. *Op. cit.*

Yakar J., 1981 — The Indo-Europeans and Their Impact on Anatolian Cultural Development // *The Journal of Indo-European Studies*. Vol. 9, 1-2.

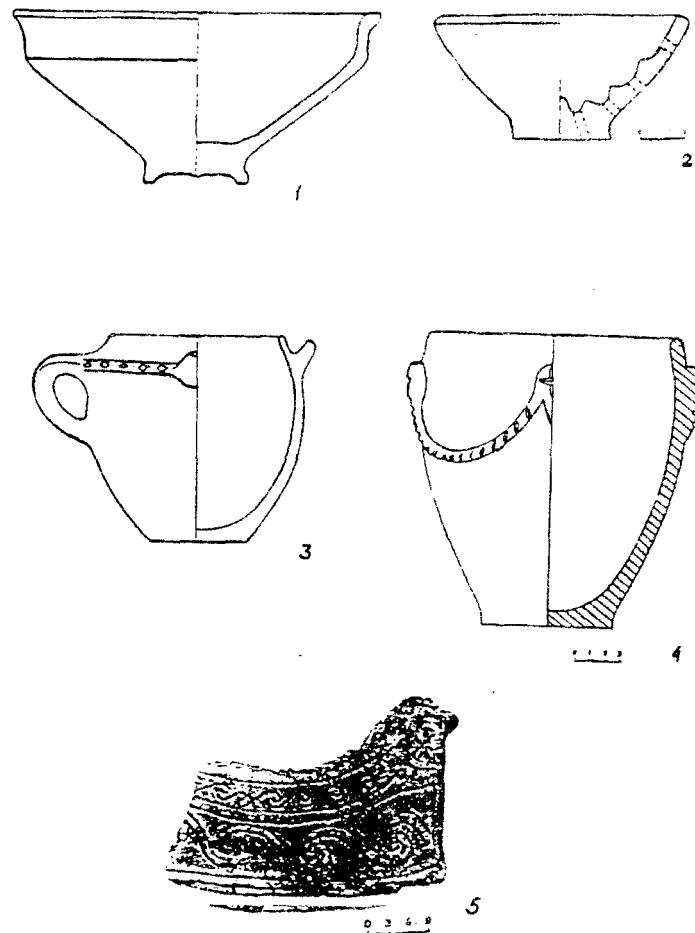

Рис. 1. Юнаците. Находки из слоя раннего железного века. 1-5 — глина, 1-4 — сосуды, 5 — зооморфная очажная подставка.

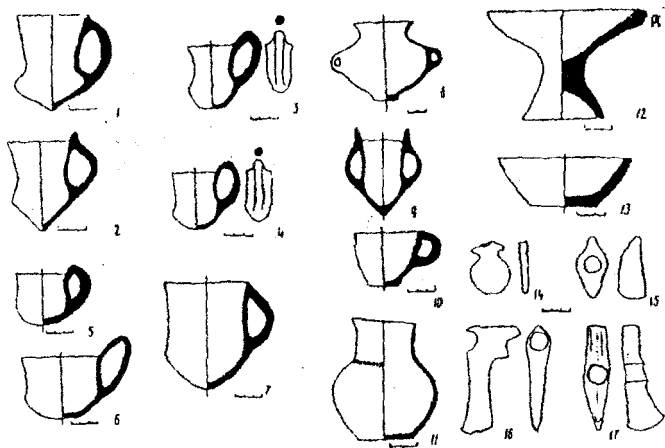

Рис. 3. Юнците. Находки из слоя Среднего бронзового века. I-14-глина, 15-камень, 16-17-бронза.

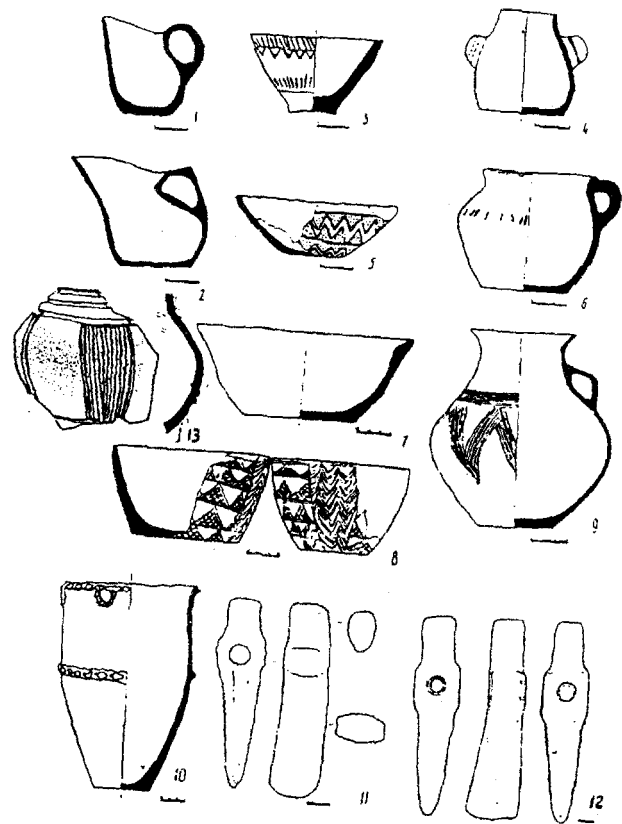

Рис. 3. Юнците. Находки из слоя раннего бронзового века. I-10-глина, 11-12-камень.

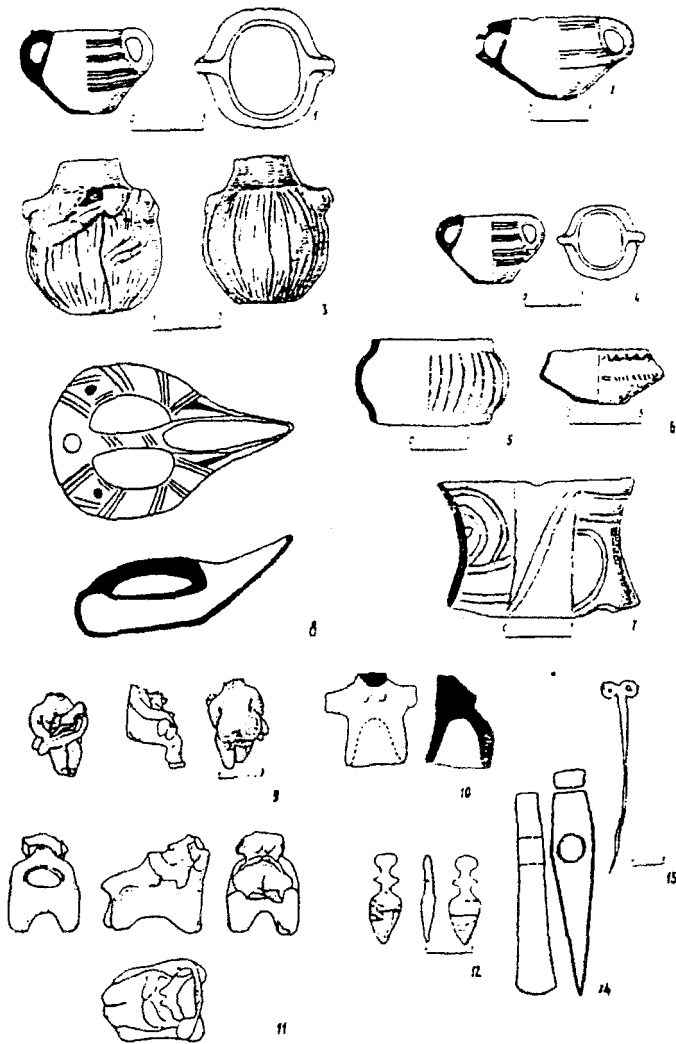

Рис. 4. Юнаците. Находки из неолитического слоя.
 1-12-глина, 13-14--медь.

Ш.Н. Амиров

ИЕРАРХИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. И НАЧАЛО УРБАНИЗМА В ХАБУРСКИХ СТЕПЯХ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

Социально - экономические изменения, охватившие значительные территории Ближнего Востока во второй половине IV-III тысячелетия до н.э., привели к сложению древнейших цивилизаций долин великих рек, среди которых Месопотамия принадлежит особое место.

Среди наиболее наглядных свидетельств этих изменений может быть отмечен беспрецедентный рост городов, получивший название городской революции.

К концу IV тысячелетия до н.э. города Южной Месопотамии достигали размеров 100 га и основывали колонии вдоль Евфрата на поселениях, таких как Хабуба Кабира, Джебель Аруда, далее в Анатолии на поселениях, таких как Арслантепе и вдоль торговых путей на Иранское плато в горных долинах Загроса на поселениях типа Годиин Тепе [Weiss H., 1986: 2]

Вместе с тем до последнего времени вопрос о зарождении городов и становлении городского образа жизни в зоне неполивного земледелия Северной Месопотамии оставался открытым. Только в последнее время, в связи с широкими раскопками в Джебзире поселений конца IV - первой половины III тысячелетия до н.э. ситуация стала несколько более понятной. Раскопки последних лет позволили пересмотреть процесс урбанизации в зоне неполивного земледелия. В современном Ираке большие городские центры появляются в III тысячелетия до н.э. на плодородных долинах вокруг Телль Афара, Мосула, Эрбиля, Киркука, где расположены такие поселения как Телль Тайа, Ниневия, Эрбиль, Гассур (Аррапха). В Сирии два обширных плодородных региона демонстрируют появление больших городов. Первый включает долины притоков Хабуба в Северо-Восточной Сирии, протянувшись от долины Тигра до Балиха. В этих местах находятся Хамукар, Мюзан, Лейлан и в самой западной части Телль Хуэйра. Второй район неполивного земледелия включает обширные долины на С-З Сирии, где средиземноморские красноземы протянулись на сотни кв. км. Вокруг Алеппо и Телль Мардиха, и вдоль долины Оронта с древними городскими центрами в Хаме и Катне [Weiss H., 1986: 2].

Большие городские центры, окруженные обводными стенами, появляются на Юге Месопотамии в первой трети III тысячелетия до н.э., во времена Гильгамеша (I династия Урука или раннединастический

II период) в Джебзире в середине второй половины III тысячелетия до н.э., когда появляются большие города типа поселений Телль Хава, Телль Тайа, Телль Хадхаил, Телль Хоши и др. в Ассирийской степи и Телль Лейлан, Телль Мюзан, Телль Хамукар, Телль Бейдар и др. в Хабурском р-не и далее на запад Телль Хуэйра и др.

Район Хабурских равнин Северной Месопотамии (рис. 1), начиная с VI тысячелетия до н.э. традиционно испытывал культурные влияния, идущие с востока, из Ассирийской степи. Эти влияния стали особенно сильны со второй половины IV тысячелетия до н.э. в то время, когда значительные социальные и демографические сдвиги охватили обширные территории Месопотамии, когда культурные импульсы, идущие из Шумера посредством Ассирии, достигли Хабурских степей. Влияние древнейшей цивилизации коснулось всех сторон жизни современного общества исследуемого района. Это касается как социальной организации (система организации труда, перераспределения, теократический характер власти), так и монументальной архитектуры и утилитарных предметов первой необходимости - керамики, одежды, печатей и т.п.

Несмотря на значительные южно-месопотамские культурные заимствования, которые в конце IV - III тысячелетия до н.э. с некоторым хронологическим запозданием достигали Хабурских степей, этот регион в известной мере сохранял свою самобытность по отношению к "культурной метрополии", какой для него была территория Ассирийских степей Северной Месопотамии. В меньшей степени это касается самобытности материальной культуры поселений Хабурских равнин IV-III тысячелетия до н.э., которая, как отмечал еще М. Маллован, несет на себе печать провинциализма по сравнению с соседними территориями и особенно Ассирией [Mallovan M., 1936: 4]. В большей степени это, возможно, касалось этнической обособленности региона. Х. Вейсс считает, что район Хабурского треугольника, с конца III тысячелетия до н.э. известный под именем Субир или Субарту, в III тысячелетия до н.э. был населен хурритоязычным населением, которое впоследствии было консолидировано хурритскими династиями [Weiss H., 1983a: 49]. Это утверждение не исключает возможности существования более сложной этнической ситуации в регионе и возможности иноэтнической миграции на территорию Хабурских равнин и, прежде всего из сопредельных районов Ассирии.

В начале III тысячелетия до н.э. территория, известная позднее под названием Субарту, представляла собой сообщество близких протогосударственных объединений типа номов Южной Месопотамии

второй половины IV тысячелетия до н.э. То, что эта территория представляла собой некое сообщество еще до того, как было консолидировано в государственную систему в конце III тысячелетия до н.э., видно на организации системы расселения, которая частично детерминирована гидрографией региона (почти все памятники привязаны к руслу рек), а частично коммуникативными потребностями (крупные поселки или протогородские центры, задействованные в транзитной торговле, располагались примерно на равном расстоянии друг от друга, что, видимо, должно было соответствовать караванным переходам).

Как уже отмечалось, процессы социальной дифференциации, охватившие во второй половине IV - III тысячелетия до н.э. обширные пространства Ближнего Востока, привели, в частности, к возникновению городов и городского образа жизни. В свою очередь, усложнение общественной организации привело к созданию системы административного соподчинения и сложению древнейших протогосударственных образований.

Археологическим свидетельством сложения иерархически организованных сообществ является "анализ относительных размеров поселений, входящих в единую систему" [Johnson G., 1975: 292].

В Северной Месопотамии (рис. 2) территорией, наиболее хорошо обследованной разведками, является район поселения Телль аль Хава [Wilkinson T., 1990]. Район исследований площадью 475 кв. км расположен в северной части Ассирийской степи, западнее Тигра и недалеко от иракско-сирийской границы. Сплошные разведки позволили, в частности, исследовать развитие процесса урбанизации в регионе и сложение иерархически зависимой системы поселений.

Среди 68 поселений урукского времени большинство имеет размеры 0,75-2 га. Относительная однородность размеров памятников не позволила на основании разведок выявить иерархически организованную систему поселений. Центральное поселение района Телль аль Хава достигает в это время размеров городского поселения, равного по площади, по меньшей мере, 33 га, а возможно доходит до 50 га [Ball W., Tucker D., and Wilkinson T.J., 1989: 31-3]

Ситуация немногим более ясная для первой половины III тысячелетия до н.э. (период Ниневия 5). В это время значительно сокращается число поселков, на многих из них выявляются черты концентрации населения, но выявить существование реальных городских центров становится еще более трудно. Несмотря на то, что есть указания на черты поселенческой иерархии, размеры поселений

трудно определимы из-за того, что они перекрыты более поздними напластованиями [Wilkinson T., 1990: 61]. В это время размеры центрального поселения - Телль аль Хава несколько сокращаются и достигают от 21 до 42 га. [Ball W., Tucker D., and Wilkinson T.J., 1989: 28]

Первая половина III тысячелетия до н.э. оценивается как подготовительный этап урбанизации, которая достигает своего пика во второй половине III тысячелетия до н.э. В это время, когда в районе отмечен один из наиболее низких уровней заселения, городские центры становятся более четко выделяемы. На расстоянии 10-12 км от Телль аль Хавы, которая достигает по площади от 49 до 66 га, существовали вторичные центры Телль Самир площадью 19 га, Абу Кула площадью 10 га и Хараба Тибн площадью 17 га. На нижнем уровне поселенческой иерархии находились поселения площадью 1-5 га отстоящие от ближайших центров на расстоянии 3-5 км [Wilkinson T., 1994: 488]

В начале II тысячелетия до н.э. плотность заселения района несколько возрастает, а число городских центров помимо Телль аль Хавы достигает четырех.

Теперь рассмотрим на примере ряда поселений, расположенных вдоль притоков Хабуба, как протекали урбанизационные процессы в конце IV- первой половине III тысячелетия до н.э. на Хабубских равнинах.

Телль Брак

Телль Брак находится северо-западнее места слияния Джаг-Джага с вади ар Радд, у стратегически важной переправы, служившей воротами из Ассирийской степи во внутренние районы Хабубских степей.

Телль имеет площадь 45 га, высоту 40 м. Культурный слой содержит материалы по меньшей мере от времени убейдской культуры периода 3-4, есть также материалы более раннего времени типа Хаджи Мухаммед. Памятник функционировал до 1200 года [Oates J., 1990: 133].

Урукская керамика многочисленна на всей площади поселения и на соседних маленьких холмах. Разведки на Телль Браке и около него, проведенные в 1978 г. К. Филден, показали, что керамика урукского времени распространена на площади 43 га., в дополнение выявлено кольцо позднеурукских поселений, окружавших Телль Брак. Д. Оатс считает, что объяснение широкому распространению урукской керамики в районе Телль Брака связано с группой поселений, расположенных вокруг единого источника воды, которые в более поздний период в III тысячелетия до н.э. могли слиться в одно поселение [Oates D., 1982]. На наш взгляд, реально площадь Телль Брака в конце IV тысячелетия до н.э., с учетом его исключительного значения, в то время

могла быть 20-30 га, на что указывает логика сравнения с другими памятниками этого времени, расположенными в Хабурских степях.

На Телье Браке мы имеем свидетельства долгой раннеурукской фазы, которая развилась из позднеубейдской без видимого прерывания. Поселение также функционировало в среднеурукский и позднеурукский периоды. [Oates J., 1990: 143]. Несмотря на то, что до сих пор не обнаружено стратифицированной последовательности между слоями конца IV- начала III тысячелетия до н.э., все данные говорят, что в этот период поселение так же функционировало. Основным материалом урукского периода поступил из зондажа СН. Самый поздний урукский материал - это слои 12-9. Между самым поздним урукским слоем 9 и слоем 8, датированным временем РД III, отмечен разрыв. Материалы времени РД I-II были обнаружены в зондаже ТW. Материалы времени РД III в зондаже СН поступили в основном из слоев 7-6. Помимо этого зондажа, материалы конца раннединастического периода были получены на широкой площади. Во всех раскопах материалы этого времени демонстрируют следы разрушения. [Oates J., 1990: 139].

На Телье Браке средний-поздний Урук безусловно связан с фазой южной экспансии, представленной поселениями типа Хабуба Кабира, Джебель Аруда, в то время, как наиболее поздние урукские слои (раскоп СН слои 10-9) имеют ряд черт, указывающих на Варку слой III (то есть время Джемдет Наср), несмотря на отсутствие специфических черт этого периода, таких, как полихромная керамика и таблички [Oates J., 1990: 142].

Возможно, наиболее удивительно на Телье Браке, с точки зрения довольно короткого южномесопотамского присутствия на Хабубе и других поселениях на Евфрате, это продолжение южных контактов и в более позднее время. Соответственно, на поселении обнаружена керамика стиля Ниневия 5, как расписная, так и с прочерченными орнаментами. Она не была обнаружена в стратифицированных отложениях позднеурукского времени, также она отсутствует в слоях со следами разрушения конца раннединастического III периода [Oates J., 1990: 142].

В позднеурукское время город находился под южным контролем, но это не была колония, подобная Хабубе. Он имел свою собственную северную специфику [Oates J., 1990: 143].

Телье Барри

Телье Барри расположен на восточном берегу Джаг-Джага в 10 км севернее Телье Брака. Высота телья 32 м над равниной, общая площадь 34 га, акрополь занимает 6 га [Pecorella P.E., 1990: 53]. На памятнике отмечены слои от халафского времени до современности, в

том числе слои интересующего нас времени второй половины IV-III тысячелетия до н.э. Слой урукского и раннединастического времени занимает только среднюю часть телья. В это время поселение могло иметь площадь 1,5-3,5 га. Такие размеры являются характерными для поселений Хабурского района указанного времени, которые могли осуществлять административные функции.

Материалы раннединастических II-III периодов были обнаружены в зондаже Area B, где были выделены 4 фазы. Керамика стиля Ниневия 5 характерна только для фазы 1. Керамические сосуды Metallware были встречены в слоях 1 и 2 фазы. Последние века III тысячелетия до н.э. (Аккад/Ур III) представлены в периоде 4, который практически лишен архитектурных остатков в связи с нивелировками, совершенными в средневековье.

Телье Хамидийа

Телье Хамидийа расположен непосредственно у русла Джаг-Джага в 10 км севернее Телье Барри и 20 км севернее Телье Брака. Максимальная высота телья примерно 36 м. Автор раскопок выделяет на памятнике нижний город, акрополь (в южной и восточной части), и цитадель (в северной и западной части) [Wafler M., 1990: 220].

Керамика первой половины III до н.э. (Ниневия 5) была обнаружена в северной и западной части [Wafler M., 1990: 315]. Вероятно, поселение этого времени находится в районе цитадели и занимает площадь менее 8 га.

Телье Лейлан

Телье Лейлан расположен в 25 км к юго-востоку от Камышлы, на правом берегу вадии Катрани притока вадии Джаррах. Поселение имеет общую площадь 90 га и акрополь площадью 15 га.

В северо-западной части район акрополя был широко исследован раскопками.

На памятнике выявлена следующая культурная последовательность: фаза VI - Убейд; V - ранний Урук; IV - поздний Урук; III - Ниневия 5; II - время Аккад / Ур III; фаза I - начало II тысячелетия до н.э. (хабурская керамика) [Weiss H., 1983: 44].

Раннеурукская керамика продолжает большинство традиций убейдского времени, но демонстрирует стремительное уменьшение числа расписной керамики.

Позднеурукские слои отличаются от предшествующего времени наличием сосудов с характерным скошенным венчиком, так называемых Bevelled Rim Bowls. Возможно, что керамика Лейлана периода IV представляет местную разновидность в рамках позднего

Урука [Weiss H., 1983: 46].

Размеры Лейлана в период IV очень маленькие. Похоже, что население могло быть представлено автохтонной и интрузивной популяцией. Вокруг центра поселка времени Лейлан IV могла быть урукская колония, подобная Хассек Хююк или Годин Тепе [Weiss H., 1990: 161].

Период III на Лейлане связан с т.н. керамикой стиля Ниневия 5. Эта керамика, как расписная, так и с прочерченным орнаментом, следует на Лейлане за последним горизонтом с Bevelled Rim Bowls.

В течение периода III Лейлан, очевидно, не превышал размерами 15 га. Значительный рост города начался в период II [Weiss H., 1983: 47].

Материалы из слоев начала фазы Лейлан II синхронны материалам конца раннединастического III периода из Телль Брака. Керамика стиля Ниневия 5 использовалась на поселении от конца позднего Урука до начала периода Лейлан II. Период Лейлан II охватывает вторую половину III тысячелетия до н.э., в это время город стремительно вырос от 15 до 90 га. Около 2400-2300 года до н.э. вокруг акрополя была построена обводная стена двухметровой ширины, оборонявшая его хранилища и административные здания [Weiss H. et al., 1993: 998].

Рост Телль Лейлана, начавшийся после 2500 года до н.э., не является чем-то уникальным, напротив, урбанизационные процессы, которые происходили под южномесопотамским влиянием, характерны для региона в целом [Weiss H., 1990: 163].

Телль Хамукар

Телль Хамукар находится на восточном крае территории, ограниченной притоками Хабуба, в 75 км юго-восточнее Камышлы и в 4 км от дороги Камышлы - Телль Кучик. Размерами он превосходит Телль Брак и достигает 90 га. Поселение окружено обводной стеной.

Поверхностные сборы, осуществленные экспедицией Йельского университета во главе с Х. Вейсом [Weiss H., 1983: 46], а также экспедицией Д. Бучеллати [Hijara I., 1988], выявили высокую концентрацию керамики позднеурукского времени в центральной части поселения и исключительно широкое ее распространение на памятнике. Так же на поселении была собрана керамика второй половины III тысячелетия до н.э. [Weiss H., 1983: 47].

Хотя размеры поселения в конце IV - первой половине III тысячелетия до н.э. неясны, очевидно, что в указанное время это был крупный пограничный городской центр, подобный Телль Браку и более крупный, чем городские поселения во внутренней части Хабурского района.

Телль Брак и Хамукар демонстрируют, что городская революция в Хабурских степях началась с южных и восточных районов, пограничных с Ассирийской степью и в значительной мере была оттуда "экспортирована".

Телль Мюзан

Телль Мюзан расположен в верховьях вадии Дара, притока вадии Ханзир на пересечении торговых путей, ведущих из центральной части Хабурских равнин в сторону Мардинского прохода, который соединял сирийские равнины с богатым минералами районом Эргани.

Высота Мюзана - 27 м, площадь - 120 га. Выделяется акрополь (Area K) и внешний город. Крепостная стена, высотой 5 м окружала акрополь [Kelly-Bucellati M., 1990: 120-132]. Культурный слой почти полностью сформирован отложениями III тысячелетия до н.э. Выделяются 2 главных строительных горизонта, оба от середины до конца III тысячелетия до н.э. [Weiss H., 1991: 712].

На поверхности телля собрано много т.н. керамики Metallware, а так же поздняя керамика разновидности Ниневия 5 с прочерченным орнаментом, типичным для Чагар Базара и Айлюна [Kelli-Bucellati M., 1990: 120-132].

В 1986 г. было сделано несколько зондажей во внешнем городе за пределами основного холма и городской стены. В зондаже OB1 - северо-восточная часть холма, было обнаружено погребение с большим числом керамики, среди которой была керамика стиля Ниневия 5 с прочерченным орнаментом. Такая керамика часто встречается на северном склоне Мюзана, где возможно существовало поселение в течение начала периода РД III [Bucellati G. and Kelli-Bucellati M., 1988: 44-45; Hijara I., 1988: 26].

Начальный этап жизни на Мюзане не очень ясен, но возможно в первой половине III тысячелетия до н.э. это был небольшой город, служивший последним транзитным пунктом в Хабурских степях перед пересечением горного массива на пути к рудникам Эргани-Маден.

Чагар-Базар

Чагар-Базар расположен в среднем течении вадии Ханзир. Площадь памятника около 13 га, высота 21 м. Памятник имеет четыре вершины, культурный слой сложен из разновременного материала.

М. Маллован выделял в ходе раскопок в северной части телля халафские слои (6-12), слои содержащие керамику Ниневия 5 (4-5) и слои первой половины II тысячелетия до н.э.

В послехалафское время поселение было оставлено. Жизнь возродилась примерно в конце периода Джемдет-Наср, и поселение

функционировало примерно до 2500 г. до н.э., вслед за чем наступил примерно 500 - летний перерыв, и вновь жизнь вернулась около 2000 г. до н.э. Похоже, на памятнике отсутствует слой урукского времени и слой второй половины III тысячелетия до н.э.

Вероятно, возвышение Чагар-Базара связано в значительной мере с его ролью, которую он играл в транзитной торговле в первой половине III тысячелетия до н.э. В историческое время Чагар-Базар охранял дорогу с Мардинских гор на нижний Хабур и Евфрат. Основное значение Чагар-Базара в том, что он лежал на караванном пути, который с конца каменного века связывал города Сирии и Малой Азии с Ниневией [Mallowan M., 1936: 7].

Телль Асвад

Телль Асвад расположен на левом берегу Джаг-Джага в районе его слияния с вадой Ханзир, примерно в 13 км западнее Телль Брака. Площадь поселения 10-12 га. Поверхностные сборы дают много материала урукской, раннединастической, а также хабурской керамики.

Размеры поселения определены культурным слоем первой половины II тысячелетия до н.э. Размеры поселения конца IV - первой половины III тысячелетия до н.э. без раскопок определить невозможно, но, исходя из местоположения памятника, можно с большой долей уверенности предположить, что в начале III тысячелетия до н.э. это был центр, сопоставимый с Чагар-Базаром.

Предварительные разведки экспедиции Института археологии РАН в нижнем течении вадой Ханзир

В октябре 1997 и 1998 годов экспедиция ИА РАН провела предварительное обследование памятников, расположенных вдоль нижнего течения вадой Ханзир от места его слияния на юге с Джаг-Джагом до широты Чагар-Базара на севере. Этот район прежде практически не исследовался разведочными работами.

Разведки охватили территорию между двумя крупными археологическими памятниками - Телль Асвадом, расположенным у слияния вадой Ханзир и Джаг-Джага, и упомянутым Чагар Базаром. Расстояние между этими памятниками составляет около 33 км.

Все памятники в исследуемом районе приурочены к руслу вадой Ханзир, соответственно разведки представляли собой пешеходные маршруты из Телль Хазны, которая исследуется раскопками экспедиции Института археологии РАН, вдоль русла вадой.

Всего было картографировано 17 памятников (рис. 3). Керамическая коллекция была собрана на 16 теллях. Сбор материала позволил составить предварительное представление о времени

функционирования памятников (см. таблицу 1). Как видно из таблицы, предварительно мы можем говорить о том, что наиболее заселенным район был во второй половине IV-первой половине III тысячелетия до н.э. (урукское и раннединастическое время), а так же в первой половине II тысячелетия до н.э., представленном хабурской керамикой. Так же обращает на себя внимание отсутствие в сборах материалов, которые можно идентифицировать со второй половиной III тысячелетия до н.э.

Обследованные памятники объединяются в три размерные группы. Основная часть (11 памятников) имеют размеры от 1 до 2 га (как правило, меньше 2 га площадью), 4 памятника имеют размер 2-3 га, и 2 имеют площадь, превышающую 10 га.

Получив предварительные данные о культурном слое каждого из исследуемых памятников, мы сопоставили их с размерными группами теллей. Было выявлено, что в размерную группу поселений площадью 2-3 га попадают памятники, на которых среди прочей (и прежде всего урукской и раннединастической) обязательно фиксировалась хабурская керамика первой половины II тысячелетия до н.э., т.е. своих максимальных размеров эти памятники скорее всего достигли именно в это время.

Среди размерной группы памятников площадью 0,7-2 га, также встречаются материалы первой половины II тысячелетия до н.э. (Т. Хазна III; Аслю; Гир; Сфейра; Фархо). Почти все упомянутые памятники однокультурные, слой III тысячелетия до н.э. был отмечен только на поселении Гир.

Стандартные (не протогородские центры) памятники конца IV - начала III тысячелетия до н.э. (урукского и раннединастического времени), не перекрытые слоями II тысячелетия до н.э. в районе нижнего течения вадой Ханзир, всегда имеют площадь от 1 до 2 га (как правило менее 2 га).

На основании керамических сборов мы сейчас можем выделить в исследуемом районе синхронные поселения второй половины IV - первой половины III тысячелетия до н.э. Это, помимо двух протогородских центров Асвада и Чагар-Базара (на Чагар-Базаре, вероятно, слой только III тысячелетия до н.э.), следующие памятники (перечисляем по направлению с юга на север): Телль Айюб; Абу Кафия; Хазна II; Хазна I; Нурек; Гаргафтар; Гир; Хейлана; Гранишк; Ханзир. На поселении Гирбежинк подъемный материал не собирался.

Расстояние между синхронными памятниками второй половины IV - первой половины III тысячелетия до н.э. и иерархия поселений

Расстояние между Т. Асвадом и Чагар-Базаром примерно 33 км. Расстояние от Асвада до Айюба около 3,5 км. От Айюба до Абу Кафия примерно 1 км. От Абу Кафия до Хазны II примерно 3 км. От Хазны II до Хазны I около 0,8 км. От Хазны I до Нурека примерно 1,5 км. От Нурека до Гаргафтара около 4 км. От Гаргафтара до Гира около 1 км. От Гира до Хейланы около 7 км. От Хейланы до Гранишка около 4 км. От Гранишка до Ханзира около 4 км. От Ханзира до Чагар Базара около 2 км.

Можно обратить внимание на то, что синхронные поселения исследуемого района конца IV - первой половины III тысячелетия до н.э., особенно в южной его части, расположены группами по 2-3 телля. Расстояние между группами 3,5-4 км. Внутри группы расстояние между поселениями варьируется от 0,8 до 1,5 км.

Как правило, в группе одно поселение несколько более крупное, чем остальные. Так, в паре Айюб - Абу Кафия Айюб имеет большие размеры, чем Абу Кафия. В группе Хазны - Хазна I (Телль Аляун) имеет большие размеры, чем Хазна II и, вероятнее всего, Хазна I должна иметь большую площадь, чем синхронный ей поселок в Нуреке, перекрытый на большей площади культурными напластованиями II тысячелетия до н.э. О паре Гир-Гаргафтар говорить сложно, так как более крупный Гаргафтар, подобно Нуреку, перекрыт более поздними слоями II тысячелетия до н.э.

Группировка теллей и выделяемые размерные группы поселений говорят о начале сложения в первой половине III тысячелетия до н.э. системы поселенческой иерархии, иными словами, о сложении системы администрирования и начал государственного устройства. Во главе такой системы стоит центральное поселение, у которого в подчинении находятся административные центры (поселения с храмовыми комплексами), главной функцией которых, помимо религиозной консолидации общины, были функции хранения и перераспределения зерна, служившего запасным фондом, своего рода "зерновым банком" общины. Наконец, на нижней ступени поселенческой иерархии находятся рядовые поселения - "деревни".

Подобная иерархия повторяет системную организацию, отмеченную для памятников второй половины IV - первой половины III тысячелетия до н.э. Ассирийской степи, где, в отличие от предложенной для Южной Месопотамии четырехступенчатой системы [Johnson G.A., 1980: 249], предложена трехступенчатая система

административного соподчинения [Wilkinson T., 1994: 487].

Разведки в районе Хазны позволяют наметить иерархию поселений интересующего нас времени, а раскопки, предпринятые на Хазне I и II, позволяют определенно говорить, по крайней мере, для раннединастического периода, о существовавшей системе соподчинения.

В районе нижнего течения вадь Ханзир есть только два крупных поселения указанного времени, которые могут претендовать на звание номового центра. Это Чагар Базар и Телль Асвад, которые обозначили границы разведанной нами территории. Соответственно, все отмеченные между ними более мелкие поселения находились в орбите и соподчинении одного из двух центров.

Основываясь на удаленности выделяемых групп поселков от центрального поселения, можно попытаться провести примерные границы существовавших в районе исследования протогосударственных образований.

Группа Айюба находится примерно в 4 км, а группа Хазны в 9 км к северу от Асвада. Оба памятника (Т. Айюб и Хазна I), которые мы интерпретируем как административные или храмовые центры, судя по удаленности от более крупного (центрального) поселения, должны были находиться в подчинении Асвада. При этом, возможно, что поселение Телль Хазна I было самым северным административным центром нома Асвад.

Вопрос с группой Гаргафтар-Гир остается открытым. Эти памятники расположены примерно в 6 км севернее Хазны I, то есть на расстоянии 13,5-14 км к северу от Асвада и примерно в 16 км южнее Чагар-Базара. По формальным признакам удаленности, они могли находиться в орбите каждого из двух центров. Все более северные памятники первой половины III тысячелетия до н.э. безусловно, находились в административном подчинении к Чагар-Базару.

Таким образом, попытаемся очертить границы нома Телль Асвад. Как уже отмечалось, его северная граница могла достигать района Гаргафтара. В округу Асвада в начале III тысячелетия до н.э., помимо поселений, расположенных по течению вадь Ханзир, вероятно, попадал также ряд поселений, расположенных вдоль течения Джаг-Джага. На востоке это протогосударственное образование граничило с памятниками, находившимися в орбите Телль Брака. Граница могла проходить по руслу Джаг-Джага в нескольких км восточнее Телль Асвада, а на западе у слияния Джаг-Джага с Хабуром примерно в 10 км от Асвада.

Наблюдения, сделанные в микрорегионе нижнего течения вадь Ханзир, подтверждаются наблюдениями над системой расселения в других частях Хабурского треугольника и Ассирии. В среднем,

расстояние между протогородскими центрами составляет от 30 до 40 км [Van Liere W.J., 1963: 112]. Усредненное расстояние между храмовыми поселениями, либо от центрального поселения до ближайшего храмового поселения, составляет 4-5 км. Вокруг Лейлана разведки выявили систему маленьких центров и рядовых поселений начала III тысячелетия до н.э. [Stein G. and Wattenmaker P., 1990], которая к середине III тысячелетия до н.э. трансформировалась в трехступенчатую поселенческую иерархию. При этом, например, административный центр Мухаммед Дряб отстоит от центрального поселения в Телль Лейлане на 5,35 км.

Близкая ситуация иерархической организации и удаленности соподчиненных поселений отмечена в Северной Месопотамии в районе Телль аль Хава. Здесь развитая трехступенчатая иерархия поселений с первичными центрами, вторичными центрами и сателлитами появляется к середине III тысячелетия до н.э., а расстояние, на которое отстоят меньшие поселения от основного центра составляет 3-6 км [Wilkinson T., 1994: 491].

Несколько отличается ситуация в районе Телль Брака, где на основе размеров выделяются расположенные вдоль течения Джаг-Джага поселения Телль Барри и Телль Хамидийа, которые могли быть административными центрами, находившимися в подчинении у Телль Брака. Расстояние между этими поселениями несколько больше и составляет около 10 км. Возможно, это связано с тем, что эти поселения были расположены на оживленном торговом пути и расстояние между ними определяли стандартные переходы.

Процесс интенсификации урбанизма второй половины III тысячелетия до н.э. происходил на фоне аридизации, сделавшей невозможной жизнь в нижнем течении притоков Хабурра. Климатические сдвиги провоцировали перемещение населения на север, что вызвало демографическое давление, и, в свою очередь, привело к созданию новой высокоурбанизированной модели организации общества. В это время отмечен стремительный рост размеров поселений в северной части Хабурского треугольника (Телль Лейлан, Телль Мюзан и др.).

Эта модель объясняет, почему в северной части Хабурских долин, например, вдоль вадии Ханзир, есть памятники, в том числе и очень крупные, со слоями второй половины III тысячелетия до н.э., а в нижнем течении вадии Ханзир, во-первых, нет крупных памятников площадью больше 15 га, а, во-вторых, видимо, и вовсе нет памятников со слоями второй половины III тысячелетия до н.э.

Здесь интересно отметить судьбы таких городских центров, как Чагар-Базар и Телль Брак, которые в результате аридизации во второй половине III тысячелетия до н.э. оказались в полосе неустойчивого неполивного земледелия. Возможно, что в связи с возвышением новых городских центров на севере Хабурских равнин уменьшилась роль Чагар-Базара как транзитного торгового центра, что предопределило затухание жизни на поселении во второй половине III тысячелетия до н.э. Телль Брак, напротив, несмотря на изменение климатической ситуации, сохранил свой статус и значение, благодаря удачному расположению на исключительно важном торговом пути.

Для поселений Хабурских равнин первой половины III тысячелетия до н.э. второго и третьего таксономических уровней (поселения с храмовыми комплексами и рядовые "деревенские" поселения) размерные группы не являются очевидными. Здесь показательны поселения, расположенные в нижнем течении Вадии Ханзир. В силу того, что жизнь на этих поселениях прекратилась к середине III тысячелетия до н.э., а система административной иерархии в это время только начинает складываться, она еще не нашла явного выражения в оформлении размеров поселений, имеющих различный статус.

В целом, период Ниневия 5 в Хабурских степях - это время довольно маленьких поселений, не достигающих по размерам категорий деревни и города [Weiss H., 1990: 163]. Ситуация с иерархической организацией поселений становится более очевидной с середины III тысячелетия до н.э., и прежде всего, в северной части Хабурских равнин. Для первой половины III тысячелетия до н.э. размерные группы выделяются не очень четко, поселения разных уровней очень близки по размерам, хотя как показывают раскопки Хазны I и других памятников, иерархия соподчинения поселений существовала уже в это время.

В то же время вдоль основных торговых путей (например, вдоль русла Джаг-Джага) размерные группы поселений второго и третьего таксономических уровней более очевидны, что связано с тем, что упомянутые поселения функционировали непрерывно на протяжении длительного времени. Как уже упоминалось, ряд поселений, таких как Т. Брак, Т. Барри, Т. Хамидийа, Телль Хамукар, стоял на магистральных путях и обслуживал транзитную торговлю. Такие поселения были в известной мере независимы от климатических колебаний и демонстрируют непрерывность культурного развития, начиная с IV тысячелетия до н.э. Здесь особая роль принадлежала Т. Браку, который,

вероятно, служил главными воротами в страну Сублир из Ассирии.

В отличие от центров торговли, памятники земледельческого характера (по крайней мере, лежавшие вне магистральных торговых путей), как, например, памятники нижнего течения вади Ханзир, зависели от колебаний климата значительно больше. Поэтому, обживание упомянутого микрорегиона в значительно большей степени отражает климатические колебания, затрагивавшие район Хабурских степей в целом.

Проведенные сплошные разведки в районе нижнего течения вади Ханзир, а также анализ выборки поселений позволяют выделить среди населенных пунктов Хабурских равнин первой половины III тысячелетия до н.э. следующие группы:

1) Протогородские центры площадью 10-15 га и больше. Причем самые крупные поселения этого времени площадью более 20 га (Тель Брак, Хамукар) находятся в пограничном с Ассирийской степью районе. Во внутренней части Хабурского района размеры городских центров этого времени составляют 10-15 га (Тель Асвад, Чагар Базар, Тель Лейлан, Тель Айлон, а так же, вероятно, Тель Мюзан, Тель Бейдар и ряд других).

2) Административные центры (храмовые поселения) площадью менее 5 га (реально не более 3 га). Здесь могут быть упомянуты Тель Барри, Тель Хамидийа (предположительно находившиеся в административном соподчинении у центрального поселения на Тель Браке), Тель Мухаммед Дияб, вероятно, связанный с Тель Лейланом, Тель Хазна I, Айюб (?), которые могли находиться в административном подчинении у Тель Асвада. Помимо упомянутых поселений функции административных центров могли нести целый ряд других поселений и среди них могли быть Тель Арбат, Гермайир, Качкашук и ряд других.

3) Рядовые поселения без храмовых комплексов ("деревни"). Поселения этого времени составляют основную массу среди населенных пунктов этого времени. Из исследованных археологически могут быть упомянуты Хазна II, Мулла Матар, Тель Ракай, Тель Атидж, Тель Джудейде, Кнейдиж, Нустель, Абу Хафур и целый ряд других.

Можно определить примерное число (порядок) поселений каждого таксономического уровня, существовавших в хабурских степях в первой половине III тысячелетия до н.э. Около 10 поселений верхнего таксономического уровня (протогородских центров), порядка 30-50 храмовых поселений и порядка 150 рядовых поселений.

Примечания

1. Приношу глубокую благодарность Р.Г. Магомедову и С.Ю. Льву,

осуществивших в ходе разведок 1998 г. поверхностные сборы керамики на поселениях Т. Ханзир, Т. Хейлана, Т. Фархо.

2. Карты выполнены М. Сагатовской.

ЛИТЕРАТУРА

Ball W., Tucker D., and Wilkinson T.J., 1989. — The Tell al-Hawa Project: Archaeological investigations in North Jazira 1986-1987 // *Iraq* 51:1-66.

Buccellati G. et Kelly-Buccellati M. 1990. — Tell Mozan // *Les Dossiers d'Archeologie*:18-23.

Hijara I., 1988. — The Surface collection from the Khabur Regional survey // *SMS* 5/2.

Johnson G.A., 1975. — Locational Analysis and Investigation of Uruk Local Exchange Systems // *Univ. of New Mexico press, Albuquerque*, pp.285-339.

Johnson G.A., 1980. — Spatial Organisation of early Settlement Systems // *Barrelet, Hrsg.: L'Archeologie de l'Iraq du Debut de l'Epoque Neolithique 333 avant Notre Ere*, pp.233-263. Paris: CNRS.

Kelly-Buccellati M., 1990. — Three seasons of excavation at Tell Mozan. pp 119-132 // *Tell al Hamidiya 2.*

Mallowan M., 1936. — The Excavations at Tell Chagar Bazar and Archaeological survey of the Habur Region 1934-1935 // *Iraq* 3:1-87.

Oates D., 1982. — Excavations at Tell Brak 1978-1981 // *Iraq* 44:2: 187-204.

Oates J., 1990. — Tell Brak in the Fourth and Third Millennia: From Uruk to Ur III pp.133-147 // *Tell Hamidiya 2. Gottingen*

Pecorella E., 1990. — The Italian excavation at Tell Barr V (Kahat), pp. 46-66 // *Tell Hamidiya 2. Gottingen.*

Stein G. and Wattenmaker P., 1990. — Settlement Trends and the Emergence of Social complexity in the Leilan Region of the Habur Plains (Syria) from Fourth to Third Millennia B.C. // in the *Origins of North Mesopotamian Civilisation*, ed by H. Weiss.

Van Liere W.J., 1963. — Capitals and Citadels of Bronze-Iron Age Syria in Their Relationship to Land and Water // *AAAS* 13: 107-122.

Wafler M., 1990. — The Excavations at Tell Hamidiya, pp. 219-232 // *Tell al Hamidiya 2. Gottingen.*

Weiss H., 1983. — Excavations at Tell Leilan and the Origins of North Mesopotamian Cities in the Third Millennium B.C. // *Paleorient* 9/2:39-52.

Weiss H., 1986. — The origins of Tell Leilan and the conquest of space in third millennium Mesopotamia // *H. Weiss, Hrsg.: The Origin of Cities in Dry-Farming Syria and Mesopotamia in the Third Millennium B.C.*, pp 71-108 Guilford : Four Quarters Publishing Co.

Weiss H., 1990. — Third Millennium Urbanisation; a Perspective from

Tell Leilan. pp.159-166 // Tell al Hamidiya 2. Gottingen.

Weiss H. et al, 1993. — The Genesis and Collaps of Third Millennium North Mesopotamian Civilisation // Science 261:995-1004.

Wilkinson T.J., 1990. — The Development of Settlement in North Jazira between the 7th and 1st millennia BC // Iraq 52:49-62.

Wilkinson T.J., 1994. — The Structure and Dynamics of Dry-Farming states in Upper Mesopotamia // Current Anthropology vol. 35.5.

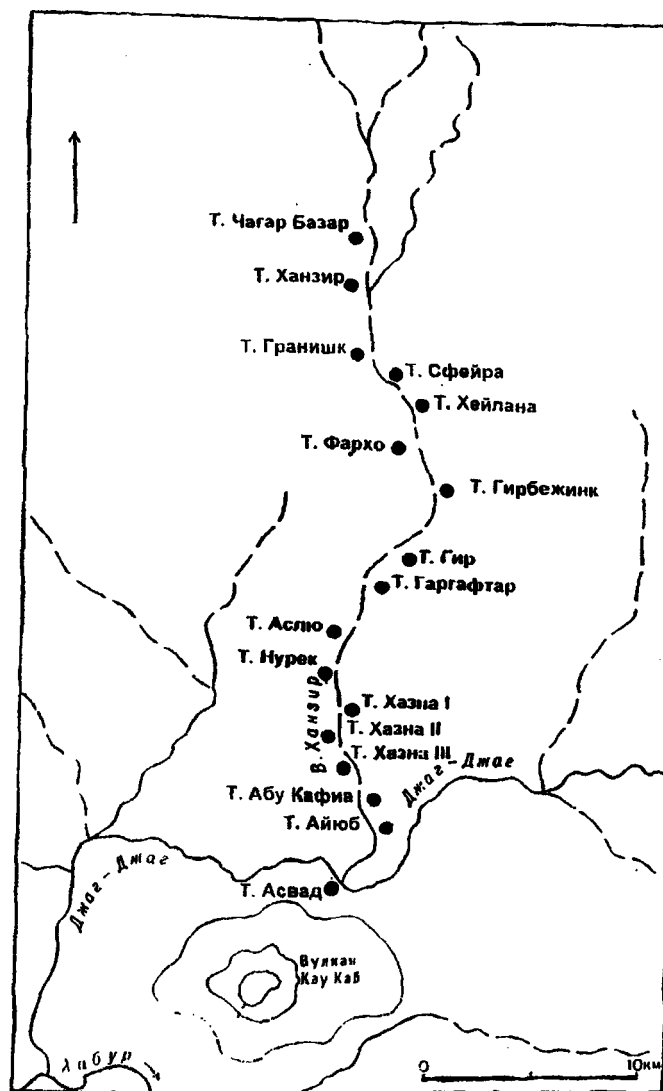

Рис. 1. Хабурские степи. Географическое положение.

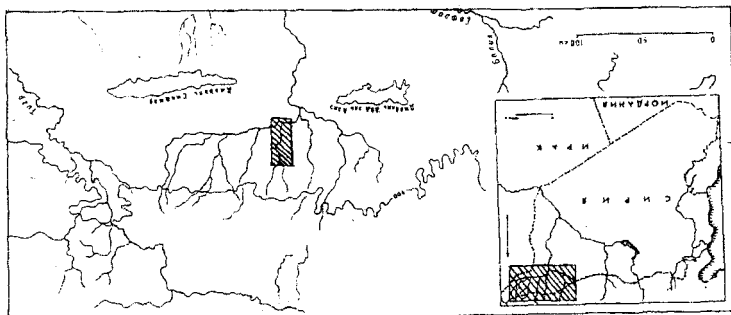

Рис.2. Поселения раннединастического времени, культура Ниневия 5 (первая половина III тыс. до н.э.).

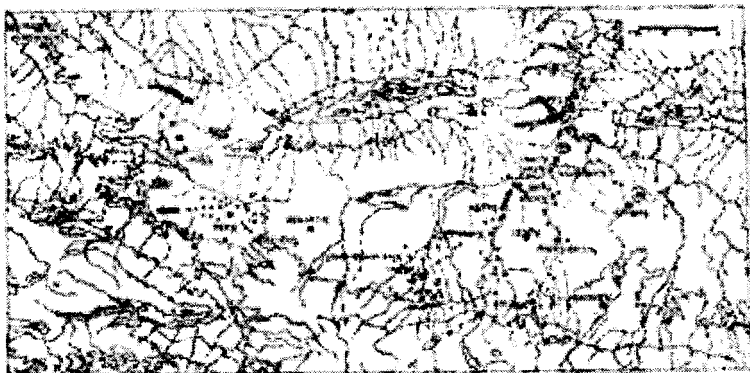

Рис.3. Поселения, обследованные разведками экспедиции ИА РАН.

памятник	размер га	хас.	хал.	уб.	урук.	нин. 5	РД III/Аккд	Хабур
Асвад	>10	-	-	-	+	+	-	+
Айюб	1,5-2	-	-	-	+	+	-	-
Абу Кафия	0,8-1	-	-	-	+	+	-	-
Хазна III	0,8-1	-	-	-	-	-	-	+
Хазна II	0,8-1	+	+	-	+	+	-	-
Хазна I	1,7	-	-	-	+	+	-	-
Вурек	2,5-3	+	-	-	+	+	-	+
Асж	0,8-1	-	-	-	-	-	-	+
Гаргафтар	2-2,5	-	-	-	+	+	-	+
Гир	1-1,2	-	-	-	+	+	-	+
Гирбежинк	1-1,2	?	?	?	?	?	?	?
Фархо	2	+	-	-	-	-	-	+
Хейлана	0,7	-	-	-	+	+	-	-
Сфайра	1-1,5	-	-	-	-	-	-	+
Гранишк	2,5	-	+	-	+	+	-	+
Ханзир	1,3	-	-	-	+	+	-	-
Ч. Базар	>10	-	+	-	-	+	-	+

ДАГЕСТАН НА ПУТИ К РАННЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*(Новое в древнейшей истории и археологии
Северо-Восточного Кавказа)¹*

До сравнительно недавнего времени Северо-Восточный Кавказ являлся одной из наиболее слабо изученных в археологическом отношении областей Кавказа. В других областях, как Закавказье, так и на Северном Кавказе еще в дореволюционном периоде было сделано немало в этом направлении. Указывать на такую неравномерность археологического изучения Кавказа до 20-х годов XX в., на значительное отставание изучения и историко-культурной интерпретации древностей Северо-Восточного Кавказа по сравнению с другими областями Кавказа стало как бы историографической традицией.

В историографии XIX - начала XX вв. господствовало представление, основанное на данных Д.Н. Анучина, о том, что Северо-Восточный Кавказ, в том числе горный Дагестан, был заселен сравнительно поздно людьми, знавшими не только бронзу, но и железо, т.е. в железном веке [Анучин Д.Н., 1884. С. 449]. Археологические исследования, проводившиеся в Дагестане Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР в 30-40-е годы, положили начало ликвидации этого пробела в изучении древнейшего прошлого истории народов Северо-Восточного Кавказа. Исследования, проведенные в те годы в приморской и предгорной зонах Дагестана, открыли здесь археологические культуры, уходящие вглубь бронзового века. Впервые для Восточного Кавказа были обнаружены следы культуры мустьерской эпохи. Особое значение имело выявление в приморской части Дагестана памятников эпохи раннего металла, характеризующие культуру ранних земледельцев и скотоводов, чрезвычайно сходную с культурой, распространенной в то же время в Закавказье и в прилегающих к нему областях Ирана и Восточной Анатолии. Так, материалы раскопок Каякентского поселения, проведенные в 1939 году, позволили включить этот памятник в район распространения южных закавказских памятников эпохи раннего металла. Первоначально поселение датировалось первой половиной II тыс. до н.э., а позднее - второй половиной III тыс. до н.э. и рассматривалось сначала как наиболее северный, а позднее - проме-

жуточный пункт распространения на Северо-восточном Кавказе южнокавказской "энеолитической" культуры [Крутлов Е.И., 1958. С.20-30; Мунчаев Р.М., 1955. С.15-16]. Считалось, что новые формы хозяйства - земледелие и скотоводство, навыки организации оседлоземледельческого быта привнесены в Приморский Дагестан выходцами из Закавказья, что здесь раньше середины III тыс. до н.э. вообще не существовало оседлоземледельческого уклада жизни.

Горный Дагестан и в этот период археологического изучения Северо-Восточного Кавказа оставался вне поля зрения исследователей. Отсутствие достоверных и исследованных памятников первобытной эпохи создавало впечатление о его возможном сравнительно позднем заселении и хозяйственном освоении. Считалось, что земледельческо-скотоводческий комплекс проник в горный Дагестан, как и в горные районы Центрального Кавказа [Крупнов Е.И., 1951. С.71], позднее, т.е. во II тыс. до н.э., после сложения оседлоземледельческой жизни в приморской зоне. Причем хозяйственное освоение горной зоны связывалось с развитием отгонного, полукочевое скотоводства, переселением туда пастушеских овцеводческих племен с равнины [см.: Котович В.Г., 1965. С.5-6]. Казалось, что на Северо-Восточном Кавказе не существовало сколько-нибудь оригинальных культур, сложившихся на местной базе раньше позднебронзовой эпохи, когда здесь была распространена каякентско-хорочоевская культура, датировавшаяся тогда предскифским временем (IX-VIII вв. до н.э.).

Культурно-историческое развитие Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа предшествующего времени рассматривалось сквозь призму археологии Закавказья и Юго-Восточной Европы, с точки зрения выяснения степени проникновения на территорию Дагестана закавказской (куро-аракской), восточноевропейской (катакомбной) культур и их роли в древней истории населения края.

Ликвидация этого пробела в изучении первобытной истории и культуры Дагестана стала одной из основных задач археологических экспедиций Института истории, языка и литературы Дагестанского научного центра РАН (ныне Институт истории, археологии и этнографии), который приступил к целенаправленному, систематическому изучению территории республики с 1951 г.

За истекший период выявлено и исследовано сотни памятников различных эпох, накоплены обширные археологические материалы, характеризующие последовательные этапы древней и средневековой истории и культуры народов Дагестана [Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993], кардинально изменившие существовавшие прежде представления

1. Доклад, прочитанный на Республиканской научной конференции "Наука Дагестана сегодня: уровень и масштабы поиска" 16 мая 1996 г.

о месте и роли Дагестана в древнейшей истории и культуре юга России и Кавказа.

Одним из главных направлений археологических исследований института стало изучение памятников первобытной культуры, в особенности раннеземледельческих поселений. В 1953 г. в Приморском Дагестане были открыты и частично исследованы раннебронзовые поселения у сс. Великент, Мамайкутан, Гильяр, аналогичные Каякентскому поселению и характеризующие дагестанский вариант куро-аракской культуры [Котович В.Г., 1959. С.121-136]. В 1954 г. было открыто [Мунчаев Р.М., 1958] и в 1955-1957 гг. исследовалось Чохское поселение [Котович В.Г., 1964. С.99-162], которое, как выяснено новейшими его исследованиями, представляет собой незаурядный археологический памятник, радикально изменивший представление о начальном периоде становления производящего хозяйства в Дагестане и на Кавказе в целом [Амирханов Х.А., 1987]. В 1955-1959 гг. широкие археологические работы развернулись на среднем Сулаке, в зоне строительства Чирюртовской ГЭС, где исследовались разновременные памятники, из которых важное значение для первобытной археологии имеют раскопки раннебронзового Сигитминского поселения и Миатлинских курганных полей эпохи средней бронзы [Канивец В.И., 1957. С.157-159; 1959. С.31-59]. В эти же годы ряд памятников бронзового века был выявлен и частично исследован в нагорной части Дагестана: Мекегинское, Ирганайское, Верхнегунибское поселения, Гонобский, Гинчинский и Ирганайский могильники [Котович В.Г., 1961а. С.285-286; 1961. С.25-36; Котович В.М., 1965; Гаджиев М.Г., 1969]. Особое значение имело открытие Мекегинского поселения, которое впервые засвидетельствовало, что поселения, относящиеся к кругу памятников куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы, существовали не только в равнинной части Дагестана, но и в горной зоне, у самых подступов во внутренний Дагестан.

В исследовании памятников эпохи раннего металла в Дагестане особо выделяются 60-80-е годы, когда была открыта и исследована целая свита раннеземледельческих поселений, расположенных не только в предгорном, но и во внутреннем Дагестане. Раскопки поселений у сс. Чиркей, Гагатель, в местности Чинна [Гаджиев М.Г., 1991. С.140-150] показали, что памятники раннебронзовой эпохи, характеризующие дагестанский вариант куро-аракской культуры были распространены в Дагестане повсеместно, не только в равнинной части, но, что особенно важно, в его горной зоне, где они занимали весьма значительные площади и по своей древности не уступали

известным прикаспийским поселениям.

Совершенно неожиданным для уровня развития первобытной археологии Северо-Восточного Кавказа тех лет было открытие в центральной части горного Дагестана раннеземледельческого поселения Гинчи эпохи энеолита. Материалы раскопок этого памятника, проведенных в 1962-1964 гг., характеризовали высокоразвитую местную земледельческую культуру, относящуюся к V - IV тыс. до н.э. Это впервые документально подтвердило, что оседлоземледельческий уклад жизни в горном Дагестане сложился задолго до появления первых земледельческих поселений в Прикаспийском Дагестане, что в горной зоне Северо-Восточного Кавказа за два тысячелетия до эпохи ранней бронзы существовала высокоразвитая земледельческая культура и что земледельческое освоение высокогорий не связано с продвижением из Закавказья на север племен куро-аракской культуры, как это было принято считать прежде [Гаджиев М.Г., 1991. С.34-109].

Оставалось неясным, когда, как, на какой основе и территории Северо-Восточного Кавказа возникли земледелие и скотоводство, произошло впервые сложение нового оседлоземледельческого уклада жизни в горной зоне Дагестана. Ответы на эти вопросы были получены в результате новейших комплексных исследований Чохского поселения, где в ходе раскопок 1980-1982 гг. были добыты новые археологические, палеоботанические и палеозоологические материалы для установления времени и пути становления производящего хозяйства в горной зоне Северо-Восточного Кавказа [Амирханов Х.А., 1987]. Эти исследования позволили включить горный Дагестан в число тех горных областей мира, где протекала "неолитическая революция" - чрезвычайно длительный и сложный процесс зарождения и постепенного вызревания элементов производящей экономики в недрах высокоспециализированного охотничье-собирающего хозяйства мезолитической эпохи.

Главным итогом исследований Института ИЯЛ (ИАЭ) в области первобытной археологии Дагестана является выделение в древнейшей истории края неизвестного здесь прежде культурного пласта временной протяженностью около 4-х тысячелетий, особой раннеземледельческой эпохи, когда на базе новой экономики происходит невиданный прежде стремительный прогресс общества, идущего по пути формирования ранней цивилизации. Особенно ярко прогресс, достигнутый в экономическом, социальном и культурном развитии древнедагестанского общества, отражают материалы новейших комплексных исследований памятников раннебронзового века в Приморском Дагестане у с. Великент

Дербентского района, проводимых с 1994 г. Дагестанско-Американской археологической экспедицией [Гаджиев М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г., 1995; Gadjev et al., 1997].

Накопленный материал дает возможность охарактеризовать основные этапы культурно-исторического развития населения Северо-Восточного Кавказа в раннеземледельческую эпоху - эпоху кардинальных перемен в жизни первобытного общества, связанных со сложением производящего хозяйства, становлением и развитием ранних земледельческо-скотоводческих культур. Если раньше Северо-Восточный Кавказ рассматривался как периферия распространения закавказских культур эпохи раннего металла, то новые археологические открытия и исследования свидетельствуют о том, что этот регион был одним из важнейших очагов раннего возникновения производящего хозяйства на Кавказе, формирования и развития оригинальной древней культуры земледельцев и скотоводов. Они позволяют проследить, с одной стороны, внутренние закономерности развития местного раннеземледельческого общества, а с другой - выявить общие закономерности и особенности, характерные для культурно-исторического развития населения северных окраин раннеземледельческой ойкумены.

Рассмотрим основные этапы развития древнего общества Северо-Восточного Кавказа от зарождения производящего хозяйства на рубеже VII-VI тыс. до н.э. и сложения раннеземледельческой культуры до ее заката и культурной трансформации региона в III тыс. до н.э.

Наиболее ярким памятником, характеризующим период зарождения и начального этапа сложения земледельческой культуры, является Чохское поселение, давшее название чохской археологической культуре, распространенной в мезолите и в неолите в северо-западной горной части Дагестана. На Чохском поселении выделяются три слоя, из которых два относятся к мезолиту и датируются VIII-VII тыс. до н.э., один - к неолиту (VI тыс. до н.э.). Все слои поселения связаны между собой преемственно. Это позволяет считать, что неолит горного Дагестана вырос на местной мезолитической основе. Культура представленная Чохским поселением обнаруживает очень близкое сходство с мезолитом Южного и Юго-Восточного Прикаспия, т.е. Северного Ирана и Юго-западной Туркмении, что позволило объединить их в культурную общность, названную южнокаспийской. Наиболее вероятной территорией формирования ее культурного субстрата считается район, расположенный между горами Эльбурс и Каспийским морем на севере современного Ирана, где находятся

наиболее ранние поселения, относящиеся к данной культурной общности [Амирханов Х.А., 1987. С.190-193]. Люди с культурой, сходной с мезолитом Южного Прикаспия, заселили горный Дагестан около 10 тыс. лет назад (VIII тыс. до н.э.). В эпоху мезолита, охватывающей VIII-VII тыс. до н.э., развитие чохской культуры шло эволюционно без сколько-нибудь принципиальных нововведений. На протяжении около двух тысячелетий люди чохской культуры удовлетворяли свои потребности в пище традиционными для каменного века формами присваивающего хозяйства - охотой преимущественно на безоаровых козлов и муфлонообразных баранов и специализированным собирательством, в том числе сбором дикорастущих злаков.

На рубеже VII-VI тыс. до н.э. темпы культурно-исторического развития обитателей горного Дагестана резко меняются. В верхнем слое Чохского поселения, относящемся к неолиту, появляется комплекс признаков, свидетельствующих о коренном переломе в хозяйственной деятельности и образе жизни его обитателей. Об этом свидетельствуют фундаментальные каменные жилища, рассчитанные на долговременное и постоянное обитание, неизвестные прежде домашние производства, в частности керамическое. Земледельческие орудия - мотыжки, кремневые жатвенные ножи с костяной и каменной рукоятями, печные сооружения, служившие для обжаривания зерна и выпечки хлеба, находки обугленных зерен культурных злаков: пшеницы двузернянки, пшеницы однозернянки, мягкой - карликовой пшеницы, голозерного и пленчатого ячменя говорят о возникновении земледелия, которое в хозяйстве обитателей Чохского поселения занимало одно из ведущих мест.

Анализ костных материалов доказывает существование у обитателей Чохского поселения также одомашненных животных - овцы, возможно и козы.

Все это свидетельствует о том, что уже в раннем неолите население горного Дагестана совершило радикальный скачок в своем экономическом развитии, выразившийся в переходе от присваивающего хозяйства к производящему и установлении здесь прочного оседлого быта. Однако, несмотря на то, что земледелие и скотоводство уже заняли в хозяйстве ведущее место, элементы архаической, присваивающей экономики были еще сильны. Об этом свидетельствует то, что значительную часть мясной пищи обитателям Чохского поселения доставляла традиционная охота на диких козлов и баранов.

Значение Чохского поселения далеко выходит за рамки первобытной истории местного общества. В настоящее время оно

является единственным на Кавказе и на всем юге России памятником, в котором ярко отражается процесс вызревания неолитической культуры с производящей экономикой в основном на местной мезолитической основе [Амирханов Х.А., 1987. С.6, 158-181].

Таким образом, новейшие исследования Чохского поселения подтвердили правоту Н.И. Вавилова, который еще в 20-х гг., основываясь на чисто геоботанических данных, отнес Дагестан к числу тех горных районов мира, которые являются очагами первоначальной земледельческой культуры, и включил его вместе с Закавказьем в юго-западноазиатский центр происхождения культурных растений [Вавилов Н.И., 1957. С.87-121; 1965. С.166-168].

Зарождение новой экономики было одним из переломных моментов в древнейшей истории Северо-Восточного Кавказа. Оно ознаменовало начало новой эпохи - эпохи производящего хозяйства, кардинальное изменение всей экономической базы местного общества, предопределило дальнейшее прогрессивное его развитие, изменение его социальной структуры и всего облика культуры. С этого времени Дагестан становится одним из центров интенсивного развития земледелия и скотоводства, различных домашних производств и ремесел, ускоренного роста населения и интенсивных демографических процессов, связанных с расселением земледельческо-скотоводческого населения и освоением им новых территорий.

На втором этапе, охватывающем эпоху энеолита (V-1-я половина IV тыс. до н.э.), раннеземледельческое общество горного Дагестана развивается на основе хозяйственных и культурных достижений населения чохской культуры. В энеолите была в значительной степени нарушена замкнутость неолитических общин. Земледельческие общины осваивают новые территории горной зоны Северо-Восточного Кавказа: долины рек, горные плато. Наряду с базовыми поселениями (поселение Гинчи в Шамильском районе), в ходе земледельческо-скотоводческого освоения горной зоны возникает новый тип поселений - сезонные поселения (поселения у с.Ругуджа Гунибского района, Чинна в Хунзахском районе). К двум великим открытиям (земледелие и скотоводство) теперь добавляется третье - освоение людьми металла, являющегося одним из важнейших стимуляторов коренных изменений в технике, технологии, экономике и, в конечном итоге, в социальных отношениях [Гаджиев М.Г., 1991. С.28-109].

Основу хозяйства того времени составляло земледелие. На плодородных поймах рек и речных террасах возделывали пшеницу и ячмень. Разнообразными были жатвенные инструменты, которые

занимали среди кремневых орудий (поселение Гинчи) около 18 процентов. Важно отметить, что в эту эпоху, наряду с архаическими жатвенными ножами, получили распространение прогрессивные формы жатвенных орудий - изогнутые серпы, отличающиеся высокой производительностью. Появляется специальная тарная посуда, служившая для хранения зерна, крупные зернотерки, что является одним из показателей успехов, достигнутых в зерновом хозяйстве.

Молочную пищу и значительную часть мясных продуктов доставляло уже скотоводство. Горный Дагестан отличается от других областей Кавказа тем, что в то время здесь главным образом разводили овец и коз, в меньшей степени крупный рогатый скот и свиней, что говорит о преимущественно овцеводческом характере животноводческого хозяйства. Несмотря на существование развитого скотоводства, в экономике горных общин в эпоху энеолита большую роль еще продолжала играть охота на оленей и мелких жвачных. Однако значение последней неуклонно падало: если в раннем энеолите доля диких животных в мясном рационе населения составляла около 67 процентов, то к концу эпохи она уменьшилась до 31 процента.

Наряду с отраслями хозяйства, рассчитанными на удовлетворение потребностей населения в пище, в комплексной экономике горных общин существовал еще целый ряд производств, удовлетворявших потребности населения в различных сферах жизнедеятельности и по мере развития общества, приобретавших все большее значение. Это строительное дело, металлообработка, керамическое производство, ткачество, переработка продуктов земледелия, скотоводства и охоты и др. В строительном деле дальнейшее развитие получает техника каменного строительства, традиционного для горного Дагестана. Исключительно высокого уровня достигает керамическое производство. Поражает высокое качество части керамики того времени, которая напоминает античную посуду. Производство подобной керамики было возможно при высоком уровне развития теплотехники, наличии гончарных печей, в которых достигалась высокая регулируемая температура. Новым видом производства было ткачество, продукция которого включала не только грубые, но и тонкие ткани более сложного плетения. Заметное положение приобретают производства, связанные с переработкой продуктов земледелия, скотоводства: размол зерна, обработка шкур и выделка кожи, изготовление одежды, обработка кости, переработка молочных продуктов и др.

Обогащается духовная жизнь общества, развиваются

орнаментальное искусство, наскальная живопись, отражающие разнообразный духовный мир ранних земледельцев.

Прогресс в развитии новой экономики создает возможности накопления прибавочного продукта, имущественного и социального расслоения общества. Однако данный этап развития древнедагестанского общества представляется еще как время наивысшего расцвета первобытно-общинного строя и соответствует уровню развития раннеземледельческого общества V-IV тыс. до н.э. в Закавказье и соответствующих комплексов Ближнего Востока (Халаф, ранний Убейд и т.п.) [Гаджиев М.Г., 1991. С.45-109].

Успехи в развитии новой экономики таили в себе угрозу самому строю, что особенно ярко выступает на следующем третьем этапе, который можно назвать как период расцвета ремесел, интенсивного разложения первобытно-общинных отношений, ускоренного движения раннеземледельческого общества к цивилизации.

На данном этапе, который согласно археологической периодизации относится к раннебронзовому веку (сер. IV-сер. III тыс. до н.э.) происходит дальнейшее расселение земледельческо-скотоводческих племен. Ими осваиваются все новые территории и различные экологические ниши Северо-Восточного Кавказа, плодородные долины рек в предгорьях и в Приморской низменности, где возникают крупные оседлоземледельческие поселения, занимавшие площади более 3-х га. Увеличивается плотность населения в горных долинах и, в особенности, в Приморской низменности. Северо-Восточный Кавказ становится составной частью обширного ареала куро-аракской культуры, где развивался один из ее ярких локальных вариантов (Мунчаев Р.М., 1961; 1975. С. 172-198; Гаджиев М.Г., 1991. С. 229-241). Наибольшая концентрация людских масс происходит в низовьях таких рек, как Уллучай, Гамриозень и др. [Гаджиев М.Г., 1991. С.151-168].

Подобные демографические процессы были возможны при условии высокой интенсификации развития отраслей производящего хозяйства. Складывавшаяся в это время террасная система земледелия являлась гарантией длительного и стабильного обживания горной зоны большими группами населения. Горный Дагестан становится одним из ярких мировых очагов террасного земледелия [Вавилов Н.И., 1936. С.80].

Качественные сдвиги в развитии земледелия связаны также с усовершенствованием земледельческих орудий, в первую очередь, пахотных. Применение плуга, приводимого в движение с помощью тягловых животных, открыло огромные возможности для расширения

посевных площадей. Распространяются высокопроизводительные изогнутые кремневые серпы со специализированными вкладышами, появляются различные молотильные приспособления.

Расширяется ассортимент возделываемых злаков (полба, различные виды пшеницы, пленчатый и голозерный ячмень, лен). Возникает садоводство и виноградарство. В результате активной селекционной работы выработались особые эндемичные сорта зерновых, отличавшиеся скороспелостью и укладывавшиеся в цикл развития в короткое лето. Разнообразными становятся агроприемы, формы и системы земледелия, появляются аграрные календари [Исрапилов М.И., 1993. С.44-130].

В результате всего этого происходит резкий подъем зернового хозяйства, забота о хранении зерна становится важнейшей чертой быта, появляются большие зернохранилища в виде крупных колоколовидных погребов глубиной до 2 м и диаметром 1-2 м, налаживается массовое производство специальных, крупных тарных сосудов для хранения зерна [Гаджиев М.Г., 1991. С.177-179]. На поселениях эпохи ранней бронзы в массовом количестве встречаются зернотерки. Из отработанных зернотерок на Великентском поселении строились даже стены различных бытовых сооружений.

В развитии скотоводства следует подчеркнуть заметное увеличение его удельного веса в мясном обеспечении населения, возрастание роли крупного рогатого скота, соотношение которого к мелкому составляло уже 1:2. Более разнообразными становятся и формы организации скотоводческого хозяйства: пастушеское, отгонное, стойловое. Скот широко используется в качестве тягловой силы, а лошади - для верховой езды.

Особенно поразительны успехи в развитии древних производств, превратившихся на этом этапе в специализированные ремесла. Высокого уровня достигла техника каменного домостроительства. Архитектура поселений, застраивавшихся круглоплановыми жилищами, становится почти стандартной. Дома укрепляются контрфорсами, пилястрами, в строительном деле широко используется обработанный камень. Неожиданно высоким оказался уровень развития строительного дела в Приморском Дагестане, где было налажено производство жженого кирпича, использовавшегося в жилой и другой бытовой архитектуре [Гаджиев М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г., 1997. С. 65]. Следует особо подчеркнуть, что этот строительный материал использовался в ту эпоху только в некоторых ранних городских центрах Древнего Востока.

Важнейшим фактором культурного и экономического прогресса общества раннебронзового века Северо-Восточного Кавказа являются активное развитие производства металла и его обработки. Находки орудий и приспособлений, связанных с литейным производством (молоты, топоры-клевцы, тигельки, литейные формы), слитки выплавленной из руды меди, многочисленные металлические предметы (орудия труда, предметы вооружения, украшения), изготовленные на высоком профессиональном уровне, являются яркими показателями, свидетельствующими о выделении металлургии и металлообработки в ремесла [Гаджиев, 1986. С.32-49; 1987. С.6-13]. Заметное место занимают ювелирное дело, художественная обработка бронзы и других цветных металлов.

Весьма показательным является уровень развития гончарного ремесла. Прогресс наблюдается во всей технологии производства керамики, начиная от приготовления теста до выработки устойчивых типов изделий и их термической обработки. Технология обжига керамики, особенно высоко-качественной, была доведена до совершенства. По данным раскопок поселения Великент II около 10-15% керамики изготовлялось на гончарном круге [Гаджиев М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г., 1997. С. 64]. Этот факт заслуживает особого внимания потому, что гончарный круг появляется и широко используется на определенном этапе исторического развития и только в обществах, достигших порога цивилизации и государства [Арциховский А.В., 1955. С.109]. Отделившиеся от земледелия ремесла были рассчитаны уже на товарное производство и стимулировали развитие обмена и торговли. Вообще раннеземледельческие общества на этом этапе своего развития становятся более коммуникабельными, чему в немалой степени способствовали изобретение колесного транспорта и использование лошади для верховой езды. Это время широких культурно-исторических контактов как с сопредельными областями, так и отдаленными территориями.

Прогресс в экономическом развитии раннеземледельческих общин приводит к накоплению регулярного прибавочного продукта, к имущественному и социальному расслоению общества. Показательно в этом плане появление больших зернохранилищ, монументальных погребальных сооружений, отражающих имущественные различия семей и общинников [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1990. С.14-16], захоронений знати на четырехколесных повозках, кибитках [Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М., 1980. С.43-55], распространение знаков власти - скипетров, жезлов вождей и старейшин.

Изменяется и характер духовной культуры, широко

распространяются различные культы, появляется верховное божество, олицетворявшее культ плодородия и запечатленное в глиняной скульптуре, изображающей женщины. Весьма выразительны сюжеты, композиции - фризы на глиняных сосудах, состоящие из антропо- и зооморфных фигур, изображений из спиралей, концентрических кругов, ромбов, крестов, зигзагов и др. Яркими памятниками искусства являются наскальные изображения, где запечатлены разнообразные сюжеты, в том числе аграрного цикла ("древо жизни", солярная символика, символы изображающие засеянное поле), реалистические бытовые сцены, отражающие разные стороны труда земледельца: пахоту, молотьбу, засев поля. Многие изображения на глиняных сосудах, на скалах несут определенную идеологическую нагрузку [Гаджиев М.Г., 1991. С.219-228], но вместе с тем в них, вероятно можно видеть определенные попытки передачи важной информации, что обычно предшествует появлению письменности.

В типологическом отношении древнедагестанское общество данного, третьего периода раннеземледельческой эпохи может быть сопоставлено с обществами майкопской культуры Северного Кавказа, куро-аракской культуры Закавказья, оно отражает уровень развития раннеземледельческого общества Ближнего Востока позднего Убеида, раннего Урука в Месопотамии, Гиссара I-III в Иране и др., находившегося у порога раннегородской цивилизации.

Изложенное выше свидетельствует о том, что культурно-историческое развитие раннеземледельческого общества Северо-Восточного Кавказа шло по переднеазиатскому пути, при котором оно завершается, как правило сложением классового общества и цивилизации [Массон В.М., 1989. С.68-96].

Однако процесс становления на Северо-Восточном Кавказе классового общества и формирования ранней цивилизации не получил закономерного завершения. Прогрессивное развитие раннеземледельческого общества, протекавшего в условиях безусловного сохранения преемственности на всех его этапах, было прервано в конце раннебронзового века, в III тыс. до н.э. Становление классового общества на Северо-Восточном Кавказе затянулось еще более чем на два тысячелетия. Произошел закат высокоразвитой раннебронзовой культуры, распалось прежнее культурное единство Северо-Восточного Кавказа, представленное здесь северовостокавказским вариантом куро-аракской культуры. На рубеже эпохи ранней и средней бронзы сложились новые археологические культуры. Таковы гинчинская культура, распространенная в горном Дагестане и в юго-восточной

горной Чечне, присулакская культура - в северном прикаспийском Дагестане, великентская культура - в Приморской низменности к северу от Дербента, манасская группа памятников и др.

Северо-Восточный Кавказ превратился в весьма пеструю в этнокультурном отношении область Кавказа. Культурная трансформация на севере региона произошла более радикально и раньше, чем на юге². Она сопровождалась снижением темпов его экономического и культурного развития, упадком ремесел. В обществе отчетливо наметились признаки застоя, регресса. В конечном итоге, древнедагестанское общество, развивавшееся неуклонно, поступательно на протяжении около четырех тысячелетий, было отброшено далеко назад. Так завершилась одна из важнейших и длительных эпох в древнейшей истории народов Северо-Восточного Кавказа.

Чтобы понять причину этого кажущегося необычным явления следует обратиться к культурно-исторической ситуации, сложившейся в раннебронзовом веке на северной окраине раннеземледельческой ойкумены. Здесь на обширных просторах степей Евразии в ту эпоху складывались крупные племенные объединения подвижных скотоводов. Отношения между ними и оседлоземледельческими племенами, особенно в контактных зонах, которыми являлись Северный Кавказ, Балканы и др., складывались по-разному. Были периоды мирных контактов, но безусловными фактами засвидетельствованы прямые вторжения степных племен в южные густонаселенные оседлоземледельческие области Средней Азии, Кавказа, Подунавья, Балкан [Мерперт Н.Я., 1978. С.55-63]. Вторжения степных племен, наряду с климатическими и социальными факторами, были одной из главных причин культурно-исторической трансформации общества раннебронзовой эпохи Северо-Восточного Кавказа. В сменявшихся раннебронзовую куро-араксскую культуру среднебронзовых культурах Дагестана, особенно присулакской, определяющими являются признаки степных культур - курганный обряд захоронения, керамика со шнуровым узором. Эти элементы степных культур получили распространение в среднебронзовых культурах, распространенных не только в Приморской низменности

2. В работах, посвященных проблеме трансформации раннебронзовой культуры мы постоянно подчеркивали, что этот процесс протекал не спонтанно и одновременно на всей территории Северо-Восточного Кавказа, не означал "хаотический распад существовавших связей внутри культуры", как это иногда представляют [Магомедов Р.Г., 2000. С. 93].

и предгорьях Дагестана, но и глубоко в горных долинах (Ирганайская) [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1988. С. 3,4]. Культурно-исторические процессы, протекавшие на Северо-Восточном Кавказе на заре бронзового века, не являются узколокальными явлениями, а отражают общие закономерности исторического развития оседлоземледельческих обществ на северной окраине раннеземледельческой ойкумены. Аналогичного характера события имели место в ту эпоху на всем Северном Кавказе, Подунавье и на Балканах. Археологические памятники Дагестана, приобретают особое значение для раскрытия этих закономерностей.

Однако значение изучения раннеземледельческой эпохи этим не ограничивается. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа не исчезла бесследно, как и ее носители, которые сыграли значительную роль и оставили глубокий след в дальнейшем этнокультурном развитии этой области Кавказа. Отдельные элементы культуры той эпохи сохранились вплоть до современной этнографической действительности Дагестана (террасная система земледелия, формы скотоводства, традиции каменной архитектуры, различные составляющие интерьер жилищ - печи, лежанки, лавки и т.п.). Антропологический тип древнего оседлоземледельческого населения лег в основу формирования физического облика современных народов Северо-Восточного Кавказа. Их языки, относящиеся к нахско-дагестанской группе северокавказских языков, восходят к правахско-дагестанскому языку, культурная лексика которого отражает уровень экономического и культурного развития раннеземледельческого общества Северо-Восточного Кавказа в V-III тыс. до н.э

ЛИТЕРАТУРА

- Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993 — Археологическая карта Дагестана. М.
Амирханов Х.А., 1987 — Чохское поселение. М.
Анучин Д.Н., 1884 — Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // Известия Русского географического общества. СПб. Т. XX. Вып. 4.
Арциховский А.В., 1955 — Основы археологии. М.
Вавилов Н.И., 1936 — Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. №2.
Вавилов Н.И., 1957 — Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых, бобовых, льна и их использование в селекции. М.-Л. Т. 1.
Вавилов Н.И., 1965 — Ученые о происхождении культурных растений после Дарвина // Избр. тр. М.-Л. Т.5.

Гаджиев М.Г., 1969 — Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала.

Гаджиев М.Г., 1986 — О древней металлообработке в Дагестане // *Studia Praehistorica*, 8. София.

Гаджиев М.Г., 1987 — Древние очаги металлообработки в Дагестане // *КСИА*. Вып. 108.

Гаджиев М.Г., 1991 — Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.

Гаджиев М.Г., Кол Ф., Магомедов Р.Г., 1995 — Исследования Дагестанско-Американской археологической экспедиции // *АО* 1994. М.

Gadjiev M.G., Kohl P.L., Magomedov R.G., Strounach D., 1997 — The 1995 Daghestan-American Velikent Expedition // *EURASIA*. Band 3. Berlin.

Гаджиев М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г., 1997 — Исследования Международной Дагестанско-Американской экспедиции на поселении Великент II (1994-1995 гг.) // *Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы*. Краткое содержание докладов международной научной сессии. Тбилиси.

Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1990 — Великентские катакомбы // Тезисы докладов Всесоюзного семинара “Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности”. Запорожье.

Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1988 — Новые данные о культурных связях населения степей и гор в бронзовом веке // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1986 - 1987 гг. Махачкала.

Исрапилов М.И., 1993 — От Кегера до Стоунхеджа. Махачкала.

Канивец В.И., 1957 — Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году // *Ученые записки ИИЯЛ*, т. III. Махачкала.

Канивец В.И., 1959 — Миатли - новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // *МАД*. Махачкала. Т. I.

Котович В.Г., 1959 — Новые археологические памятники Южного Дагестана // *МАД*. Махачкала. Т. I.

Котович В.Г., 1961 — Археологические работы в горном Дагестане // *МАД*. Махачкала. Т. II.

Котович В.Г., 1961a — К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // *Ученые записки ИИЯЛ*, т. IX. Махачкала.

Котович В.Г., 1964 — Каменный век Дагестана. Махачкала.

Котович В.Г., 1965 — О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // *СА*. № 3.

Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М., 1980 — Утамышские курганы // *Северный Кавказ в древности и в средние века*. М.

Котович В.М., 1965 — Верхнегунибское поселение. Махачкала.

Крупнов Е.И. — Материалы по археологии Северной Осетии докобакского периода // *МИА*, 1951. № 23.

Круглов А.П., 1958 — Северо-Восточный Кавказ во II тысячелетии до н.э. // *МИА*. № 68.

Магомедов Р.Г., 2000 — К вопросу о финальной фазе куроаракской культуры на Северо-Восточном Кавказе // XXII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.

Массон В.М., 1989 — Первые цивилизации. Л.

Мерперт Н.Я., 1978 — О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // *Проблемы советской археологии*. М.

Мунчаев Р.М., 1955 — Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита // *СА*. № XXII.

Мунчаев Р.М., 1958 — Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. // *КС ИИМК*. 71.

Мунчаев Р.М., 1960 — Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // *МИА*. 100.

Мунчаев Р.М., 1975 — Кавказ на заре бронзового века. М.

Ф.Р. Махмудов
И.Г. Нариманов

ПОСЕЛЕНИЕ МИШАРЧАЙ I (нижний слой)

Во время археологической разведки в 1964 г. у юго-восточной окраины г. Джалилабад был зафиксирован огромный холм, известный под названием Хемшере тепеси. Он расположен у древнего русла реки Мишарчай, имеет в плане округлую форму и плоскую вершину. Диаметр холма в основании около 160 метров. Площадь вершины 1,2 га. Высота достигает 18 м. В 1965 г. при обследовании было установлено, что это поселение, сохранившее слои эпохи бронзы и более поздних периодов.

На южном склоне в средней его части, где хорошо наблюдалось обнажение культурных напластований, был заложен разведочный раскоп длиной 7 м и получен разрез нижней толщи холма, мощностью 9 м. Установлено, в частности, что два нижних слоя толщиной 5,1 м относятся к эпохе бронзы.

Первый – нижний слой поселения мощностью 4,5 м начинается с отметки -16 м от вершины, где непосредственно залегает материковый слой и доходит до отметки -11,5 м.

На глубине - 12,5 – 13 м обнаружено скопление сырцовых кирпичей (40x15x12 см), занимающих площадь 4 м². В результате сильного огня они обожжены и приобрели красно-коричневый цвет. Эти кирпичи, судя по аналогии таковых на неолитическом поселении Аликемек тепеси, представляют остатки стены керамической печи. В скоплении кирпичей, наряду с черепками лощеных сосудов, найдены глиняные биконические ядра для пращи.

Ниже шел местами утрамбованный и покрытый тонкими прослойками обмазки слой. В нем найдено много обломков сырцового кирпича, встречались булыжники.

Для нижних горизонтов характерны напластования золы, достигающие местами площади 2 м² и толщины 0,3 м. В западной части раскопа, на глубине 14,3–14,7 м были выявлены остатки помещения, сооруженного парной кладкой сырцовых кирпичей (42x18x12; 40x17x10 см), скрепленных глиняным раствором. Стена, сложенная из чередующихся рядов кирпичей и оштукатуренная с обеих сторон, сначала идет прямо по направлению ЮВ–СЗ, а затем поворачивает к западу. Снаружи, к закругленному углу стены примыкала яма цилиндрической формы (диаметр 12, глубина 60 см) с остатками трухи

от деревянного столба. Пол строения (глубина 14,7 м) состоял из нескольких тонких слоев желтой глины.

Помещение было сооружено на специально утрамбованной площадке. Оно указывает на бытование у жителей Мишарчай I периода ранней бронзы кирпичных строений прямоугольной формы.

В нижнем слое рассматриваемого поселения вскрыты и керамические очажные сооружения двух типов. Первый очаги типа мангалов чашеобразной формы с плоскими массивными венчиками. Подобными мангалами, углубленными в пол, отапливались помещения второго слоя Кюльтепе. Они найдены на поселениях Бабадервиш и Амиранис-Гора.

Второй тип – переносные очаги в виде подковообразных подставок. Они в задней части снабжены ручкой, а изнутри – небольшими выступами. Такие подковообразные подставки, как известно, являются характерными для керамического комплекса курааракской культуры.

Хозяйственно-бытовой инвентарь первого слоя состоит из орудий труда, оружия, керамики и редких металлических изделий.

Орудия труда изготовлены из камня и кости. Вкладыши от серпов на кремневых пластинах (3 экз.). Они имеют по два лезвия в продольных краях, со следами ретуши. Режущий край с двух сторон заполирован до блеска. На поверхности вкладышей имеются следы битума. Такие вкладыши с двумя лезвиями использовались в съемной рукоятке попеременно.

Многочисленные зернотерки овальной и ладьевидной формы, изготовленные из разных пород. Овальные зернотерки массивны. Их рабочая поверхность или ровная, или с неглубоким прогибом по продольной оси.

Ладьевидных зернотерок сравнительно много. Длина их рабочей части обычно соответствует ширине овальных. В двух случаях зернотерки найдены попарно – одна над другой. Причем, ладьевидная над овальной, что дает ясное представление об их расположении в рабочем процессе.

Ступки изготовлены из круглого, нередко с плоским основанием камня, путем углубления его середины в виде чаши. Диаметр чаши ступок достигает 17 см. Эти орудия сопровождаются пестами продолговатой формы, со следами сработанности на обоих концах.

Костяные орудия представлены многочисленными проколками, иглой и пряслицами. Проколки имеют искусственно заостренный, аккуратно отточенный конец, полированный в результате длительного

использования. Одна из них имеет форму иглы, с отверстием на противоположном конце. Пряслища выработаны из эцифиза крупных животных, в середине которых высверлено маленькое сквозное отверстие.

Отмеченные каменные и костяные орудия являются обычным инвентарем поселений эпохи ранней бронзы, памятников куро-аракской культуры.

Оружие представлено двумя группами. Первую группу составляют каменные наконечники булав. Одно из них – шаровидной формы, выточено из белого мрамора, хорошо полировано, имеет круглое сквозное отверстие одностороннего сверления. Вторая булава из твердого камня сероватого цвета, имеет почти цилиндрическую форму. Сквозное отверстие высверлено с двух сторон. Попутно отметим, что еще две каменные полированные булавы шаровидно-грушевидной формы – одна гагатова из села Шуви и другая мраморная из Узунтепе, на Мугани.

Вторую группу оружия образуют глиняные биконические ядра для пращи (длина 4–5 см, толщина 3–3,5 см), найденные иногда кучками. Известно, что аналогичные предметы очень характерны для раннеземледельческих поселений Ближнего Востока. До раскопок на Мишарчай I такие находки в Закавказье не были известны. В последние годы глиняные снаряды для пращи обнаружены в неолитических поселениях Иланлытепе и Аликепек тепеси.

Керамика составляет основную часть материала нижнего слоя. Она изготовлена в ручную, из не всегда хорошо отмученной глины с примесью песка и других включений. Поверхность большинства керамических изделий обработана лощением, нередко доведенным до металлического блеска. Отдельные группы сосудов залощены с обеих сторон. Малочисленна не лощенная посуда, покрытая светлым ангобом, нанесенным в одном случае на наружную, в другом – на внутреннюю поверхность. Есть образцы, ангобированные с обеих сторон. Изредка встречаются обломки сосудов с поверхностью, окрашенной красной охрой.

Преобладает красная, светло-коричневая и бурая лощеная керамика без каких-либо подкладок или с черной внутренней поверхностью. Чернолощенные сосуды, иногда на розовой подкладке, наряду с редкими обломками серолощенных, встречаются в верхней толще слоя. Керамика, формованная, в основном ленточным способом, подвергалась сглаживаю пучком травы. На краях многих обломков имеются остатки битума, а иногда просверлены отверстия для реставрации поломанных сосудов.

Преобладает кухонная посуда. По формам выделяются кувшины, горшки, миски, цилиндрические сосуды, кружки. Большую группу составляют дисковидные крышки.

Кувшины можно разделить на три типа.

Первый из них составляют кувшины с высокой цилиндрической шейкой, чуть расширенным у самого края венчиком, вытянутым наружу и иногда окаймленным узкой лентой. Горлышко высотой около 10 см сравнительно узкое (диаметр 12–15 см), у основания имеют проемные ручки. Корпус округлый.

Второй тип – широкогорлые кувшины с парными полусферическими или петлевидными ручками, помещенными у перегиба шейки в плечо. Цилиндрические или слегка суженные кверху горловины значительно короче, чем у кувшинов первой группы. Они имеют округло-вздутое тулово. Аналогичные сосуды хорошо известны из второго слоя Культепе, Мингечаура, Дидубе.

Третий тип представляют кувшины с тремя проемными ручками на корпусе. Они имеют округло-вздутое тулово и короткое трубчатое горло. Подобной формы сосуды в памятниках куро-аракской культуры широко распространены.

Подавляющее большинство керамики нижнего слоя составляют миски (или бадьи), представленные двумя основными типами.

В первой из них – низкие бадьи трапециевидного профиля. Они безручные, толстостенные, найдены в нижней толще этого слоя. По форме эти бадьи совершенно аналогичны подобным сосудам из неолитических поселений Мугани.

Второй тип составляют миски с внутренним бортиком. Эта сравнительно глубокие миски с узким днищем, расширенным кверху корпусом и слегка загнутым внутрь краем венчика, путем утолщения, образующим бортик. Нередко они снабжены петельчатыми ручками круглого сечения, расположенными у края или чуть ниже венчика. Большинство их служило столовой посудой, поэтому они сравнительно тонкостенные и хорошо залощены как с красной наружной, так и с черной внутренней стороны.

Отметим, что эта посуда составляет преимущественное большинство всей керамики первого слоя Мишарчай I. Аналогичные миски характерны также для раннебронзовых поселений Мильской степи (Сарай-тепе, Султанбуд, Мейне тепелери, Гаракепектепе, Узунтепе и др.), северо-восточного Азербайджана (Гефле тепелери, Тепеятагы) и Дагестана. В других же районах распространение куро-аракской культуры они либо отсутствуют, либо встречаются редко.

Представляется, что прототипом данной формы мисок является соответствующая форма посуды из слоя М. Геойтепе.

Кружки отличаются небольшим размерами и резким профилем – слегка отогнутым венчиком и округлым туловом, конически суженным к маленькому плоскому дну. Они снабжены ленточной ручкой. Одна из кружек имеет шаровидное тулово с желтоангобириванной поверхностью.

Интересны кружки или кувшинчики, отличающиеся от остальной посуды тонкостью (средняя толщина 2–3 мм) черепка и черным металлическим блеском лощения наружной поверхности. Эти сосуды со “звонким” черепком изготовлены из чистой, хорошо отмученной глины. Они имели невысокое цилиндрическое или чуть расширенное горло с прямым, невыраженным венчиком, от которого отходила тонкая же ленточная ручка, соединяющая верхнюю часть округло-шаровидного корпуса. Характерен плавный переход от горла к корпусу. Дно узкое, плоское. Прекрасное качество обработки, совершенство форм позволяет считать их народной столовой посудой.

Кроме того, в первом (нижнем) слое были найдены обломки цилиндрических сосудов со слабо залощенной поверхностью, для которых характерно широкое плоское дно и прямые стенки. Много дисковидных крышек с полусферической ручкой в центре, как хорошо полированных, так и покрытых светлым ангобом.

Отметим также находку подставки для сосуда. Она краснощеная, представляет собой конически расширенный по обоим концам толстостенный трубчатый предмет, несколько суженный в середине.

Особо следует сказать о трех обломках сосудов, изготовленных на тканевой основе. Этот древний способ формовки посуды был известен в Закавказье еще в эпоху энеолита (Алжкелек тепеси, Техут). В последующий период на Кавказе он был распространен значительно шире.

На сосудах из первого слоя почти полностью отсутствует орнамент. Исключение составляют обломки, на которых имеется часть рельефных линий от спирально-концентрического орнамента, характерного для керамики многих памятников куро-аракской культуры.

Немалый интерес среди керамических находок представляют фигурки домашних животных. Преобладают фигурки быков. Они изображают вытянутое тело, очень короткие и толстые ноги с тупыми концами копыт животного. На шее одной фигурки имеется сквозное отверстие для ярма, указывающее на упряжку быков. Это тем более вероятно, что на поселениях куро-аракской культуры, в том числе на Мишарчай I, наряду с ними найдены керамические модели колес с

выступающими ступицами. Здесь, кроме того, обнаружены фигурки барана и собаки, напоминающие такие же фигурки, как из Бабадервиша, Квацхелеби, Кюльтепе I и других поселений.

Отметим, что почти все глиняные фигурки Мишарчай I от закавказских аналогий отличаются своими сравнительно крупными размерами. Это касается также уникального образца древней пластики куро-аракской культуры, найденной здесь – полой скульптуры птицы “на постаменте”. Выпуклости передней части тела и крыльев реалистично передают фигурке облик орла, клюв которого полностью открыт.

Особый интерес представляет трубчатой формы глиняное сопло, длиной 11,2 см, предназначенное для искусственного дутья воздуха в металлургические горны. До этого подобные предметы были найдены на Геойтепе и Яниктепе. В настоящее же время находки глиняных сопел сделаны в ряде других поселений куро-аракской культуры (Бабадервиш, Амирепис-Горе, Хызапасыт-Горе, Джрагацетек и т.д.).

Металлические изделия включают обломок четырехгранного шила с заостренным концом, сильно окисленную проволоку и слиток, напоминающий фигуру человека. Спектральный анализ показал, что они бронзовые (в сплаве имеется примесь мышьяка от 1,4 до 2,35%).

Таким образом, весь комплекс находок первого слоя Мишарчай I отчетливо показывает принадлежность данного селения к куро-аракской культуре. Ее элементы отражены особенно в очажных сооружениях, полированных шаровидных булавах, типичных керамических фигурках животных и моделях колес, изделиях мышьяковой бронзы. Ведущие признаки этой культуры, как правило, дают керамические сосуды характерных форм и технических особенностей.

О РАНИХ ПОДСУРТАННЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Погребальные памятники, исследованные с Северо-Западном Азербайджане, представлены несколькими культурно-хронологическими группами. Каждая из них отражает определенный этап в исторических процессах имевших место в этом регионе. Одна из таких групп представлена четырьмя памятниками – кюдурлинскими курганами №№ 13 и 14, дашюзским курганом № 6 (основное погребение), сарыджинским курганом № 2/1998. Из них лишь курганы №№ 13 и 14 частично опубликованы, а два других памятника не введены в научный оборот. В настоящей работе мы восполним этот пробел, обогатив археологию Кавказа интересным фактическим материалом.

Первые три памятника находились в Шекинском районе, недалеко друг от друга, на узкой полосе высокого надпойменного берега реки Айричай, ограниченного с ЮЗ дашюзским хребтом, в районе одноименных сел. Сарыджинский курган находился в Кахском районе, на холмистой западной оконечности сарыджинской степи, именуемой Минберек, в четырех километрах от левого берега реки Ганых (Алазань).

Курган № 13 [Ахундов Т.И., 1985]. Находился на гребне высокой (более 20 м) гривы, господствующей над прилегающей территорией. Шапка его, диаметром 9 - 12 м и высотой 0,4 м, состояла из двух слоев бульжной вымостки, оконтуренных рядом крупных плоских валунов и перекрытых слоем гравийной наброски. Двучастная погребальная камера, вырытая в гравийном грунте, была вытянута по СЗ-ЮВ. Большая ЮВ часть имела под квадратную форму (2,5x2,5x0,8 м) с закругленными углами, и небольшой “ступенькой” в центре ЮВ стены. Малая часть (1,5x1x1 м) торцом примыкала к середине СЗ стены большей камеры и была на 20 см глубже. Обе части были одновременно послонно замурованы бульжником (рис. 1, 5).

Погребенный был уложен в малой части, скорчено на спине, головой на северо-запад. Ноги, подтянутые ступнями к тазу, и голова были повернуты налево. Кисти покоились в области живота. Череп носил следы искусственной деформации.

Весь инвентарь погребения находился в большей камере. Центральная часть ее заполнения, диаметром около 1 м, как и шапка над ней, была нарушена грабительским колодцем и, в отличии от бульжной замуровки остальной части камеры, состояла из темного

перемешанного грунта. Инвентаря в этом месте камеры не оказалось. Лишь в верхних горизонтах заполнения грабительской ямы была найдена небольшая уплощенно-шаровидная буса из золотой фольги, состоящая из спаянных полушарий (рис. III, 11).

В ногах погребенного, на сложенных кучкой бульжниках находился небольшой горшок желто-рыжего обжига, заполненный золой и тленом (рис. II, 12). Рядом находился второй сосуд черного обжига с залощенной поверхностью, украшенный врезам (рис. II, 3). Вокруг было много органического тлена. С южной стороны к этой группе был приставлен удлиненный бульжник с фаллическими признаками.

У восточного угла камеры, выделяющегося обилием копоти и следами огня, в дне была вертикально установлена стелла. Она сделана из слегка обработанного удлиненного валуна и имела прямоугольное сечение (25x15 - 20 см) с острым нижним концом. Верхний конец был сломан, и сохранившаяся длина равна 80 см. На одной из плоскостей у верхнего конца сохранился горизонтальный желобок. Следов огня на стелле не было.

Помимо описанных, в камере найдены: сосуды серо-бурозового обжига, украшенный врезом (рис. II, 16), фрагмент темно-серого сосуда с врезным орнаментом (рис. II, 15), обломок булавы из эмеевика (рис. III, 15), три наконечника стрелы из светлого кремня (рис. III, 12 - 14), массивная ступка (рис. I, 3), два каменных киркообразных орудия (рис. I, 4), небольшой камень с изображением созвездия Большой Медведицы, соответствующем ее форме за 2 тыс. лет до н.э.

Курган № 14 [Ахундов Т.И., 1988]. Находился к северу от кургана № 13, у подошвы гривы. Диаметр шапки, под которую частично была оформлена вершина естественного холма 25 - 30 м, высота до 3 метров, из которых лишь 1,5 м искусственны. Поверхность ее была покрыта бульжным панцирем. На вершине прослеживалась вогнутость, которая была раскопана. Площадь раскопа 4x4 м.

Верхний пласт состоял из двух слоев небольших валунов, общей мощностью до 50 см. Он подстилался слоем стерильной супеси толщиной 75 см, который в свою очередь подстилался бульжной выкладкой общей мощностью 30 см. Из-за ограниченности возможной площади раскопа площадь и конфигурация отмеченных слоев не была определена.

Под нижней бульжной выкладкой, уложенной по древнему горизонту, находилась могила. Она была устроена в овальной яме глубиной до 30 см, впущенной в материк. Яма длиной 2 м, вытянута по 3-В, была заполнена провалившимися камнями. Она находилась на глубине 1,8 м от вершины.

Погребенный был уложен скорчено на спине, головой на запад. Кисти покоились в области живота, ступни были подтянуты к тазу, колени и голова развернуты налево. По всем признакам, могила изначально имела перекрытие, подстилающее надмогильную вымостку, провалившуюся в яму.

В ногах покойного находились остатки туши овцы и птиц. Перед ним лежали керамические сосуды черного обжига (рис. II, 17, 18). У правого плеча расчищен бронзовый топор-секира с остатками деревянной рукоятки (рис. III, 17). Рядом у локтя находились наконечники стрел различной формы, изготовленные из обсидиана (рис. III, 20, 27 - 30), черного, серого, красного и кремневого кремня (рис. III, 21 - 26).

В области левого плеча находились бронзовые штандарт (рис. III, 16), шило-стамеска (рис. III, 1), шило (рис. III, 18) и оселок из гальки (рис. III, 19). Под штандартом расчищены истлевшие кусочки деревянной обкладки.

Курган № 6 [Ахундов Т.И., 1990]. Находился на ровной, долгое время распаиваемой территории, выделяясь каменно-земляным всхолмлением высотой 0,5 и диаметром 10 - 12 м. После снятия верхнего каменно-дернового слоя, толщиной 25 см выяснилось, что шапка в центре представляла булыжно-валунный круг с плоской (распаханной?) поверхностью диаметром 10 м. Высота его от древнего горизонта, перекрытого на прилегающей территории 1 метровым наносным отложением, 1,3 м. Склоны круга расширялись и на древнем горизонте диаметр его достигал 13 м (рис. I, 1).

По периметру отмеченный круг был обложен супесевой насыпью, склоны которого были выложены кольцом шириной 3,5 м из двух слоев валунов, с внешним диаметром 20 м. Далее насыпь была вторично обложена супесью, а склоны выложены кольцом из мелкого камня, внешним диаметром 27 и шириной 2,5 - 3 м. Основание последнего кольца было на 30 - 50 см выше основания центрального круга.

Под валунно-булыжным слоем центрального круга находился обложенный им мелово-суглинистый курган, диаметром 8 и высотой 0,8 - 1 м. Толщина каменной обкладки по верху была 0,5 - 0,7 метров, а в основании склонов достигала 2,5 метров (рис. I, 1).

Между верхними камнями обкладки, несколько нарушенной в центре, выявлено впускное погребение. Судя по расположению находок, могила была устроена на выровненной поверхности камней, на участке диаметром около 2 метров. Найдена челюсть и фаланги конечностей человека, керамические сосуды.

Керамика трех видов - грубо формованная из рыхлой

крупнозернистой глины красного обжига со сглаженной поверхностью (рис. II, 1 - 2). Черно-обожженная с черноокрашенной поверхностью из хорошо отмученной глины с красноокрашенным венчиком (рис. II, 8) и украшенный врезам (рис. II, 5). Красно-буро обожженная из рыхлой зернистой глины с заглаженной черно-окрашенной поверхностью, украшенной врезом и наколами (рис. II, 7).

Верхний периметр мелово-суглисто-го кургана с СЗ и ЮВ был более низким (до 0,8 м от древнего горизонта), в то время как с СВ и ЮВ она была на 20 - 30 см выше и достигала 1 м. Топография поверхности предполагает тут наличие несохранившегося бревенчатого наката, некогда уложенного по СЗ - ЮВ.

В центре, под впускной могилой, находилась основная погребальная камера кургана, беспорядочно заваленная валунами. Она была частично залублена в суглистый материк на 0,6 м. В плане яма имела квадратную форму (2,5x2,5) с округлыми углами, ориентированными по сторонам света (рис. I, 2). Глубина камеры с учетом высоты над материковой мелово-суглинистой обкладки достигала 1,4 м.

В могиле находился один костяк покойника, уложенного скорчено на спине, головой на СЗ. Ступни были подтянуты к тазу, колени и голова развернуты налево. Кисть правой руки покоилась в области живота, левой - перед лицом (рис. I, 2). В ногах расчищены часть туши и два черепа быков, а также туша овцы, компактно сложенных между голени покойника и юго-восточной стеной, так что голени находились на них.

На поверхности туш находился бронзовый плоско кованый наконечник дротика (рис. III, 2). Тут же лежало два керамических сосуда (рис. II, 14, 19). Три других керамических сосуда находились около покойника (рис. II, 9 - 11). В целом, керамика темно-серого обжига из достаточно хорошо отмученной и формованной глины. В области головы расчищено бронзовое шило (рис. III, 4) и обсидиановый наконечник стрелы (рис. III, 3).

Несмотря на довольно большую площадь погребальной камеры, покойник, сопровождающие туши и инвентарь занимали лишь ограниченную часть могилы и были как бы втиснуты в некое строение, занимающее лишь часть ямы (рис. I, 2).

Сарыджинский курган [Мухтаров Н.М., 1998].

Выделялся на ровной поверхности каменно-земляной шапкой, диаметром 8 - 10 м и высотой около 0,6 м. Погребальная камера подквадратной формы со слегка округленными углами была впущена в материк.

Могиле находился костяк покойника, положенного скорчено на

спине головой на запад, с подтянутыми к тазу ступнями. Голова и колени были развернуты налево. В могиле также были кости овцы и судя по когтям, хищной птицы. В области левого локтя находились бронзовые топорик (рис. III, 9) и кинжал (рис. III, 10) и обсидиановые наконечники стрел (рис. III, 5 - 8). Керамика представлена тремя сосудами, украшенными врезным орнаментом (рис. II, 4, 6), пальцевым вдавлением и поясом налепов (рис. II, 13). Все они формованы из довольно плотной чистой глины, темно серого обжига.

Несмотря на некоторые различия, описанные памятники хорошо увязаны между собой компонентами каждого комплекса (насыпи, камеры, труположения, инвентарь) и представляют единый культурно-хронологический пласт, возможно, с некоторыми индивидуальными элементами форм и направлений связей.

Над погребениями курганов №№ 13, 14 и 6, в несколько различной форме имеются сочетания земляных и булыжных (валунных) прослоек, увязывающих эти памятники между собой и хорошо перекликающихся (особенно № 14) с курганом № 1 около села Ахали Нагбиси [Апакидзе А.М. и др., 1995, табл. 176]. Дашнозский курган № 6 также имел еще два (супесевый и валунный) слоя опоясывающих обкладок насыпи, имеющих аналогично в кургане № 10 в Триалети [Куфтин Б.А., 1941, р. 107], а в некоторой степени с дашнозским курганом № 5 [Ахундов Т.И., 1990]. Обкладка насыпи широким каменным поясом широко представлена в курганах майкопской традиции Северного Кавказа.

Погребальные камеры в курганах подквадратной формы с округлыми углами, впущены в материк. Но в трех случаях (№№ 13, 14 и 6) они различным способом разделены на две части. В кургане № 13 могила устроена в небольшой прирезке. В кургане № 14 в овальной яме на дне камеры, а кургане № 6 в каком-то несохранившемся отсеке, занимающим лишь часть погребальной ямы.

Устройство могилы в двух смежных камерах, ямах или сооружениях, разделенных перегородкой на две части, довольно часто встречаются в среде различных культур. Они особенно хорошо представлены на Северном Кавказе в подкурганных – дольменах (Мунчаев Р.М., 1975, с. 242), ящиках [Резепкин А.Д., 1991, р. 31] и грунтовых могилах [Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984, р. 7; Чеченов И.М., 1984, р. 26,3]. То есть в памятниках в той или иной степени связанных с майкопской традицией.

Труположение во всех четырех курганах идентично. Покойники положены скорчено на спине. Эта поза, в целом, не характерна для памятников Южного Кавказа, где, за пределами Северо-Западного

Азербайджана, нам известно всего два подобных случая – основное погребение в Хачбулагском кургане № 1 [Джафарзаде И.М., 1976] и триалетском кургане № XXII [Гогодзе Э.М., 1972]. Но, в них ноги покойников не развернуты в сторону, а поджаты под таз. Аналогичное выявлено в кюдурлинском кургане №1 [Ахундов Т.И., 1988].

Обряд труположения скорчено на спине довольно широко представлен на Северном Кавказе, куда был привнесен носителями ямной культурной общности и особенно в степной полосе Восточной Европы, в кругу памятников в той или иной мере связанных с ними [Вадицкая Э.Б., 1986, с. 22 - 23]. Но эти памятники, в основном, отличаются восточной ориентацией покойников. В этом свете примечательны курганы Нижнеподонской группы, с характерной западной ориентацией покойников, положенных скорчено на спине [Мелентьев А.И., 1965].

Следует отметить и погребение у села Галиат, где в могиле со скорченным на спине труположением, аналогично кюдурлинскому кургану № 13, был вертикально установлен камень почти идентичных размеров [Крупнов Е.И., 1951, с. 26 - 27].

Инвентарь представленной группы довольно богат и не смотря, что в каждом памятнике имеются сугубо индивидуальные особенности, во всех имеются материалы, хорошо увязываемые с находками других погребений.

Керамика, в основном, черного обжига с хорошо заглаженной поверхностью. Она представлена крупными двуручными широкогорлыми кувшинами (рис. II, 17 - 19) и приземистыми одноручными чашами (рис. II, 3, 4, 6, 10, 11, 13, 14) украшенными шишками и пальцевыми вдавлениями. По формам и облику эта керамика находит параллели в кругу ранних курганов Триалети и памятников Беденской культуры [Гогодзе Э.М., 1972, табл. 9.9; 11, 1-4].

Два сосуда из кургана № 13 выпадают из общего комплекса и не характерны для Южного Кавказа. Двуручный сосуд (рис. II, 16) по технологическим особенностям созвучен керамике подгорной полосы его северных регионов и Апшерона [Алиев И.Н., 1993], но по форме и облику сопоставим с керамикой Гинчинской культуры Северо-Восточного Кавказа [Гаджиев М.Г., 1987; Магомедов Р.Г., 1991]. Второй сосуд (рис. II, 12) перекликается с материалами Майкопской традиции.

Топор-секира из кургана № 14 пока имеет аналогии лишь в трех пунктах Кавказа, из которых один без комплексный, второй серебряный с некоторыми отличиями моделировки. Наиболее близка к нему находка из кургана № 12 беденской культуры [Шатберашвили З., 1998]. В кругу

беденских памятников имеет аналогию и штандарт, найденный в комплексе с топором. Видимо, прототипом подобных ранних секир, можно считать золотую секиру из Библа [История..., 1988, Р. 70а].

Сарыджинский топор не имеет прямых аналогий. В нем имеют определение элементы с одной стороны вислообушных, с другой трубчато-бушных топоров. Хотя по облику он, несомненно, представляет единый культурный пласт с топором-секирой.

Изучаемый комплекс памятников представлен двумя образцами плоско кованного оружия. Различные плоско кованные наконечники и лезвия широко представлены на Южном Кавказе, но по форме листа и особенно по моделировке черешка, наши образцы отличаются, находя массу аналогий на Северном Кавказе [Мароквин В. И., 1960].

Таким образом, представленная группа памятников Северо-Западного Азербайджана по погребальным сооружениям хорошо увязана с памятниками, главным образом, Северного Кавказа второй половины III тыс. до н.э. и частично, с курганами Южного Кавказа, в той или иной мере связанными с Севером. Такое положение, видимо, обусловлено генезисом появления обряда подкурганых захоронений на Южном Кавказе.

Труположение этих памятников не противоречит сказанному, указывая, что Северо-Западный Азербайджан один из регионов непосредственного расселения проникшего на Южный Кавказ северокавказского этнокультурного элемента.

В инвентаре довольно сильны элементы южно-кавказских традиций, хотя имеются материалы, указывающие на продолжающиеся северные связи и определенные контакты с Передней Азией. Это, вероятно, отражение активной позиции племен, расселенных в северо-западном Азербайджане в конце III - рубеже III-II тысячелетий до н.э. Хронологический разрыв между основным впускным погребением в кургане №6 не значительный. Впускное погребение относимое к началу II тыс. до н.э. уже представляет совершенно новую культурную традицию.

ЛИТЕРАТУРА

Алиев И.Н., 1993 — Апшерон в эпоху бронзы и раннего железа. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Баку.

Апакидзе А.М. и др., 1995 — Апакидзе А.М., Николайшвили В.В., Нариманашвили Г.К., Давлианидзе Р.В., Саградзе В.Г., Хецуриани Л.Г., Иремашвили Ш.А., Нонейшвили А.И. Мцхетская экспедиция // Полевые археологические исследования в 1987 г., Тбилиси, 1995.

Ахундов Т.И., Мухтаров Н.М., 1985 — Отчет I-Шекинского отряда в 1985 г. // Архив отдела полевых исследований (ОПИ) Института археологии и этнографии АН Республики Азербайджан, № 0-416.

Ахундов Т.И., Нариманов И.Г., Мухтаров Н.М., 1988 — Научный отчет Шекинского отряда за 1988 г. // Архив ОПИ Института археологии и этнографии АН Республики Азербайджан, № 0-496.

Ахундов Т.И., Нариманов И.Г., Мухтаров Н.М., 1990 — Отчет работ, проведенных Шекинским археологическим отрядом в 1990 году // Архив ОПИ Института археологии и этнографии АН Республики Азербайджан, № 0-542.

Бетровов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984 — Курганы эпохи бронзы из селений Чегем I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии, Нальчик.

Вадецкая Э.Б., 1986 — Археологические памятники в степях Среднего Енисея // Ленинград.

Гогодзе Э.М., 1972 — Периодизация и генезис курганной культуры Триалети // Тбилиси.

Джафарзаде И.М., 1976 — Хачбулагская археологическая экспедиция 1960 г. // Материальная культура Азербайджана, т. VIII, Баку. ИДВ, 1988 — История Древнего Востока. Часть вторая. Москва.

Крупнов Е.И., 1951 — Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА, №23, М.-Л.

Куфтин Б.А., 1941 — Археологические раскопки в Триалети // Тбилиси.

Магомедов Р.Г., 1992 — Горный Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы (Гинчинская культура) // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала.

Марковин В.И., 1960 — Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // М.

Мелентьев А.И., 1965 — Курганы эпохи бронзы в Нижнем подонье // КСИА, вып. 103.

Мунчаев Р.М., 1975 — Кавказ на заре бронзового века. М.

Мухтаров Н.М., 1998 — Отчет Шекинской археологическо-фольклорной группы за 1998 г. Архив ОПИ Института археологии и этнографии АН Республики Азербайджан.

Резенкин А.Д., 1991 — Курган 31 могильника клады. Проблемы генезиса и хронологии Майкопской культуры // Древние культуры прикубанья. Л., 1991.

Чеченов И.М., 1984 — Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.

Шатберашвили З., 1998 — Вопросы беденской культуры // Археологическая конференция Кавказа. Тбилиси, 1998.

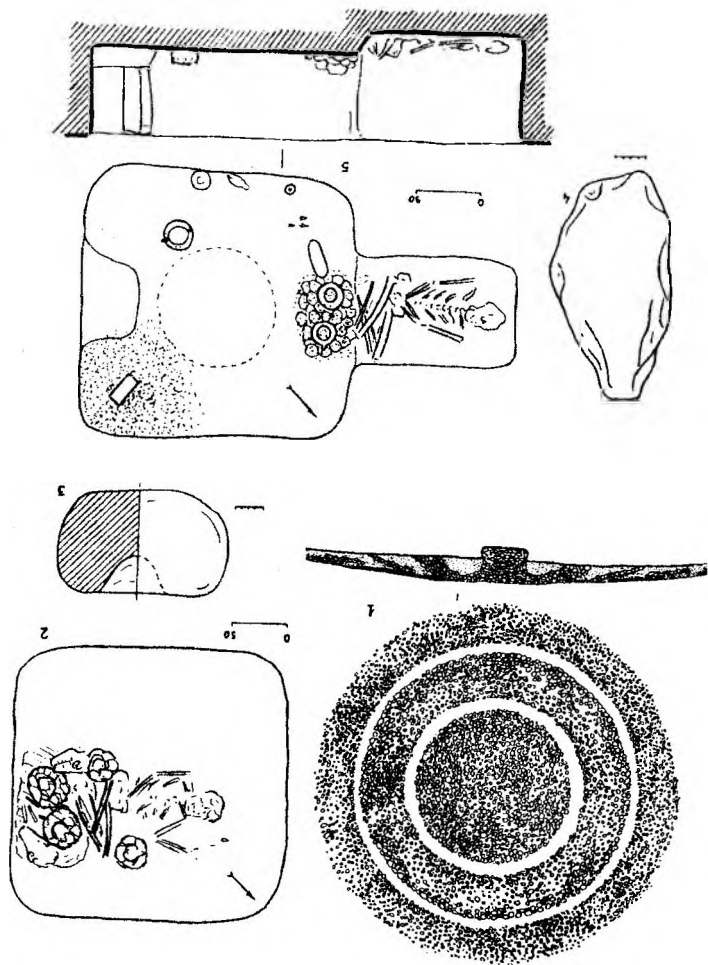

Рис. I. Курган Северо-Западного Азербайджана.

Рис. II. Керамика.

Р.Г. Магомедов

**АЛАЗАНО-БЕДЕНСКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ
ИМПОРТЫ И ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И
ДАТИРОВКИ ПОСТКУРОАРАКСКИХ КОМПЛЕКСОВ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА**

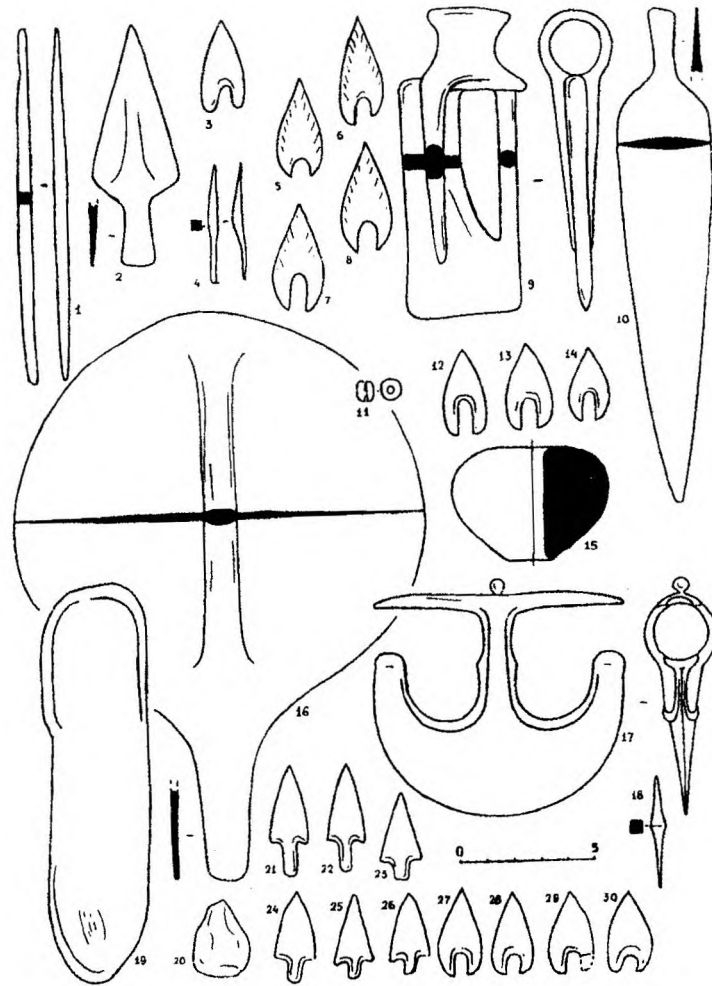

Рис. III. Находки из подкурганых погребений.

В 1984 г. на XIII «Крупновских чтениях» в Майкопе наш доклад, посвященный закавказским керамическим импортам в Дагестане и вопросам хронологии памятников эпохи средней бронзы [Магомедов Р.Г., 1984, с. 35-36], вызвал интерес и оживленную дискуссию среди участников научного форума [см.: Козенкова В.И., 1984, с. 293, 295]. Вопрос о керамических импортах алазано-беденской культуры как в Дагестане, так и на Северном Кавказе, неоднократно привлекал внимание исследователей [Пицхелаури К.Н., 1983, с. 2; Он же, 1987, с. 23; Гаджиев М.Г., 1985, с. 14; Алексин В.А., 1985, с. 93; Рысин М.В., 1990а, с. 14; Он же, 1990б, с. 24; Он же, 1996, с. 83-84; Бурков С.Б., 1990а, с. 8-10; Он же, 1990б, 4-6; Он же, 1991, с. 4-5; Корневский С.Н., 1992, с. 97-98, рис. 1; Кушнарева К.Х., 1993, с. 101; Джапаридзе О.М., 1994, с. 81; Гогочури Г.К., Чиковани Г.Ч., 1999], правда, большей частью дело ограничивалось лишь простой констатацией факта наличия закавказских сосудов в северокавказских комплексах. Одним из первых к использованию алазано-беденских импортов в Дагестане для решения широкого круга проблем синхронизации памятников эпохи средней бронзы Северного и Южного Кавказа подошел М.В. Рысин [1990а; 1990б], но не все его идеи были приняты специалистами однозначно и даже послужили предметом критического анализа С.Н. Корневского [1992]. Очевидно, настало время полной публикации всей серии сосудов – импортов алазано-беденской культуры, а также решения ряда проблем, возникающих в связи с этим вокруг интерпретации и датировки как отдельных категорий находок, так и в целом памятников и археологических образований эпохи средней бронзы, чему и посвящена эта статья.

В настоящее время в Дагестане известно 9 сосудов с бесспорным алазано-беденским происхождением. Один из них найден в горах (сел. Тинди Цумадинского района), еще один во внешнем предгорье (сел. Нов. Чиркей Буйнакского района), остальные – на приморских памятниках у сел. Великент Дербентского района.

Тиндинский сосуд был найден при невыясненных обстоятельствах

и долгое время находился в местном школьном “музее”¹. Он сохранился примерно на 2/3 – отбиты части горловины, стенки и днища (рис. 1,1). Сосудик имеет изящную форму и симметричные пропорции: венчик плавно отогнут наружу, стенки прямые, слегка наклоненные вовнутрь; донце маленькое, слабо выраженное из-за сильно разложистой придонной части тулова. Черепок плотный, отлично обожжен и не имеет видимых примесей. Поверхность сосуда черная и залощена до металлического блеска. Тулово (от реберчатого перегиба до основания шейки) покрыто тонко врезным геометрическим декором. Композиция орнамента представляет парные треугольные фестоны (вершиной вниз) с шахматной заштриховкой, заключенные между зонами вертикальных прямых линий. Верх фестонов окаймлен 6 горизонтальными врезными линиями, разделенными посередине точечным (гравированным) рядом. Размеры сосуда²: Дв – 8,0 см, дд – 3,5 см, Н – 8,0 см.

В Чиркее алазано-беденский сосуд был обнаружен в 1959 г. Н.Д. Путинцевой в кургане №1 курганной группы, находившейся на правом берегу р. Сулак в 1 км к югу от сел. Нов. Чиркей [Путинцева Н.Д., 1960, л. 2-13]. Здесь под невысокой насыпью (до 0,78 м) в центре кургана была открыта каменная гробница прямоугольных очертаний (2,40x1,40x1,20 м), ориентированная длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Стены конструкции состояли из мергелевых плит, сложенных плашмя или на ребро, а перекрытие – из мергелевых плит и речных валунов. Внутри гробницы расчищены два одновременных погребения. Нижнее, раннее погребение (№2) было совершено на гл. 1,68-1,80 м: покойник, судя по сохранившимся костям, первоначально лежал по диагонали могилы (С-Ю) вытянуто на спине, головой на юг, руки – вдоль туловища. Инвентарь, связанный с этим погребением, незначителен: два глиняных сосуда, мраморовидное навершие булавы и пастовое колечко. Один из сосудов имел коричневатую-серую лощеную поверхность и был украшен рельефными шишечками. Второй, также плоскодонный сосуд [Путинцева Н.Д., 1960, рис. VIII,4] (рис. 1,2), найденный “у верхней части грудной клетки (покойника – Р.М.) на глубине – 1,73 см”, совершенно отличается от первого: у него резко отогнутый наружу венчик, биконическое тулово с четко выраженным ребром

¹ В последующем сосуд был передан этнографу М.А. Агларову, который доставил его в Махачкалу и сдал в Археологические фонды Института ИАЭ ДНЦ РАН. Выражаю благодарность проф. М.А. Агларову за информацию о находке.

² При описании глиняных сосудов использованы следующие индексы: Дв – диаметр венчика, Дг – диаметр максимального расширения тулова, Дд – диаметр дна, Н – общая высота сосуда. Соотношение параметров Дв:Дг показывает степень “открытости” сосуда.

в нижней части и одна ручка с круглым сечением, прикрепленная к верхней части тулова. Тулово сосуда от перегиба до основания шейки украшено гравированной орнаментальной композицией, состоящей из чередующихся зон вертикальных и горизонтальных линий, при этом горизонтальные линии разделены косым врезным крестом. На противоположной от ручки стороне тулова имеется округлое вдавление. Поверхность сосуда характеризуется блестящим лощением черного цвета: в тесте нет видимых примесей. Размеры сосуда: Дв – 7,3 см, Дг – 13,4 см, Дд – 6,0 см, Н – 11,8 см.

В последующем внутри гробницы была устроена дополнительная каменная стенка, сузившая внутреннее пространство гробницы. Здесь было открыто позднее погребение (покойник лежал на спине, вытянуто головой на ЮЗ, ноги перекрещены), с инвентарем: глиняный сосудик с поверхностью красного цвета со следами лощения, орнаментированный шнуровым узором и несколькими вдавлениями, а также бронзовое височное колечко в 1,5 об.

По мнению Н.Д. Путинцевой, основная масса чиркейских погребальных комплексов, раскопанных ею, включая погр. №1 к. №1, близка миатлинским курганам II, III, IV и VI групп и датируется первой половиной II тыс. до н.э., а погр. №2, с которым связан алазано-беденский сосуд, предположительно отнесено “к несколько более раннему времени” [Путинцева Н.Д., 1960, л. 13].

Большая часть алазано-беденских сосудов (7 из 9), найденных в Дагестане, приходится на великентские памятники. Впервые такая керамика была обнаружена здесь В.Г. Котовичем в 1953 г. при расчистке остатков примитивной гончарной печи на невысокой возвышенности у обрывистого берега р. Кубу-чай, недалеко от известного Великентского поселения I. Речь идет о частично сохранившемся сосуде хорошего обжига, имевшего тонкоотмученное тесто с незначительным количеством примесей, залощенную поверхность темно-серого цвета, орнаментированную “горизонтальными каннелюрами, от которых спускаются тонко прочерченные треугольники” [Котович В.Г., 1959, с. 120, 132, табл. IV,7]. Найден он не в самой печи, а к югу от нее на гл. – 1,95 м от дневной поверхности вместе с другими фрагментами керамики, кремневыми осколками и костями животных. К сожалению, в нашем распоряжении имеется лишь один малоинформативный рисунок этого сосуда (рис. 2,б), заимствованный из статьи В.Г. Котовича³. Судя по

³ В статье С.Н. Корневского дан слегка подретушированный вариант этого же рисунка [см.: Корневский С.Н., 1992, рис. 1,1].

нему, сосуд относится к типичным алазано-беденским одноручным горшочкам с резко отогнутым венчиком, слегка округлым туловом и характерным подкосом в донной части. Сам В.Г. Котович обратил внимание на близость этой находки к некоторым сосудам из триалетских курганов [Котович В.Г., 1959, с. 132], правда, не привел при этом никаких аналогий.

На Великентском поселении I (Земовар-тепе) алазано-беденский импорт был обнаружен в 1983 г. при раскопках прямоугольных многокамерных сооружений верхних горизонтов. Среди многочисленной керамической коллекции, обнаруженной внутри сильно обгоревших остатков этих построек, предположительно служивших своего рода складскими помещениями⁴, особо выделяется изящный плоскодонный горшок с полукругло отвернутым венчиком и раздутым туловом (рис. 2,7) [Гаджиев М.Г., 1991, с. 134, рис. 25,7]. Сосуд характеризуется лощеной поверхностью охристо-красного цвета, снабжен одной ленточной ручкой, прикрепленной к плечикам, и имеет орнамент в виде прямых вертикальных врезных линий, веером расходящихся от уступчатого основания шейки. Размеры сосуда: Дв – 16,5 см, Дт – 22,0 см, Дд – 9,0 см, Н – 15,0 см. В целом по своим морфологическим признакам этот сосуд может найти близкие образцы среди великентской керамики, но некоторые его черты (тонкоотмученное тесто, блестящее лощение, наличие округлой ямки-вдавления на тулове напротив единственной ручки) все же указывают на закавказское происхождение. Не противоречит этому и красно-охристый цвет поверхности сосуда, так как известно, что готовая обожженная посуда с чернолощеной поверхностью, побывав в повторном сильном огне, меняет цвет с черного на красный⁵.

Два интересующих нас сосудов алазано-беденского типа были найдены в обломках в 1979 г. при доисследовании полуразрушенной и ограбленной, но тем не менее чрезвычайно богатой керамикой и бронзовыми изделиями, катакомбы №1 Великентского могильника I. Судя по восстановленным формам, оба сосуда близки по облику и

⁴ М.Г. Гаджиев допускает и другой вариант интерпретации этого комплекса в качестве гончарных обжигательных сооружений [Гаджиев М.Г., 1994-1995, л. 43]. В таком случае непонятно зачем было древнему гончару Великента подвергать данный сосуд вторичному обжигу, а то, что он подвергся этому автор раскопок признает сам. Проще, на наш взгляд, допустить, что этот многокамерный комплекс прямоугольных помещений действительно был неким складом готовой продукции, подвергшимся сильнейшему пожару.

⁵ Благодарим за устную консультацию с.н.с. Института археологии РАН (г. Москва), к.и.н. Ю.Б. Цетлина.

могут быть отнесены к кружкам. Один из сосудов (рис. 2,2)⁶, имеющий резко отогнутый заостренный венчик, прямые вертикальные стенки тулова, переходящие в низкий придонный подкос, отличается пышным декором: все тулово покрыто желобчато-врезным орнаментом в виде чередующихся каннелюров из горизонтальных и вертикальных полос. К средней части тулова прикреплена ручка с круглым сечением. Поверхность кружки имеет великолепное черное лощение. Размеры сосуда: Дв – 8,2 см, Дд – 3,2 см, Н – 8,8 см).

Второй сосуд из этой катакомбы отличается более крупными размерами (Дв – 9,3 см, Дт – 10,0 см, Дд – 5,0 см, Н – 11,2 см), вытянутым подцилиндрическим туловом со слегка наклоненными вовнутрь стенками, орнаментированным простеньким фризом елочного врезного орнамента по низу корпуса (рис. 2,1). Невысокий заостренный венчик сосуда резко отогнут наружу. Сосуд не сохранился полностью, но, по всей видимости, первоначально он был также снабжен обычной ручкой с круглым сечением. Технологическая характеристика данного сосуда такая же, как и у предыдущего образца.

Еще два случая алазано-беденского керамического импорта зафиксировано нами в 1984 г. при дочистке сильно разрушенной кат. №5 того же могильника [Магомедов Р.Г., 1985б, л. 12, 43, рис. 21,28-29]. Из большого количества обломков, обнаруженных в самых разных местах погребальной камеры, удалось восстановить почти полностью два сосуда. Один из них, меньших размеров (Дв – 11,0 см, Дт – 11,6 см, Дд – 6,3 см, Н – 10,0 см), характеризуется приземистостью, резко отогнутым заостренным венчиком, слегка округлым туловом, в нижней части, как обычно, переходящим в придонье (рис. 2,4). На боку сосуда имеется одна ручка с круглым сечением. Тулово сосуда от ребра в нижней части и до основания венчика сплошь покрыто орнаментом, близким по своей композиции декору вышеописанного чиркейского сосуда: разница лишь в том, что у данного образца зоны, включенные между вертикальными линиями, состоят из двух обращенных вершинами друг к другу треугольных фестонов, которые, в свою очередь, заполнены косыми лентами с ногтевидными насечками. Второй сосуд из этого комплекса отличается сравнительно крупными размерами (Дв – 10,4 см, Дт – 15,7 см, Дд – 5,7 см, Н – 14,8 см), некоторой асимметрией формы и определенной грубостью лепки (рис. 2,5). Несмотря на это, сосуд не лишен изящества, у него - тонкий, хорошо

⁶ Рисунки этого сосуда, данные в статьях М.Г. Гаджиева, С.Н. Корневского [1984, с. 9, рис. 1,11] и С.Н. Корневского [1992, с. 98, рис. 1,2] неточны и не дают полного представления о сосуде.

обожженный черепок, тщательно отмученное тесто без видимых примесей, черное лощение (с металлическим блеском) и оригинальная орнаментальная композиция, размещенная по всему тулову, за исключением шейки и придонного подкоса. Сосуд снабжен одной ручкой, прикрепленной к верхней части тулова, сечение ручки, как обычно, круглое. Врезной орнамент сосуда состоит из трех зон “паркетно” сопряженных вертикальных и горизонтальных линий, обрамленных рядами ямок, которые прерываются в одном случае ручкой, в двух других - косыми крестами из двух заштрихованных лент. Основание шейки сосуда отмечено двумя горизонтальными параллельными линиями, окаймленными рядами углубленных ямок.

Наконец, последний сосуд, представляющий алазано-беденский импорт в Дагестане, обнаружен в 1997 г. при расчистке частично разрушенной и ограбленной кат. №11 Великентского мог. I [Гаджиев М.Г. и др., 1998, с. 98]. В отличие от предыдущих алазано-беденских сосудов, происходящих из катакомб, он был найден практически целым (рис. 2,3) в северной части погребальной камеры. По форме он аналогичен чиркейскому сосуду и, по всей видимости, сосуду, обнаруженному в Великенте В.Г. Котовичем. С последним сосудом сближает также и почти идентичная орнаментальная композиция. Описываемый сосуд снабжен круглой в сечении ручкой (расширения в местах соединения с туловом асимметричны) и имеет на противоположной стороне тулова ямку-вдавление. Размеры сосуда: Дв – 6,7 см, Дт – 10,0 см, Дд – 3,7 см, Н – 8,6 см.

Итак, мы описали все алазано-беденские сосуды, найденные на дагестанских памятниках. Обращает на себя внимание то, что большая часть из них была зафиксирована при раскопках великентских памятников. На последних они также распределяются неравномерно. Два сосуда так или иначе связаны с Великентским пос. I, а 5 происходят из раскопок трех катакомб (№№ 1, 5 и 11) Великентского мог. I. Заметим, что один небольшой фрагмент стенки сосуда, бесспорно, алазано-беденского происхождения, был обнаружен также в 1982 г. в заполнении входной ямы кат. №3 Великентского мог. I [Магомедов Р.Г., 1983, л. 8]. На Великентском пос. II (Карасу-тепе) алазано-беденского составляющего ждать не приходится – памятник на основе типологического анализа находок и серии радиоуглеродных (калиброванных) дат датируется очень ранним временем: последняя четв. IV – первая пол. III тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г. и др., 1998, с. 72]. Что касается двух других великентских могильников (II и III), здесь не

исключено, что со временем будут открыты комплексы с закавказскими керамическими импортами. Учитывая огромные разрушения и ограбления на великентских могильниках, можно допустить, что вероятное количество алазано-беденских керамических импортов в Великенте намного больше по сравнению с обнаруженным их числом.

При осмотре керамических коллекций раскопок 1963 г. на Верхнегунибском поселении, мало учтенных в монографии В.М. Котович [1965], обнаружено еще несколько черепков сосудов, которых также достаточно уверенно можно отнести к алазано-беденской культуре. Один из них, найденный в нижнем 3-м слое (раскоп 5, кв. 20), представляет обломок тонкостенного миниатюрного сосудика с черной лощеной поверхностью с металлическим блеском; внутренняя поверхность черепка – коричневая, аккуратно заглаженная; тесто хорошо отмученное, без видимых примесей. На этом же раскопе (пом. 1), только в вышележащем 2-м слое, была обнаружена часть небольшого сосуда с шаровидным туловом и плавно отогнутым венчиком [Котович В.М., 1964, рис. VII,6]: поверхность чернолощенная (первоначально она, по всей видимости, имела характерный металлический блеск, но после промывки приобрела матовый оттенок, а блеск и лощение почти сошли); внутренняя поверхность сосуда – коричневатая, заглаженная; тесто тщательно отмученное, без видимых примесей. По плечикам сосуда идет врезной декор в виде пояса и свисающих треугольных фестонов, равномерно заполненных вертикальными линиями (рис. 5,5). Восстанавливаемые размеры сосуда: Дв – 9,0 см, Дт – 11,5 см, Нсохр. – 7 см.

По форме алазано-беденские сосуды, найденные в Дагестане в разное время, можно разделить на три типа:

1) Небольшие сосудики типа одноручных кружек со слабовыпуклыми стенками, широким устьем, почти равным диаметру наибольшего расширения тулова, чем несколько напоминают банки; к этому типу можно отнести четыре сосуда, обнаруженные в Тинди (рис. 1,1) и кат. №№ 1 и 5 Великентского мог. I (рис. 2,1-2,4).

2) Сосуды типа одноручных миниатюрных горшочков, имеющих сравнительно узкое расширяющееся устье, биконическое тулово с ребром в нижней части, плавно переходящее в днище. Таковы сосуды из Чиркея (рис. 1,2) и кат. № 5 и 11 Великентского мог. I (рис. 2,3,5), а также сосуд, найденный недалеко от Великентского пос. I. (рис. 2,6).

3) К третьему типу можно отнести сравнительно крупный одноручный горшок, характеризующийся округлым туловом и плавно расширяющейся, уступчато выделенной шейкой из раскопок Великентского пос. I (рис. 2,7).

Все три типа сосудов имеют многочисленные аналогии среди керамической посуды алазано-беденской культуры. Наверное, нет смысла перечислять их всех, ограничусь наиболее характерными параллелями. Сосуды I-го типа хорошо известны по алазано-беденским комплексам [Гобеджишвили Г.Ф., 1980, табл. XXXII,5; XXXIII,2,4]. Очень близкая аналогия тиндинскому сосуду происходит из беденского кургана №5 [Гобеджишвили Г.Ф., 1981, рис. 27], причем схожесть этих сосудов доходит до деталей. Орнаментальная композиция тиндинского сосуда очень часто повторяется и на беденской посуде, характеризующейся другими типологическими формами. Например, таким же образом декорирован небольшой горшочек с цилиндрической горловиной из основного захоронения кургана I Алазанской долины [Дедабришвили Ш.Ш., 1979, с. 31, табл. XXVII,1-34]. Классическими образцами алазано-беденской посуды являются сосуды 2-го типа – одноручные горшочки с биконическим туловом, как правило, имеющие на тулове округлые лунки в виде вдавлений на стенках [Дедабришвили Ш.Ш., 1979, табл. XXVI, XLVIII; Гобеджишвили Г.Ф., 1981, рис. 51, табл. XXXI,1-4, XXXII,1-4]. Отметим, что все “дагестанские” образцы подобных сосудов несут пышный декор, в то время как на своей “исторической родине” далеко не все сосуды этого типа орнаментированы. Гораздо реже встречаются на алазано-беденских памятниках сосуды, соответствующие 3-типу. Близкая по форме, орнаментации и размерам аналогия великентскому сосуду происходит, например, из кургана I Цнорской группы [Дедабришвили Ш.Ш., 1979, с. 28, табл. XXV,1-14].

Специалистам давно известно, что образцы великолепной алазано-беденской керамики, как правило, лощеной до металлического блеска⁷, характеризующейся удивительно выработанными формами и пропорциями, встречаются далеко за пределами ареала этой культуры – в Армении [Кушнарева К.Х., 1993, с. 101], Азербайджане [Кушнарева К.Х., 1954, рис. 1,1; Джапаридзе О.М., 1994, с. 81], Чечне [Бурков С.Б., 1990а, с. 8-10; Он же, 1990б, 4-6; Он же, 1991, с. 4-5], Северной Осетии [Рысин М.Б., 1996, с. 84], и даже в Подонье [там же]⁸. По всей видимости, и в других регионах Северного Кавказа такие импорты должны быть, о чем свидетельствует, например, обломок алазано-беденского сосуда из насыпи Большого кургана у аула Кубина в Карачаево-Черкесии с

⁷ По мнению Ш.Ш. Дедабришвили [1979, с. 22], это достигалось путем покрытия поверхности сосуда графитом.

⁸ Выражаем искреннюю благодарность В.Я. Кияшко и Л.С. Илюкову за дополнительную информацию о находках керамики “кавказского происхождения” на могильниках Новый (к. 138, погр. 13) и Колдиры (к. 17, погр. 3).

основным майкопским захоронением.⁹

Следует сказать, что нигде на Северном Кавказе алазано-беденские керамические импорты не известны такой серийностью, как в Дагестане, что, видимо, не случайно. Здесь они сочетаются с массовыми местными подражаниями, что также является спецификой на фоне других областей Кавказа. Вопрос о подражаниях алазано-беденской керамике до сих пор специально не рассматривался. Природу этого явления (подражаний) пока трудно объяснить. По логике вещей можно предположить несколько вариантов (стремление копировать прекрасную, высококачественную “чужеземную” посуду; культурная диффузия и восприятие инноваций, единая генетическая подоснова керамического производства в двух регионах и т.д.), но пока мы воздерживаемся от них.

При раскопках катакомб Великентского мог. I неоднократно отмечались местные керамические образцы, несомненно, подражавшие алазано-беденским формам. Так, в кат. №2 был найден миниатюрный сосудик с биконическим туловом, с округлой в сечении ручкой и ямкой-вдавливением на тулове, правда, с нехарактерной для прототипов с серолощенной поверхностью [Магомедов Р.Г., 1998, с. 95, рис. 68,18]. В этом плане заслуживает внимания целый пласт посуды гинчинской культуры средней бронзы, изготовленный в русле традиций керамического производства алазано-беденской культуры. Прежде чем перейти к рассмотрению этой категории находок, необходимо обратить внимание на то, что при анализе керамической продукции, обнаруженной на памятниках ранней и средней бронзы Северо-Восточного Кавказа наряду с подавляющим преобладанием плоскдонной посуды имеется незначительное количество и круглодонных сосудов. Стереотипное объяснение о характерности подобных сосудов, в первую очередь, для быта и ритуала подвижно-скотоводческого населения, видимо, недостаточно для понимания закономерностей производства и использования керамики – одного из наиболее информативных археологических источников.

Всю круглодонные сосуды, происходящие с памятников III – первой пол. II тыс. до н.э. Северо-Восточного Кавказа, можно разделить на две неравные группы. Одна из них (меньшая) включает в себя сосуды, найденные на ряде памятников предгорного и равнинного Дагестана и

⁹ Этот факт, к сожалению, не отмечен в публикации материалов раскопок кургана у аула Кубина [Биджиев К.Х., 1980]. С любезного разрешения автора раскопок с черепком алазано-беденского сосуда ознакомила нас в 1991 г. А.Л. Нечитайло.

связана, на наш взгляд, с проникновением сюда элементов майкопской культуры [Магомедов Р.Г., 1991, с. 28-31; см. другую точку зрения: Мунчаев Р.М., 1994, с. 162, 167]. Вторая группа круглодонных сосудов относится к гинчинской культуре.

Речь идет о приблизительно 135 круглодонных сосудах, что составляет ок. 14 % от общей керамической коллекции этой культуры из примерно 1000 сосудов, известных ко времени (1993 г.) защиты нами диссертационной работы “Северо-Восточный Кавказ в эпоху средней бронзы (гинчинская культура)”. За прошедшие после этого годы в горах Дагестана и Чечни археологические работы не проводились и поэтому эти подсчеты остаются в силе. Большая часть анализируемой керамики (110 сосудов) относится к эпонимному памятнику культуры – могильнику Гинчи, где они, по признанию раскопщика, “являются наиболее массовой группой керамики” [Гаджиев М.Г., 1969, с. 126, рис. 3, 13, 17, 8, 6, 9, 10, 7-9, 12, 4-5, 7-8, 13, 4, 15, 9-10 и др.]. Около десятка круглодонных сосудов найдено при раскопках Верхнегунибского поселения [Котович В.М., 1965, с. 149, 171, 189-193, рис. 53, 2, 5, 58, 3, 6, 9, 12; 1966, табл. XV, 1-3], примерно столько же – на поселении и могильнике средней бронзы у сел. Ирганай [Погребова М.Н., 1961, с. 111-113, рис. 6; Магомедов Р.Г., 1987, л. 26-27, 41-46, рис. 39, 11, 14, 63, 1-16; Он же, 1989, л. 17, рис. XXXIII, 1, XXXIX, 3]. По данным Р.М. Мунчаева [1961, с. 26], обломки круглодонной посуды отмечены и на Мугинском могильнике. Круглодонные сосуды, по-видимому, составляют одну из специфических особенностей юго-восточного (койсугского) локального варианта гинчинской культуры.

Для керамики гинчинской культуры нами предложена детальная классификация [Магомедов Р.Г., 1998, с. 81-102], опирающаяся на типологию керамики отдельных памятников – Гатын-кале [Марковин В.И., 1963, с. 111-117, рис. 33], Верхний Гуниб [Котович В.М. 1965, с. 148-184] и Гинчи [Гаджиев М.Г., 1969, с. 121-127; 1974, с. 23-24, рис. 3]. Согласно этой схеме, вся гинчинская посуда разделена на классы (I – мисочки и плошки, II – миски, III – чаши, IV – кружки, V – чайнички, VI – горшочки, VII – горшки, VIII – банки и ведерки, IX – корчаги, X – сосуды специального назначения, XI – сосуды на ножках). Внутри классов различаются отделы (А – круглодонные, Б – плоскодонные и В – на ножках), типы (сквозная нумерация по всем классам) и подтипы. Круглодонные сосуды относятся к 8 типам посуды: I/I, 8-9/III, 12/IV, 18/V, 21-22/VI и 25/VII.

Поэтому, в первую очередь, рассмотрим наиболее многочисленные сосуды класса VI (горшочки). Круглодонные

горшочки представляют собой миниатюрные закрытые сосудики (Дв:Дт = 0,5-0,8) с выпуклыми боками, как правило, имеющие высоту не более 10 см. Делятся они на следующие типы: 21 – сосуды с отогнутым венчиком и шаровидным туловом, найденные на Гинчи (рис. 3, 2-7, 10), Верхнем Гунибе (рис. 5, 3-4) и Иргане; 22 – сосуды с выраженным ребром на тулове, происходящие из Верхнего Гуниба (рис. 5, 1-2, 6) и Гинчи (рис. 3, 9, 11-12). В зависимости от наличия, количества и месторасположения ручек, сосуды делятся еще на подтипы. В целом сосуды двух этих типов очень близки, все они гладкостенные, как правило, залощены, и имеют геометрический врезной узор. Следует отметить у сосудов 22-го типа округлые ямочки напротив ручек (рис. 3, 8-9, 12); иногда встречается и налпной орнамент.

Горшкообразные круглодонные сосуды класса VII отличаются от предыдущих образцов более крупными размерами – высота их превышает 10 см, и также характеризуются шаровидным туловом, переходящим в относительно неширокое закрытое устье типа (Дв:Дт = 0,5-0,7). Наиболее примечательные образцы этого класса (тип 25) обнаружены в склепах Гинчи – один из них [Гаджиев М.Г., 1969, рис. 10, 13] имеет шаровидное, немного приплюснутое тулово с одной ручкой на плечике; второй [Гаджиев М.Г., 1969, рис. 32, 10] выделяется сферической формой тулова, на плечиках – поясок гравированного орнамента и две заостренные сверху ручки. Из ряда склепов этого могильника происходит целая серия чернолощенных плоскодонных горшков с незначительным уплощением в донной части, чем они очень близки к круглодонным сосудам (рис. 4). Почти все эти сосуды отличаются пышным геометрическим врезным узором, сочетающимся иногда с характерными вдавлениями на стенках, и снабжены двумя противопоставленными ручками.

Для полноты характеристики круглодонной гинчинской посуды остановимся и на небольшом количестве сосудов, отнесенных к другим классам. К классу I (мисочки и плошка) относится сосудик полусферической формы с серой гладкой поверхностью из Верхнего Гуниба. Округлодонные чаши (класс III) также немногочисленны и очень близки к мискам. Из нижних слоев Верхнегунибского поселения происходит небольшая серия сосудов (тип 8) с гладкой поверхностью, округлым дном, плавно переходящим в слегка наклоненные стенки [Котович В.М., 1965, с. 171, рис. 58, 6, 9, 12]. К чашам 9 типа отнесены два сосуда средних размеров и с гладкой поверхностью, найденные на ирганайских памятниках.

Традиционно к круглодонным горшкам причислялись и

своеобразные миниатюрные сосудики (Дв < 10-12 см, Н < 13-15 см), имеющие слабо отогнутый невысокий венчик и слегка выпуклое тулово, плавно переходящее в округлое дно; к тулову каждого из них прикреплена ручка; некоторые украшены резным узором. В нашей классификации подобные сосудики, происходящие в основном из Гинчи, отнесены к типу 12 класса IV (кружки).

И, наконец, в классе V (чайнички) выделяется небольшая группа круглодонных сосудов с гладкой поверхностью (тип 18), найденных на Верхнем Гунибе и Гинчи.

Как видим, круглодонные сосуды гинчинской культуры, отнесенные к классам I, III, IV, V и VII, довольно многочисленны и обычно типологически производны от круглодонных горшочков. Особую близость к последним обнаруживают кружки и горшки, что, в первую очередь, подчеркивается гладкой, лощеной поверхностью черного и серого цветов, размещением на тулове резного геометрического узора и одинаково смоделированными ручками.

При анализе гинчинской керамики обращает на себя внимание то, что все перечисленные типы круглодонных сосудов занимают внутри классов как бы второстепенное место: 1) они представлены типами, морфологические особенности которых сильно размыты и легко переходят в другие классификационные ниши, если не учитывать характер их дна; 2) статистические подборки круглодонных сосудов несоизмеримо беднее по сравнению с плоскодонными, за исключением, класса горшочков (VI), что позволяет считать случайным их обособление именно на такие классификационные ряды, а не иные; 3) наконец, круглодонные сосуды характерны пока лишь для памятников одного из вариантов культуры, и к тому же количество памятников, где они зафиксированы, мизерно по отношению к общему количеству памятников культуры в целом и варианта, в частности. Все это позволяет ставить вопрос о поисках появления и становления в среднюю бронзу в Горном Дагестане традиции круглодонной посуды, вовсе не характерной здесь для памятников предшествующих эпох. Насколько позволяют судить источники, керамические коллекции раскопок памятников Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни, относящихся к неолиту, энеолиту и ранней бронзе, представлены исключительно плоскодонной посудой. Правда, среди материалов раскопок энеолитического Гинчи имеются обломки высококачественного сосудика круглодонной формы [Гаджиев М.Г., 1981, с. 16-17, рис. 7,8], которого, по-видимому, можно соотнести с высококачественной керамикой, изготовленной на гончарном круге, и обнаруженной в

последние годы на поселениях Великент II (Карасу-тепе) [Gadzhiev M.G. et al., 1997, p. 198-199, fig. 16] и Кабаз-кутан (Фил-тепе) [Kohl Ph L. et al., 2000, p. 141], а еще раньше на поселениях Серженьюрт I и II в Юго-Восточной Чечне [Мунчаев Р.М., 1975, с. 359, рис. 76,9-11].

Что же касается генезиса традиции среднебронзовой круглодонной посуды Горного Дагестана, то на этот счет есть несколько мнений. В.М. Котович, например, пыталась, с одной стороны, связать происхождение миниатюрных острореберных круглодонных сосудиков Верхнегунибского поселения (т.н. "чашки"), отнесенных нами к классу VI (горшочки), с ближневосточными образцами – Сузы I, Ниневия V [Котович В.М., 1965, с. 189-192]; с другой стороны, считала возможным возвести генезис сосудов типа 8 (класс III - чаши) "к кавказским неолитическим и степным энеолитическим ("ямным") прототипам" [Котович В.М., 1965, с. 133]. По мнению М.Г. Гаджиева, высказанному в публикации гинчинских материалов, "вопрос о происхождении и путях проникновения этой своеобразной керамики (круглодонной – Р.М.) в Дагестане до получения новых материалов остается открытым", и в то же время он осторожно допускает влияние ямной культуры на происхождение подобных сосудов в Дагестане и напоминает о существовании закавказской круглодонной керамики в раннюю бронзу [Гаджиев М.Г., 1969, с. 126]. В этой связи также интересно негативное отношение В.И. Марковина к поискам генезиса дагестанской круглодонной посуды в традициях ямной культуры и обратившего внимание на тот факт, что за "хребтом, по соседству с Дагестаном, в Грузии" с III тыс. до н.э. широко распространяется близкая по форме чернолощенная посуда с округлым дном [Марковин В.И., 1972, с. 289; см. также: Марковин В.И., 1968, с. 312-314].

И в Грузии по мере увеличения источниковой базы для изучения бронзового века, в особенности после открытия богатейших комплексов типа Бедени и Марткопи, также обратили внимание на схожие моменты в развитии керамики Восточной Грузии и Дагестана. Еще в 1971 г. об этом высказывался тезисно Г.Ф. Гобеджишвили [1971, с. 48]. В 1979 г. более определенно выступил Ш.Ш. Дедабришвили: "Великолепные образцы чернолощенной посуды, отличающейся законченной стройностью, лаконичностью и простотой форм и крайне редким декором ... не находят себе прямых параллелей вне ареала алазано-беденских памятников, если не считать керамики Гинчинского могильника в Дагестане, которые нельзя воспринимать иначе, чем периферийные реплики, не отличающиеся самостоятельностью и выполненные на гораздо более низком техническом уровне"

[Дедабришвили Ш.Ш., 1979, с. 67]. В 1981 г. в публикации материалов беденских курганов Г.Ф. Гобеджишвили уже более подробно осветил “явный параллелизм в погребальном обряде с другими областями”, в том числе т.н. “дагестанской культурой” III-II тыс. до н.э. [Гобеджишвили Г.Ф., 1981, с. 131]. Под последним названием, спорадически встречающимся в литературе 60-х гг., имелся в виду круг памятников Дагестана эпохи средней бронзы (по хронологической периодизации того времени – ранней бронзы), включавший прежде всего такие памятники, как Гинчинский и Ирганайский могильники, Верхнегунибское и Ирганайское поселения. Действительно, впервые проводимое детальное сопоставление описываемой группы гинчинской посуды с традициями беденского керамического производства позволяет более предметно рассмотреть этот “явный параллелизм”.

Начнем с технологической характеристики сосудов. Подавляющая часть круглодонных сосудов гинчинской культуры отличается хорошо отмученным тестом, причем это намного заметнее на фоне остальных групп керамики. Поверхность этих сосудов, как правило, залощена, часто до зеркального блеска и имеет серый и черный цвета [Гаджиев М.Г., 1969, рис. 24]. По этим параметрам гинчинские сосуды близки к беденским, хотя последние, разумеется, намного качественнее. Для гинчинских круглодонных сосудов, например, не характерна изящная тонкостенность большинства беденских сосудов.

Морфологическое сравнение круглодонной гинчинской посуды с беденской также подтверждает их глубокую схожесть. Об этом, в первую очередь, свидетельствует совпадение типологических форм сосудов. Наиболее преобладающие гинчинские круглодонные одноручные горшочки, например, хорошо сопоставляются с классическими беденскими горшочками (Ш.Ш. Дедабришвили называл их “кружками”), имеющими биконическое тулово с четко выделенным ребром перегиба, располагающимся обычно в нижней части сосуда, – из-за чего разложистые стенки придонья переходят в дно под тупым углом, что, в свою очередь, создает иллюзию круглодонности сосуда. Возникает вопрос: не в подражании ли этим беденским формам скрывается побудительная причина появления круглодонной посуды в Горном Дагестане? За небольшим исключением [Гаджиев М.Г., 1969, рис. 34, 13; 39, 1], гинчинские круглодонные горшочки характеризуются сглаженным ребром в нижней части тулова и практически не выраженным переходом придонного подкоса в днище. Тем не менее общая конфигурация сосудов, слегка уплощенные днища, блестяще залощенная поверхность, врезной орнаментальный пояс по

плечикам и одноручность не оставляют сомнения в удивительной близости этих гинчинских сосудов с беденскими. Для гинчинских и беденских горшочков характерны округлые вдавления на противоположной от ручек стороне тулова [Гаджиев М.Г., 1969, рис. 20, 19; 23, 3; 34, 13 и др.; Гобеджишвили Г.Ф., 1981, с. 51, рис. 13, табл. 1, 8-10, 30, 49 и др.]. Впрочем, такие вдавления – вмятины имеются на сосудах и других типологических форм Гинчи [Гаджиев М.Г., 1969, рис. 10, 15, 19, 17; 21, 3], что также наблюдается и на алазано-беденской посуде. Т.н. “коленчатые” ручки гинчинских сосудов [Гаджиев М.Г., 1969, рис. 19, 7; 23, 5; 33, 2; 34, 8-9 и др.], находят прямые аналогии в керамике алазано-беденского слоя поселения Бериклдееби [Глонти Л.И., Джавахишвили А.И., 1987, с. 82, рис. 2, 1, 4].

Детальное сопоставление гинчинской и алазано-беденской керамики не сводится к сравнению одних лишь одноручных кружек или горшочков. Например, и для алазано-беденской культуры характерны специальные сосуды типа чайничков [Гобеджишвили Г.Ф., 1981, табл. XXXII, 7, XXXIII, 1, 3], отмеченные выше при описании гинчинской керамики. Правда, надо иметь в виду, что подобные сосуды встречались в Дагестане и в предшествующие эпохи, а в эпоху средней бронзы на памятниках и других археологических образований Северо-Восточного Кавказа.

Чтобы закончить с сопоставлением алазано-беденской керамики с керамикой разнокультурных среднебронзовых памятников Северо-Восточного Кавказа, остановимся еще на нескольких параллелях. Известно, что на ряде памятников Чечни и Северной Осетии найдены погребальные комплексы с сосудами на ножках, которым Р.М. Мунчаев нашел бесспорные аналогии в инвентаре алазано-беденской культуры [Мунчаев Р.М., 1986, с. 37]. Интересно, что в Малохарсенской могильнике (Чечня) гинчинской культуры была найдена глиняная чаша на четырех ножках. По мнению В.И. Марковина, “внешне она немного напоминает курильницы катакомбной культуры, но ... скорее всего, этот сосуд предназначался для хранения или переработки молочных продуктов” [Марковин В.И., 1995, с. 46, рис. 6, б]. Данная чаша совершенно отличается от сосудов на ножках из Бамута и Дзуарикау, но среди материалов алазано-беденской культуры есть и похожий на малохарсенскую чашу экземпляр – такова полусферическая чаша на трех ножках из Беденского кургана № 5 [Гобеджишвили Г.Ф., 1981, табл. XXXII, 6, 8].

В великентских катакомбах №№ 2 и 8 были зафиксированы миниатюрные составные сосудики, возможно, культовые [Магомедов

Р.Г., 1986, с. 42-47, рис. 1-2]. Несмотря на то, что катакомбы эти хронологически различаются, сосуды очень похожи друг на друга и, несомненно, семантически сходны. Строенный сосудик из кат. №8. лучше сохранившийся, имеет близкие аналогии из Грузии – сдвоенные сосуды из куро-аракского Бешташени [Жоржикашвили Л., Гогодзе Э., 1974, с. 46, табл. 34] и, что для нас важно, из Беденского кургана №5 [Гобеджишвили Г.Ф., 1981, рис. 15, табл. XXXIV,9].

Традиционное представление о том, что алазанско-беденской культуре свойственна исключительно высококачественная тонкостенная посуда с лошеной до зеркального блеска поверхностью и тонкоотмученным тестом без видимых примесей, не соответствует действительности. По мере выявления поселенческого керамического материала (Бериклдееби, Цихиагора, Нацаргора) выяснилось, что он не вполне соответствует стереотипному керамическому “канону” алазано-беденской культуры. М.Г. Джалабадзе, специально изучавший беденский слой в Бериклдееби, выделяет в керамике алазано-беденской культуры “две различные по своему назначению группы посуды: утилитарная (характерная для поселений) и погребальная” [Джалабадзе М.Г., 1998, с. 32]. Помимо традиционной посуды, в алазано-беденском слое Бериклдееби обнаружены сосуды “розоватого серого обжига с незалошенной поверхностью - одноручные банки, мелкие и крупные, иногда с конусовидными и плоскими горизонтальными невысокими выступами”, “горшки с залощенным горлом и заштрихованным в разном направлении гребенчатыми полосами гребнем” [Глonti Л.И., Джавахишвили А.И., 1987, с. 82, рис. 2,3-4]. Керамика с бессистемными расчесами по поверхности характерна и для поселений Цихиагора [Махарадзе З.Э., 1994, с. 79, табл. LIX,7; LXII,6; LXVIII,3-6] и Нацаргора [Рашишвили А.Т., 1991, табл. 43-46]. По мнению З.Э. Махарадзе, такая керамика характеризует ранний этап алазано-беденской культуры [Махарадзе З.Э., 1994, с. 74], против чего возражают Г.К. Гогочури и Г.Ч. Чиковани, полагая, что “материалы поселений, где найдена такая посуда, не дают повода для хронологического членения беденской культуры” [Гогочури Г.К., Чиковани Г.Ч., 1998, с. 339]. Здесь важно то, что именно такая керамика с поверхностью, покрытой бессистемно нанесенными расчесами, как считают, зубцами гребня, присутствует в материалах верхних слоев Великентского пос. I и некоторых поздних катакомб Великентского мог. [Гаджиев М.Г., 1994-1995, рис. 70,9,13,15, 125,7-8,10-12]. Надо сказать, что такие сосуды здесь по типолого-морфологическим и технологическим особенностям органично вписываются в местную посткуро-аракскую традицию и не выглядят

пришедшими со стороны “чужаками”. Поэтому можно поставить вопрос о том, что керамика с т.н. штрихованной поверхностью появляется в Грузии во второй половине III тыс. до н.э. не без культурного влияния Северо-Восточного Кавказа. Здесь можно вспомнить и обнаружение в Восточной Грузии на позднекуроаракских поселениях (Илто [Дедабришвили Ш.Ш., 1967, с. 54] и др.) находок обмазанной керамики, обычно считающейся наиболее характерной для культур эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа. Обмазанная керамика наряду с штрихованной хорошо представлена и в слое уровня А Цихиагоры, фиксирующем, по мнению З.Э. Махарадзе, сосуществование куро-аракской и алазано-беденской культур [Махарадзе З.Э., 1994, с. 79, табл. LIX,4,6,8; LXVII,7-8; LXV,3,5].

Итак, мы охарактеризовали, отталкиваясь от серии алазано-беденских керамических импортов на памятниках Дагестана, различные аспекты взаимовлияний культур Восточной Грузии и Северо-Восточного Кавказа в керамическом производстве на закате куро-аракской культуры и в посткуро-аракское время. Главное здесь то, что одна из наиболее примечательных групп гинчинской посуды (круглодонные сосуды) возникла при непосредственном воздействии традиции керамического производства алазано-беденской культуры. Разумеется, такое воздействие не могло ограничиваться лишь одной керамической традицией, а должно было сопровождаться широким спектром культурных взаимовлияний. Насколько позволяют рамки статьи, я постараюсь в дополнение дорисовать еще некоторые штрихи к общей сопоставительной картине культурных контактов двух регионов. Они не столь яркие и убедительные как керамика, но позволяют видеть проблему шире и дают определенные хронологические реперы.

Начнем с металла. В алазано-беденских памятниках, большей частью относящихся к подкурганым захоронениям, ввиду их частых ограблений, металла находят очень мало. Но в отличие от Дагестана, в анализируемых комплексах Грузии встречено большое количество высокохудожественных изделий из золота и серебра (реже), с очень высоким ювелирным исполнением. Но показательно, что некоторые из этих предметов как бы повторяются в бронзе Дагестана. Для примера можно взять двуволотные булавки из II кургана Цнора в серебряном – [Дедабришвили Ш.Ш., 1979, с. 39, 66, табл. LXVI], а из беденского кургана 10 – биметаллическом (медь + золото) исполнении [Гобеджишвили Г.Ф., 1981, с. 136, табл. XXXVIII,3-7, XXXIX,1-4]. Аналогичная по форме, правда, неорнаментированная, “бронзовая булавка с плоской головкой в виде роговидных завитков и сквозным

отверстием” была найдена в II ярусе склепа №5 Гинчи [Гаджиев М.Г., 1969, с. 42, рис. 18,22]. В свое время М.Г. Гаджиев сравнивал последнюю с золотой булавкой из кургана XXII в Цалке, но подчеркивал, что некоторые ее типологические особенности все же позволяют выделить ее в местный вариант широко распространенных бронзовых булавок с завитками [Гаджиев М.Г., 1964, с. 187-188]. Без сомнения, дагестанская булавка имеет существенные отличия от восточногрузинских образцов (самое главное из которых – отсутствие на ней декора), но все же она намного ближе к последним, чем к бронзовой булавке с завитками из гинчинского склепа №7, вместе с которой М.Г. Гаджиев объединил ее в один (первый) тип [Гаджиев М.Г., 1969, с. 137].

Бронзовые булавки с выделенной головкой и полой перекладной, найденные в кат. №№ 2, 5 и 11 Великентского мог. I, имеют прототип в виде золотой булавки из II Цнорского кургана (правда, последняя является составной – к самой булавке приложена съемная часть (“концевая головка”) [Дедабришвили Ш.Ш., 1979, с. 42, табл. LXVI]. Цнорская булавка в Грузии, по всей видимости, пока является уникальной. В Великенте же данная булавка представлена несколькими вариантами, в т.ч. и орнаментированным, а общее количество булавок этого типа достигает 8 экз. Интересно, что почти во всех булавках внутри перекладки сохранились остатки крученного шнура. Нигде в Дагестане, да и на Кавказе, за исключением вышеупомянутой булавки из Цнори, аналогии великентским булавкам подобного типа также неизвестны.

Вместе с булавками с выделенной головкой и полой перекладной в качестве общих коррелирующих находок великентских катакомб и беденской группы ранних курганов М.В. Рысин указывает еще на бронзовые браслеты “в один оборот с утолщениями на корпусе” [Рысин М.В., 1996, с. 84, рис. №1]. Действительно, в II Цнорском кургане были найдены два серебряных браслета, напоминающие силуэтом великентские браслеты с утолщениями на концах и в середине корпуса [Дедабришвили Ш.Ш., 1979, с. 43, табл. XIV,7]. На наш взгляд, цнорские браслеты не совсем аналогичны великентским браслетам, т.к. они совершенно другого типа – полые разъемные. Великентские же браслеты, обнаруженные в большом количестве и разнообразии в ряде катакомб поздней группы (№№1-5,11-12), кстати, среди них есть и серебряные экземпляры, украшенные аналогично цнорским, сделаны исключительно из сплошного прута различного сечения [см.: Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 17, рис. 8].

В курганах алазано-беденской культуры обнаружены бронзовые булавки с дисковидной головкой [Гобеджишвили Г.Ф., 1980, с. 136], а

также идентичные им по форме бронзовые шпонки на дисковидных деревянных колесах повозок [Дедабришвили Ш.Ш., 1979, с. 40, табл. XXXVII, 2, XXXIX, 3; Гобеджишвили Г.Ф., 1981, рис. 10-11, табл. LI, 3]. Эти изделия очень напоминают бронзовых булавок с дисковидными головками из гинчинских комплексов как Горном Дагестане [Гаджиев М.Г., 1969, с. 141-142, рис. 12,9, 22,44-45, 31,7, 34,1], так в Юго-Восточной Чечне [Марковин В.И., 1963, с. 124, рис. 9,3; 11,3; Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986, с. 18, рис.3,1-2], хотя и есть различия – гинчинские булавки имеют в центре диска отверстие и, как правило, носят пунсонный орнамент.

Среди немногочисленных костяных изделий, обнаруженных в алазано-беденских курганах, внимание привлекают штыковидные наконечники стрел с круглым сечением [Дедабришвили Ш.Ш., 1979, с. 22,32,41,43,67, табл. XLII,1; Гобеджишвили Г.Ф., 1981, с. 136, табл. XI] и т.н. “кочедыки” – орудия из рога животных [Дедабришвили Ш.Ш., 1979, с. 41, 67, табл. XLV]. Наконечники стрел с коническим штыковидным острием и выделенным черешком очень архаичны, встречаются еще в комплексах куро-аракской [Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, рис. 25,17; 26,7,20] и майкопской [Чеченов И.М., 1973, с. 38, рис. 28; Мунчаев Р.М., 1975, с. 306, рис. 73,2; Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984, с. 49-50, рис. 13,14] культур. Подобные наконечники стрел обнаружены на Великентском пос. II, наиболее раннем куро-аракском поселении в Приморском Дагестане. Одним из аргументов для удревнения Бельтинского могильника послужили находки там аналогичных предметов вооружения [Магомедов Р.Г., 1998, с. 169, рис. 112,2].

Что касается “кочедыков”, то аналогичные предметы из рога, некоторые орнаментированные, известны на памятниках эпохи средней бронзы на Северном Кавказе [Марковин В.И., 1960, рис. 10,11-12], найдены они и на гинчинских памятниках (Верхний Гуниб, Бельты [Магомедов Р.Г., 1998, с. 107-108, рис. 100,23-25]). Функциональное предназначение этих предметов до сих пор неясно – их могли использовать как при вязании сетей или плетении рогожи, как считают одни, так и при изготовлении одежды и обуви, как предполагают другие. По мнению Ш.Ш. Дедабришвили, эти “предметы неизвестного назначения”, могли использоваться на повозках как своего рода “атрибуты ритуального штандарта” [Дедабришвили Ш.Ш., 1979, с. 40, 67].

Приведенные выше примеры, которые можно еще дополнить, достаточно иллюстрируют активные культурные контакты между двумя регионами – Восточной Грузией и Северо-Восточным Кавказом во 2-ой пол. III тыс. до н.э. и нач. II тыс. до н.э.

Прежде чем рассмотреть вопрос о причинно-следственной подоснове указанных культурных контактов и их историко-содержательной стороне, следует остановиться на таком важном аспекте их изучения – как проблема хронологии. В этом плане первостепенное значение приобретают археологические импорты, дающие в руки исследователей материал для относительной и абсолютной хронологии, обеспечивающие возможность синхронизации различных культур и их сравнительного сопоставления, а также установления характера, масштабности и направленности культурно-исторических и хозяйственных контактов древнего населения различных регионов. Важно при этом отметить, что "... вопросы хронологизации, являющиеся первоочередной и специфической задачей археологии, как науки исторической, становятся наиболее сложными особенно для такой страны, как Кавказ, который, при недостаточной разработанности вопросов его древнейшей истории, по самому положению, является страной крупных противоположностей: одновременно, естественным барьером между странами Восточной Европы и Передней Азии, средоточием реликтовых горных районах, и наряду с этим, проводником культурных течений с юга на север [Куфтин Б.А., 1941, с. 1]. Думаю, нас простят за столь пространную цитату, т.к. она до сих пор не потеряла свою актуальность и адекватно характеризует ситуацию, в которой, с одной стороны, выступает массив алазано-беденской культуры, а с другой – целый ряд археологических культур Северного Кавказа и, в особенности, его северо-восточной части.

Как известно, о выделении беденской культуры впервые стал высказываться Г.Ф. Гобеджишвили на основе материалов 10 курганов, раскопанных им в 1956-1971 гг. на Южном склоне водораздельного хребта Бедени в Грузии [см.: Гобеджишвили Г.Ф., 1971; 1981]. За последнюю четверть века сложился большой историографический опыт осмысления и интерпретации этой культуры бронзового века. Анализ литературы показывает, однако, что нет единства взглядов даже по отношению к названию культуры, не говоря о других ее параметрах. Помимо наиболее распространенных названий "беденская культура" (Резепкин А.Д., 1982; Симонян А.Е., 1982; Глonti Л.И., Джавахишвили А.И., 1987; Рамишвили А.Т., 1991; Махарадзе З.Э., 1994; Трифонов В.А., 1996; Шатберашвили З., 1998; Мирцхулава Г.И., Мирцхулава Н.Д., 1999 и др.) и "алазано-беденская культура" (Пицхелаури К.Н., 1983; Мунчаев Р.М., 1986; Кондрашова А.В., Резепкин А.Д., 1988; Рысин М.В., 1990; Корневский С.Н., 1992 и др.), существует еще около 40 других вариантов

названий культуры ("алазано-беденская группа памятников", "бедени – алазанская культура", "Беденская группа ранней курганной группы", "беденский культурный круг", "Беденские курганы", "алазано-беденская фаза среднебронзового века", "марткопско-беденская культура", "ранние курганы триалетской культуры", "ранние курганы". "Беденская группа ранней курганной культуры" и др.). Подытоживая весь этот спектр многочисленных названий культуры, можно выделить несколько наиболее обобщенных подходов к пониманию ее содержания. Подавляющее большинство ученых считает, что памятники алазано-беденской культуры (на наш взгляд, наиболее подходит такое название культуры) выходят за рамки куро-аракской культуры и, естественно, хронологически следуют за куро-аракскими памятниками. Особняком стоит мнение В.А. Сафронова [1989, с. 176] о том, что Бедени является финалом куро-аракской культуры, хотя в другом месте он говорит об отдельной алазано-беденской культуре. Некоторые исследователи полагают, что ранние элементы алазано-беденской культуры сосуществуют с поздними куро-аракскими памятниками [Рамишвили А.Т., 1991, с. 24-25; Махарадзе З.Э., 1996, с. 72-75]. Очень распространено мнение о том, что алазано-беденская культура является своего рода связующим, но вполне самостоятельным звеном между куро-аракской и триалетской культурами. При этом одни воспринимают беденские или алазано-беденские памятники отдельно от марткопских, другие рассматривают их всех вместе как культуру ранних курганов. Наконец, третья группа исследователей представляет алазано-беденские памятники, а часто заодно и марткопские, как ранний этап известной триалетской культуры [Лорджишанидзе О., 1982, с. 17-19; Он же, 1989, с. 114-124; Кушнарева К.Х., 1986, с. 15-18; Она же, 1993, с. 101-106; Кушнарева К.Х., Рысин М.В., 1997, с. 77-80; Гогодзе Э.М., 1990, с. 94 (см. также: Гогодзе Э.М., 1972, с. 100-101); Джапаридзе О.М., 1977, с. 8-9; Он же, 1994, с. 75-81; Он же, 1996, с. 76-78 и др.].

Отсутствие методологической строгости в использовании атрибуционного названия культуры приводит к тому, что в работах одного и того же специалиста, нередко даже в пределах одной работы очень часто фиксируются случаи многовариантного определения круга указанных памятников [Кушнарева К.Х., 1993, с. 101-106; Джапаридзе О.М., 1989, с. 39-40; Он же, 1991, с. 284-288; Он же, 1994, с. 75-81; Он же, 1996, с. 76-78].

Большее единодушие среди специалистов фиксируется по отношению к абсолютной и относительной хронологии алазано-беденской культуры. Почти все согласны с расположением алазано-

беденских памятников (вслед за марткопскими курганами) между классическим Куро-Аракском и “Цветущим Триалети”. При этом некоторые ученые, как указывалось выше, допускают возможность сосуществования куро-аракской культуры (на поздней стадии развития) и ранней фазы алазано-беденской культуры. При определении рамок абсолютной датировки последней следует иметь в виду некоторую их условность, обусловленную, в первую очередь, отсутствием достаточно надежных и больших серий радиоуглеродных дат. Поэтому алазано-беденские памятники обычно размещаются на хронологической шкале в последнюю четверть III тыс. до н.э. (или же в конце III тыс. до н.э.) и в самое начало II тыс. до н.э. Таким образом, продолжительность существования алазано-беденской культуры определяется примерно 250-300 лет.

Несколько слов о нетипичных подходах к датировке алазано-беденской культуры. В первую очередь, здесь следует назвать работы Г.Л. Кавтарадзе, в которых беденская культура отнесена к РБ II и датирована 3000-2400 гг. до н.э. [Кавтарадзе Г.Л., 1983, с. 105-116, табл. №2; Kavtaradze G., 1999, p. 70, fig. 3]. Такая ранняя датировка Бедени на основе калиброванных радиоуглеродных дат, все же не встретила полной поддержки у других археологов [Андреева М.В., 1987, с. 273-283]. Согласно поправкам В.А. Трифонова “к абсолютной хронологии культур энеолита и бронзы Северного Кавказа”, “бедени-алазанская” культура располагается в пределах хронологического горизонта 2500-2100 гг. до н.э. с возможным уточнением датировки “между серединой и началом последней четверти III тыс. до н.э.” [Трифонов В.А., 1996, с. 48, табл.]. С другой стороны, есть точки зрения, несколько “омолаживающие” алазано-беденские комплексы по сравнению с их наиболее распространенной датировкой. Самая последняя из них выражена в монографии А.Н. Гея по новотитаровской культуре, в которой Бедени по существу синхронизируется с великентскими катакомбами, марткопскими и сачхерскими погребальными комплексами и датируется в рамках 2150/2100-1750 гг. до н.э. [Гей А.Н., 2000, с. 205-209, рис. 58]. Такая датировка очень близка к датировке, предложенной в свое время М.В. Рысином. По мнению последнего, находки керамики алазано-беденского круга в Великентской катакомбе, аналогии восьмигранному долоту из Бедени, а также сопоставление стиля украшений алазано-беденской культуры с материалами Великентской катакомбы, некоторых триалетских курганов и склепов гинчинской культуры “подтверждают ... датировку алазано-беденской культуры – конец III – первая четверть II тыс. до н.э.” [Рысин М.В.,

1990а, с. 14-15; 1990б, с. 24]. Правда, в синхронистической таблице, данной в одной из этих статей, отражена несколько другая хронологическая позиция указанной культуры – 2100-1700 гг. до н.э. [Рысин М.В., 1990а, с. 14, рис. 2].

На слабость аргументации М.В. Рысина в вопросе уточнения датировки алазано-беденской культуры, наряду с другими аспектами синхронизации памятников и культур бронзового века Кавказа, указывал в свое время С.Н. Корневский [1992]. По его мнению, вряд ли возможно распространять узкую дату (XIX-XVIII вв. до н.э.), полученную М.В. Рысином для всего комплекса Великентской катакомбы (№1) в качестве верхней хронологической границы алазано-беденской культуры, т.к. сама эта дата изначально не может быть признана объективной в силу ряда причин [Корневский С.Н., 1992, с. 97-98]. Видимо, критика С.Н. Корневского возымела действие, т.к. в 1996 г. М.В. Рысин выступил с новым продолжением старой концепции “синхронизации культурно-хронологических периодизаций памятников обоих склонов Кавказа”, основанной “на выявлении импортов и их подражаний”, в котором он пересмотрел свою датировку алазано-беденской культуры в сторону удревления [Рысин М.В., 1996, с. 82-84, рис. 1-2]. Новая дата (2200-1900 гг. до н.э.) М.В. Рысина находится в целом в русле наиболее распространенных хронологических определений алазано-беденской культуры, о которых я уже говорил выше. “Для уточнения места памятников беденской культуры на шкале северокавказских памятников” автор привлек внимание к беденским керамическим импортам и их подражаниям от Дагестана до Нижнего Дона, а также к некоторым бронзовым изделиям (ножи-клинки, желобчатое долото с восьмигранным корпусом, булавки с грушевидной головкой, браслеты с утолщениями на корпусе), одинаково распространенным в Закавказье, на Северном Кавказе и в Предкавказье. К некоторым этим параллелям мы уже обращались при анализе связей между алазано-беденской культурой и культурами Северо-Восточного Кавказа.

Итак, что же дают для хронологии памятников эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа зафиксированные неоднократно случаи прямого импорта алазано-беденских сосудов, бесспорные системные подражания этой керамике в местной традиции гончарного производства, а также многочисленные параллели в некерамическом инвентаре культур по обе стороны Кавказского хребта?

Здесь, в первую очередь, следует остановиться на синхронизации материалов поздней группы катакомб Великентского мог. I и верхних наиболее поздних слоев Великентского пос. I (Земовар-тепе). О

реальности такой синхронизации указывалось еще в 1984 г. [Магомедов Р.Г., 1984, с. 36], хотя М.В. Рысин в последующем и умолчал это, выдвигая свою идею о возможности “синхронизировать поздние поселения куро-аракского круга в Дагестане с комплексами великентских склепов и датировать их началом II тыс. до н.э.” [Рысин М.В., 1990б, с. 25]. В основу такой синхронизации положены в целом правильные наблюдения автора о наличии на указанных памятниках ряда общих керамических форм и технологических приемов их изготовления, но обращает на себя внимание, что автор при этом воспринимает Великентское поселение (I) как нерасчлененный единый объект куро-аракской культуры. Этим и объясняется далеко идущий вывод М.В. Рысина о возможности датировки финальных памятников куро-аракской культуры началом II тыс. до н.э. [Рысин М.В., 1990б, 25]. К определенной осторожности при таких синхронизациях призвал М.В. Рысина С.Н. Корневский, при этом справедливо указывая, что “потребуется уточнение содержания культурного слоя и самого Великентского поселения” [Корневский С.Н., 1992, с. 98]. Это заключение С.Н. Корневского очень важно для понимания всей сложности культурно-хронологического соотношения великентских катакомб с памятниками северовостокавказского варианта куро-аракской культуры, в первую очередь, с Великентским пос. I.

Как известно, Великентское поселение I (Земовар-тепе) традиционно считалось как классический памятник куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе, а время его функционирования, естественно, включалось в рамки датировки куро-аракской культуры эпохой ранней бронзы. Открытие ряда катакомбных захоронений на Великентском мог. I, совпавшее с широкомасштабными раскопками М.Г. Гаджиева в кон. 70-х – нач. 80-х гг. на прикаспийских поселениях (Великент I, Геме-тюбе I, Мамай-кутан), выявившими верхние посткуроаракские стратиграфические горизонты, позволило в дальнейшем выделить т.н. великентскую группу памятников эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа [Магомедов Р.Г., 1985а, с. 221-223]. Ранее на основе всестороннего изучения металлической коллекции кат. №1 Великентского мог. I М.Г. Гаджиевым и С.Н. Корневским был заявлен “своеобразный локальный участок предгорного района металлообработки Дагестана на заре эпохи средней бронзы” [Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 26]. В настоящее время, по мнению М.Г. Гаджиева, можно уверенно говорить о среднебронзовой великентской культуре [Гаджиев М.Г., 1996, с. 8-9; Гаджиев М.Г. и др., 1996, с. 75-77, рис. 21, 30].

Обнаружение алазано-беденских керамических импортов и их

подражаний в целом ряде погребальных конструкций Великентского мог. I (кат. №№ 1-3, 5, 11), а также при раскопках гончарной печи недалеко от Великентского поселения I на берегу р. Кубу-чай и вскрытии верхних слоев на самом Великентском пос. I является наиболее ярким, но не единственным аргументом для синхронизации этих комплексов. Анализ керамики, связанной с верхними слоями трех прикаспийских поселений, позволяет выделить ок. 20 типов сосудов. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на характеристике этой классификации; следует только отметить, что подавляющая часть выделяемых типов поселенческих сосудов находит очень близкие, иногда прямые аналогии в инвентаре поздних катакомб Великентского мог. I. Обращает на себя внимание при этом то, что на поселениях редко находят миниатюрных сосудов культового характера, возможно, изготовлявшихся специально для погребальных целей, а в катакомбах не встречаются крупные сосуды, как правило, использовавшиеся в качестве тарной посуды.

В отличие от керамики, остальной инвентарь указанных поселений довольно специфичен и слабо отражен в соответствующих погребальных комплексах. Тем не менее, при раскопках бытовых памятников, в особенности, Великентского пос. I [см. напр.: Kohl Ph. L. et al., 2000, p. 144], неоднократно находили предметы из камня (обломки сверленных топоров, наверхия булавы) и бронзы (тесло, универсальный клинок-нож, медальон кольцевидной формы, шило, височные подвески в 1,5 об., спиральные пронизки), довольно типичные для большинства катакомб Великентского мог. I.

Рассмотрим вопрос об абсолютных датах для хронологических рамок верхних слоев прикаспийских поселений и поздних катакомб Великентского мог. I, составляющих ядро великентской группы памятников. Здесь есть несколько аспектов. Один из них связан с культурно-хронологическим соотношением верхних слоев прикаспийских поселений и поздней группы великентских катакомб к нижним напластованиям этих же поселений и небольшой группе ранних катакомб на трех великентских могильниках, т.е. речь идет о хронологическом соотношении великентской группы памятников средней бронзы и комплексов северовостокавказского варианта куро-аракской культуры.

Что касается северовостокавказских памятников куро-аракской культуры, их периодизация и хронология, естественно всегда соотносились с общей периодизацией и датировкой куро-аракской культуры. Последняя, как известно, до недавнего времени целиком связывалась с эпохой ранней бронзы в рамках III тыс. до н.э. [Мунчаев

Р.М., 1975, с. 191-195]. Однако Р.М. Мунчаев, похоже, в последнее время изменил свою точку зрения и теперь признает, что “представляется правильной наметившаяся тенденция удревления раннего этапа куро-аракской культуры – не позднее второй половины IV тысячелетия до н.э. ... Очевидно, верхние пределы куро-аракской культуры должны ограничиваться временем около середины III тысячелетия до н.э. (XV-XXIV вв. до н.э.)” [Мунчаев Р.М., 1994а, с. 17]. При этом, как подчеркивает автор, он по-прежнему опирается на старую периодизацию К.Х. Кушнаревой и Т.Н. Чубинишвили, согласно которой куро-аракские памятники привязывались к трем периодам: ранний (3000-2700/2600 гг. до н.э.); средний (2700/2600-2400/2300 гг. до н.э.) и поздний (2400-2300-2000 гг. до н.э.) [Мунчаев Р.М., 1994а, с. 18; см. также: Кушнарёва К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, с. 61-62]. Между тем, периодизация К.Х. Кушнаревой и Т.Н. Чубинишвили, сыгравшая важную роль в изучении куро-аракских древностей, в настоящее время явно устарела. Сама К.Х. Кушнарёва в последних работах придерживается другой, принципиально новой схемы периодизации бронзового века Кавказа, по которой куро-аракские памятники датируются эпохой ранней бронзы (сер. IV – 3-я четв. III тыс. до н.э.) и распределяются по четырем периодам [Кушнарёва К.Х., 1993, с. 88-90]. Возвращаясь к датировке северо-восточнокавказских куро-аракских памятников и их периодизации, то также нет единого мнения среди специалистов. Так, Р.М. Мунчаев предложил схему периодизации, согласно которой наиболее ранними из них признавались памятники Приморской равнины (средний период развития куро-аракской культуры – сер. III тыс. до н.э., а остальные относились к позднему этапу развития культуры в этом регионе) [Мунчаев Р.М., 1975, с. 195]. Карабудахкентский могильник, Чиркейское, Сигитминское и Верхнегунибское (нижний слой) поселения, а также Генобский могильник Р.М. Мунчаев охарактеризовал как памятники последующего после куро-аракской культуры т.н. карабудахкентско-генобского этапа культурно-исторического развития на территории Дагестана. В главе соответствующего тома 20-томной “Археологии”, где дан обобщающий очерк куро-аракской культуры, подобная схема периодизации северо-восточнокавказских памятников отсутствует, но по некоторым косвенным данным (дагестанские памятники Р.М. Мунчаев считает возникшими в связи с миграцией куро-аракских племен из Закавказья на Северный Кавказ), эта схема его пока принципиально устраивает. Следует отметить, что в новой работе Р.М. Мунчаева Чиркейское поселение (Гад-Шоб) “переведено” из

“карабудахкентско-генобского этапа” в число памятников куро-аракской культуры [Мунчаев Р.М., 1994а, с. 12, 23, 30, карта 1].

Принципиально новую схему периодизации памятников куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе, основанную на стратиграфии раскопок ряда прикаспийских поселений (Геме-тубе I и II, Великент I и Мамай-кутан), предложил М.Г. Гаджиев. Она у него двухзвенная, как и у Р.М. Мунчаева, но отличается большей детализацией и содержанием. Схема эта публиковалась многократно без особых изменений [Гаджиев М.Г., 1987а, с. 13-17, рис. 1-2; 1987б, с. 62-68, табл. XXII-XXIII; 1990, с. 66-74, рис. на с. 282; 1991, с. 127-150, рис. 27-28] и нет необходимости подробно ее излагать. По абсолютной хронологии для северо-восточнокавказских памятников куро-аракской культуры М.Г. Гаджиев предлагает дату в рамках последней четв. IV – последней четв. III тыс. до н.э., а границей между двумя большими этапами периодизации – сер. III тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1991, с. 150].

В связи с удревлением верхней отметки ранней бронзы возникла, естественно, необходимость отнесения нижней границы эпохи средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе к концу III тыс. до н.э. По мнению С.Н. Кореневского, такое углубление нижней границы средней бронзы можно оправдать также особыми переменами в бронзолитейном производстве, к тому же ликвидируется разность эпохальных рамок бронзового века Закавказья и Северного Кавказа [Кореневский С.Н., 1984, с. 276-277]. При разработке хронологии гинчинской культуры нами была предложена новая схема периодизации бронзового века Северо-Восточного Кавказа, в которой последняя четв. III тыс. до н.э. определялась как переходный период от ранней к средней бронзе [Магомедов Р.Г., 1993, с. 6; 1998, с. 153]. В настоящее время с учетом серии дат С14 для великентских памятников, думается, что возникла необходимость некоторой корректировки такой идеи. Здесь, в первую очередь, речь идет о 4 калиброванных датах для верхних слоев Великентского пос. I (Земовар-тепе), полученных в Аризонском университете: (AA-15103, 2 сигма) 2576-2200 гг. до н.э.; (AA-21283, 2 сигма) 2578-1923 гг. до н.э.; (AA-21286, 2 сигма) 2335-1870 гг. до н.э.; (AA-27350, 2 сигма) 2581-2396 гг. до н.э.

В целом даты укладываются в пределах XXVI-XIX вв. до н.э. (2581-1870 гг. до н.э.), причем если верхние значения дат сильно разнятся, то нижние отбиваются по трем датам практически одинаково. К сожалению, в нашем распоряжении имеется только 1 дата для поздней группы катакомб: (AA-27348, 2 сигма) 2194-1780 гг. до н.э. Она получена по костям скелета, обнаруженного на самом верху потревоженного

заполнения камеры кат. №11 и является для последней *terminus ante quem* [Kohl Ph.L. et al., 2000, p. 144]. Дата (AA-27353, 2 сигма) 2851-2367 гг. до н.э., ошибочно указанная для кат. №11 [Гаджиев М.Г. и др., 1998, с. 61], в действительности же относится к кат. №1 Великентского мог. II, содержащей более ранние материалы по сравнению с кат. №11 Великентского мог. I [Kohl Ph.L. et al., 2000, p. 145]. Помимо последней имеется еще одна дата для ранних катакомб Великента – (AA-15104, 2 сигма) 2879-2474 гг. до н.э. [Гаджиев М.Г. и др., 1996, с. 50].

Таким образом, археологическая датировка поздних катакомб Великентского мог. I, основанная на анализе инвентаря (2-я пол. III – нач. II тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1990, с. 16; Магомедов Р.Г., 1993, с. 9]), не противоречит амплитуде дат C14 синхронных верхних слоев Великентского пос. I.

Подытоживая сказанное, думается, что можно предложить новую периодизацию бронзового века Северо-Восточного Кавказа, в которой переходный период от ранней к средней бронзе занимает 3-ю четверть III тыс. до н.э., а средняя бронза включает в себя последнюю четверть III-го и 1-ю половину II-го тыс. до н.э. Выделение особого переходного периода между ранней и средней бронзой должно свидетельствовать о неразрывной связи между традициями северовостокавказского варианта куро-аракской культуры и приходящими ей на смену несколькими археологическими образованиями эпохи средней бронзы. Наиболее наглядно это видно на примере великентских катакомб. Хотя ранние и поздние катакомбы отличаются специфическим подбором керамических коллекций, но есть целый ряд общих форм глиняных сосудов, одинаково характерных для обеих хронологических групп (миски-плошки; миски в виде перевернутого усеченного конуса с бортиком у венчика; чаши с перегибом в верхней части тулова и резко отогнутым венчиком; баночные сосуды с ручкой у закраины; составные сосуды). Кроме того, керамическая традиция обеих групп отличается множеством общих черт и особенностей, касающихся технологии сосудов, характера ручек и их размещения, орнаментальных мотивов и композиций. Особо следует отметить, что в составе инвентаря одной из ранних катакомб (№1 Великентского мог. III) был обнаружен небольшой сосуд типа круглодонной кружки с вертикальными стенками и слегка отогнутым венчиком, имеющий на стенке напротив единственной ручки округлое широкое вдавление, наподобие известным сосудам алазано-беденской культуры и их подражаниям. К сожалению, в ранних катакомбах Великента очень мало другого инвентаря, кроме керамики, но, тем не менее в заполнении их камер и

входных колодцев были обнаружены некоторые бронзовые украшения (булавки прямостержневой и посоховидной форм, орнаментированный медальон в виде ковшика, подвеска лавролистной формы), хорошо известные по среднебронзовым комплексам как Великента, так и других памятников Кавказа.

Великентские катакомбы являлись долговременными родосемейными усыпальницами, предназначенными для коллективных захоронений (в некоторых катакомбах встречено более 100 погребенных), – и, следовательно, не должна вызывать удивления широкая их датировка, нетипичная для подавляющего большинства погребальных сооружений бронзового века Юга Восточной Европы и Кавказа. Именно поэтому стремление М.В. Рысина сузить период функционирования великентских катакомб на основе датировок ближневосточных аналогий отдельным типам великентских бронзовых булавок, а потом обосновывать им хронологические рамки алазано-беденской культуры, несостоятельно. Это можно еще раз продемонстрировать на примере последней попытки М.В. Рысина по синхронизации инвентаря из великентских катакомб с беденскими памятниками.

Если исходить из синхронистической табл. №1 к докладу М.В. Рысина на конференции, посвященной 100-летию А.А. Иессена, то великентские катакомбы, во-первых, поставлены в один культурный ряд с катакомбными памятниками Приазовья, Нижнего Дона и Предкавказья; во-вторых, они разделены на две группы (ранняя и развитая) [Рысин М.В., 1990, с. 83-84, рис. 1]. Возражение 1-е: отрывать великентские катакомбы от культурного пласта Северо-Восточного Кавказа, генетически связанного с куро-аракским субстратом, вряд ли возможно, да и сам М.В. Рысин скорее всего это понимает. Далее, разделение великентских катакомб именно на такие хронологические группы сделано неудачно. Похоже, М.В. Рысин не знает о существовании в Великенте действительно ранней группы погребальных сооружений, представленных, правда, всего тремя катакомбами (кат. №8 мог. I; кат. №1, мог. II и кат. №1 мог. III), но они содержат большое количество погребенных и чрезвычайно богаты инвентарем, в особенности керамикой. Разумеется, среди великентских поздних катакомб есть хронологические различия, но они проходят не по такому принципу, как он отражен у М.В. Рысина. По мнению последнего, к развитым катакомбным комплексам относятся те, в которых зафиксированы бронзовые литой полушарный колпачок с двумя отверстиями, литые пронизки с манжетовидными утолщениями, желобчатые долота и тесла. Но здесь следует отметить, что в целом ряде великентских катакомб

указанные артефакты сочетаются одновременно не только с теми бронзовыми предметами, которые, как считает М.В. Рысин, наиболее характерны для выделяемых им ранних катакомб (якоревидные подвески, булавки с утолщениями, кольцевидные медальоны), но и с булавкой с подвязанной головкой, якобы атрибутивной для марткопской группы ранних курганов Закавказья. Анализ показывает, что практически невозможно хронологически различить катакомбы, исходя из наличия или отсутствия отдельных видов бронзового инвентаря, т.к. это может быть результатом сохранности сооружения (большая часть катакомб подверглась ограблениям и разрушениям в древности и в наши дни) или же половозрастных (как, например кат. №11 с детскими захоронениями) и других особенностей синхронного порядка. По настоящему определение хронологической позиции каждой катакомбы возможно при комплексном подходе, когда подробный типологический анализ керамики сочетается с остальными предметами инвентаря, а также учитываются типологические данные самого погребального сооружения и особенности фиксируемого погребального обряда. С этой точки зрения, удастся установить как бы промежуточное хронологическое место кат. №9 между ранними и поздними катакомбами. Об этом говорят находки в этой катакомбе сосудов (миска в виде усеченного конуса с утолщением у внутреннего бортика; горшки вытянутой формы с “усатыми” ручками у закраины), характерных для более ранних катакомб. Кроме того, в этой катакомбе, сближающейся с ранними катакомбами ступенчатым соединением дромоса и камеры, не были обнаружены импорты алазано-беденской керамики, а бронзовые изделия представлены мелкими украшениями, одинаково характерными для всех великентских катакомб.

О том, что великентские поздние катакомбы можно датировать очень широко, при этом опуская нижнюю границу их функционирования до 3-й четв. III тыс. до н.э., свидетельствует также обнаружение в кат. №11 сверленных полированных каменных топоров ладьевидной формы, аналогии которым известны, с одной стороны, из куро-аракского поселения в Чиркее [Гаджиев М.Г., 1991, с. 186-189], а с другой – характерны для памятников наиболее раннего этапа новотитаровской культуры [Гей А.Н., 2000, с. 154-157, рис. 47,8]. Чиркейское поселение, по М.Г. Гаджиеву, относится к позднему этапу куро-аракских памятников Северо-Восточного Кавказа с датировкой в рамках 3-й четв. III тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1991, 1991, с. 140-149, рис. 28]. Ранний этап новотитаровской культуры, по синхронистической табл. А.Н. Гея [2000, рис. 58] приходится на 2700-2450 гг. до н.э. В кат.

№№ 3 и 11 Великентского мог. I обнаружены также каменные сверленные топоры другого типа, идентичные тем, которые характерны для второго этапа новотитаровской культуры (2450-2300 гг. до н.э.) [Гей А.Н., 2000, рис. 47,4-6].

Таким образом, хронологический рубеж между ранними и поздними катакомбами Великента можно провести где-то в сер. 3-й четв. III тыс. до н.э.: ранние катакомбы при этом тяготеют к сер. III тыс. до н.э., а поздние – к последней четв. III – первой четв. II тыс. до н.э.

Карабудахкентский мог. II, материалы которого первоначально были интерпретированы как памятники эпохи ранней бронзы, “представляющими дагестанскую Карабудахкентскую археологическую культуру первой половины II тыс. до н.э. [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958, с. 170], в последующем многократно привлекались для характеристики ранней и средней бронзы Северо-Восточного Кавказа и, как правило, хронологически ставились между типичными куро-аракскими памятниками и среднебронзовыми комплексами манасских катакомб и гинчинских склепов, в то же время синхронизируя с ранним слоем Верхнегунибского поселения и гонобскими склепами [Котович В.Г., Шейхов Н.Б., 1960, с. ; Котович В.М., 1965, с. 241-254; Гаджиев М.Г., 1969, с. 152-153; Он же, 1986, с. 28-29], – в настоящее время можно сопоставлять и синхронизировать с материалами великентских ранних катакомб. Удревнение датировки Карабудахкентского мог. II вплоть до сер. III тыс. до н.э., в пользу которого высказывается и В.И. Марковин [1994, с. 299], позволяет отнести его к памятникам северовостокавказского варианта куро-аракской культуры.

С великентскими поздними катакомбами, как известно, содержащими алазано-беденские импорты, можно синхронизировать целый ряд погребальных памятников, выявленных в равнинной и предгорной части Дагестана. Речь идет, в первую очередь, о подкурганых катакомбах Манаса [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, с. 168-203; Федоров Г.С., 1977, с. 22-25] и Даг. Огни [Исаков М.И., 1966, с. 19, табл. 3,8-10]. В пользу отнесения поздних катакомб Великента и манасских катакомб к одному и тому же хронологическому периоду говорят близкие формы сосудов, наличие обмазанной керамики, находки однотипных топоров, долот, украшений и т.д.

По ряду признаков (наличие алазано-беденского керамического импорта, схожие формы бронзовых украшений, в особенности якоревидные подвески и одновитковые браслеты, височные подвески, обтянутые тонкой золотой фольгой, пастовые бусы типа “домино” и

т.д.) великентские поздние катакомбы хорошо сопоставляются с наиболее ранними комплексами Чиркейского и Миатлинского курганных могильников. Несколько примеров. О Чиркейском погребении с алазано-беденским сосудом уже говорилось выше. В погр. I кур № 1 Миатлинской кург. гр. II найдена бронзовая булава с подвязанной головкой [Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, с. 64, табл. 1,2]. Подобные булавы также были обнаружены в кат. №12 Великентского мог. I, в разрушенных подкурганых комплексах у сел. Утамыш [Котович В.Г. и др., 1980, с. 48, рис. 5,19] и ст. Манас [Федоров Г.С., 1977, с. 23, табл. 1,9]. Бронзовые булавы с подвязанной головкой хорошо известны по посткуроаракским древностям Закавказья [Куфтин Б.А., 1941, рис. 12,6; Он же, с. 1949, табл. LXVIII; Джапаридзе О.М., 1991, с. 285], встречаются они и в Иране [Schaeffer Cl., 1948, fig. 239,6]. Из погр. I кур. №1 Миатлинской гр. VI происходит изящный бронзовый топор с вытянутым длинным лезвием, найденный вместе с листовидным бронзовым клинком и одновитковым браслетом [Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, с. 81, табл. III, 1]. Он хорошо сопоставляется с аналогичными образцами бронзовых топоров, обнаруженными на Северном Кавказе в комплексах с сосудами на ножках [Мунчаев Р.М., 1986, с. 34-35, рис. 3,4; Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980, с. 25-26, рис. 4,6], которые Р.М. Мунчаев синхронизирует с алазано-беденскими материалами [Мунчаев Р.М., 1986, с. 35-36].

Остановимся на вопросе периодизации и хронологии гинчинской культуры. Он подробно рассмотрен ранее нами [Магомедов Р.Г., 1998, с. 152-173, рис. 135], и поэтому будем кратки. Традиционно гинчинская культура связывается со средней бронзой. С этой точки зрения, нижний репер датировки гинчинской культуры вроде ясен – рубеж 3-го и 4-го четв. III тыс. до н.э. В развитии самой культуры предложено выделение двух фаз – ранней (XXIII-XVIII вв. до н.э.) и поздней (XVII-XV вв. до н.э.). Такая периодизация опирается во многом на стратиграфию хорошо изученного Верхнегунибского поселения [Котович В.М., 1965, с. 241-250], а также учитывает материалы раскопок таких базисных памятников как могильники Гинчи, Ирганай, Гатын-Кале, Малый Харсеной и Бельты.

Следует отметить, что первая фаза гинчинской культуры в целом соответствует датировке большинством исследователей алазано-беденских памятников. Многочисленные признаки взаимодействия гинчинской и алазано-беденской культур, наиболее отразившиеся в керамике, не оставляют сомнения в синхронности существования этих культур на определенном этапе развития. Другим аргументом для

датировки гинчинских ранних комплексов служат отчетливые их связи с северо-восточнокавказским вариантом куро-аракской культуры. Наряду с гинчинской посудой, сохранившей куро-аракские черты в технологии, декоре и морфологии сосудов, о таких связях с предшествующей культурой свидетельствуют очажные подставки из нижних слоев Верхнегунибского поселения.

Итак, мы обрисовали достаточно полную картину культурных связей различных археологических образований Северо-Восточного Кавказа в эпоху средней бронзы с памятниками алазано-беденской культуры, а также тех возможностей, которые дают керамические импорты и многочисленные их подражания для синхронизации древностей бронзового века по обе стороны от Главного Кавказского хребта. Разумеется, культурные контакты подобного масштаба вряд ли могли появиться на пустом месте. В оценке масштаба и характера культурных взаимоотношений двух названных регионов в эпоху ранней бронзы мнения ученых сильно различаются. Традиционно до конца 70-х гг. дагестанские куро-аракские памятники воспринимались как результат массивного вторжения закавказских племен на Северный Кавказ и, естественно, многие элементы местной культуры воспринимались через призму миграционной идеи. Широкомасштабные раскопки прикаспийских памятников эпохи бронзы (поселения Геме-тюбе I-II, Великент I, Мамай-кутан и Великентский мог. I), осуществленные в кон. 70-х – нач. 80-х гг. в корне изменили прежние представления об уровне развития дагестанских племен в эпоху раннего металла. Как показал М.Г. Гаджиев, Северо-Восточный Кавказ должен рассматриваться как часть ареала первоначального возникновения и развития куро-аракской культуры. Однако сказанное вовсе не означает, что в эпоху ранней бронзы развитие северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры было обусловлено лишь внутренними закономерностями. Известная историко-географическая привязанность этого региона к наиболее удобной магистрали Кавказского перешейка, связующей издревле северокавказский и степной мир с культурами и цивилизациями Закавказья и Передней Азии, разумеется, отразилась на культурное своеобразие местных племен.

Еще одним фактором, обусловившим уровень развития и характер культуры древних племен Северо-Восточного Кавказа является включенность этого региона в Циркумпонтийскую зону. Одним из первых, кто выдвинул концепцию, весьма близкую к понятию “Циркумпонтийская зона”, был Я. Махник [Machnik J., 1972-1973, 1973]. При сопоставлении карпатских материалов эпохи бронзы с кавказскими

древностями, Ян Махник наряду с памятниками Закавказья, относящимися, по его мнению, к ранней фазе куро-аракской культуры, привлек также целый ряд памятников Северного Кавказа (Нальчик, Бамут, Новый Аршти, Гатын-Кале, Малый Харсеной, Гинчи, Галгалатли. В. Гуниб и др.). Оспаривая отнесение В.И. Марковиным последних в большинстве своем к северокавказской культуре эпохи средней бронзы, автор отмечает, что “они составляют северную провинцию куро-аракской культуры и в известной мере ее хронологическое продолжение” как возможный результат прямой колонизации с юга [Machnik J., 1972-1973, s. 156]. К сожалению, при этом бесспорно куро-аракские памятники Северного Кавказа (Сержень-юрт I-II, Чиркей, Мекеги, Каякент, Великент и др.), остались вне поля зрения Я. Махника, что сказалось на уровне осмысления им материалов этого региона на фоне кавказско-карапгских связей.

За более чем четверть века после выхода работ Я. Махника на Северо-Восточном Кавказе накоплена большая база археологических источников эпохи бронзы, сложились новые концепции развития местной раннеземледельческой культуры. Соответствуя в целом характеру функционирования Циркумпонтийской зоны, причем по обеим ее дугам (северопричерноморской и анатолийской), эта культура обладает особенностями темпов и масштабов развития. Если в большинстве регионов, входящих в данную суперконтактную зону, фиксируется резкий перелом в развитии от энеолита к ранней бронзе (сер. IV тыс. до н.э.), то на Северо-Восточном Кавказе наблюдается достаточное плавное вырастание локального варианта куро-аракской культуры на базе традиций предшествующих эпох.

В сер. – вт. пол. III тыс. до н.э. на Северо-Восточном Кавказе, как и повсюду в Циркумпонтийской зоне, происходит коренная трансформация раннеземледельческой культуры: “куро-аракское общество”, стоявшее, возможно, как считают некоторые специалисты [Мунчаев Р.М., 1994а, с. 57; Гаджиев М.Г., 1996, с. 25-27; Он же, 1998, с. 98-104], у порога ранних форм цивилизаций, исчерпало внутренние ресурсы развития и под прессом возобладавших инноваций взаимодействия оседло-земледельческой и подвижно-скотоводческой культур, а также резкого нарушения климатического оптимума в Северном полушарии, распалось на несколько археологических образований средней бронзы. Именно в таком контексте должны быть осмыслены многочисленные свидетельства о контактах алазанобеденской культуры с посткуроаракскими древностями Северо-Восточного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Л.И. и др., 1999 – Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О. Металлургическое производство в южной зоне Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы // РА. №1.

Алексин В.А., 1985. – Заседание памяти А.А. Иессена (Ленинград, июнь 1984 г.) // Изв. СКНЦ ВШ. №2.

Андреева М.В., 1987. – Рец. на кн.: Кавтарадзе Г.Л. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии // СА. №4.

Бетровов Р.Ж., Назоев А.Х., 1984. – Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 1. Нальчик: Эльбрус.

Биджиев Х.Х., 1980. – Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука

Бурков С.Б., 1990а. – Новые катакомбные комплексы из Чечено-Ингушетии // ТД Всесоюз. семинара “Проблемы изучения катакомбной культуры-исторической общности”. Запорожье.

Бурков С.Б., 1990б. – Новые погребения конца ранней бронзы из раскопок Археологической лаборатории ЧИГУ им. Л.Н. Толстого // Актуальные проблемы истории дореволуционной Чечено-Ингушетии. Регион. науч. конф.: ТДС. Грозный.

Бурков С.Б., 1991. – Закавказские импорты из подкурганых погребений среднего течения Ассы как культурно-хронологический показатель // Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных археологических работ 1989-1990 годов. Грозный.

Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986. – Бельтинский могильник эпохи бронзы: (Вопросы хронологии) // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный.

Гаджиев М.Г., 1964. – Бронзовые булавки Дагестана эпохи бронзы // СА. №4.

Гаджиев М.Г., 1969. – Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: (Могильник Гинчи). Махачкала.

Гаджиев М.Г., 1981. – Керамика горного Дагестана эпохи раннего Дагестана // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.Г., 1985. – Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.

Гаджиев М.Г., 1986 – Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.Г., 1987а. – Развитие культуры Дагестана в эпоху раннего металла: (Вопросы периодизации) // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала.

Гаджиев М.Г., 1987б. – Северо-Восточный Кавказ в эпоху ранней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии: Мат-лы I симп. “Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла”. Телави–Сигнахи, 1983. Тб.: Мецниереба.

Гаджиев М.Г., 1990. – Северо-Восточный Кавказ в эпоху раннего металла: (Вопросы культурной преемственности) // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей: (Сб. докладов). Ереван: Изд-во Ереванского ун-та.

Гаджиев М.Г., 1991. – Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: (Эпоха энеолита и ранней бронзы). М.: Наука.

Гаджиев М.Г., 1994-1995. – Раннеземледельческие поселения Приморского Дагестана: (Об итогах исследования Прикаспийских поселений в 1979 г.). Махачкала // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д.832(а).

Гаджиев М.Г., 1996. – Дагестан у порога ранней цивилизации: (Исследование проблемы уровня исторического развития Дагестана в эпоху ранней бронзы) // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Тез. I Межд. конгресса. Симп. I. Северокавказская цивилизация: история, культура, экономика, социология, философия. Пятигорск.

Гаджиев М.Г., 1996. – О соотношении археологических культур эпохи средней бронзы Прикаспийского Дагестана // Новые исследования дагестанских историков: МНКПИНИД ИИАЭ ДНЦ РАН за 1990-1995 гг. Махачкала.

Гаджиев М.Г., 1998. – Северо-Восточный Кавказ на заре бронзового века: (Феномен прерванной цивилизации) // Вестник ДНЦ РАН. №1.

Гаджиев М.Г. и др., 1996. – Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1996.

Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984. – Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала.

Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1990. – Великентские катакомбы

// ТД Всесоюз. семинара “Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности”. Запорожье

Гаджиев М.Г. и др., 1996. – Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф.Л. О радиоуглеродных датах для памятников бронзового века Дагестана // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX “Крупновские чтения”): ТД. М.

Гей А.Н., 2000. – Новотитаровская культура. М.: ТОО “Старый сад”.

Глonti Л.И., Джавахишвили А.И., 1987. – Новые данные о многослойном памятнике эпохи энеолита – поздней бронзы в Шида Картли – Бериклдеби // КСИА. Вып. 192.

Гобеджшвили Г.Ф., 1971. – Беденские курганы // ВНСПИПАЗИ в 1970 г.: ТД сессии и пленар. заседаний. Тбилиси.

Гобеджшвили Г.Ф., 1981. – Бедени – культура курганных погребений. Тбилиси (на груз. яз.; резюме на рус. яз.).

Гогадзе Э.М., 1972. – Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси (на груз. яз.; резюме на рус. яз.).

Гогадзе Э.М., 1990. – Некоторые вопросы изучения металлургического производства Южного Кавказа ранних этапов его развития // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей: (Сб. докладов). Ереван: Изд-во Ереванского ун-та.

Гогочури Г.К., Чиковани Г.Ч., 1999 – Курган беденской культуры из Арагвского ущелья.

Дедабришвили Ш.Ш., 1969. – Памятники эпохи ранней и средней бронзы // Тр. КАЭ (1965-1966 гг.). Вып. I. Тбилиси: Мецниереба.

Дедабришвили Ш.Ш., 1979. – Курганы Алазанской долины. (Тр. КАЭ) II. Тбилиси: Мецниереба.

Джалабадзе М.Г., 1998 – Беденская культура в Шида Картли (поселение Бериклдеби): Автореф. ... канд. ист. наук. Тбилиси.

Джапаридзе О.М., 1977. – Культура грузинских племен V-II тысячелетия до н.э. по данным новейших археологических открытий / II Межд. симп. по груз. искусству. Тбилиси.

Джапаридзе О.М., 1989. – Культура ранних курганов Грузии // Изв. АН Гр. ССР. Сер. ист., арх., этнограф. и истории искусства. Вып.2. Тбилиси (на груз. яз.; резюме на рус. яз.).

Джапаридзе О.М., 1991. – Археология Грузии: (Каменный век и эпоха бронзы). Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та (на груз. яз.; резюме на рус. и нем. яз.).

Джапаридзе О.М., 1994. – Триалетская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза

Кавказа. М.: Наука.

Джапаридзе О.М., 1996. – Культура ранних курганов на территории Закавказья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э.: Мат-лы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.А. Иессена. СПб.

Жоржикашвили Л., Гогодзе Э., 1974 - Жоржикашвили Л., Гогодзе Э. Памятники Гримальти эпохи ранней и средней бронзы (раскопки 1936-1940, 1947-1948 гг.): Каталог гримальтских материалов. Вып. 2. Тбилиси: Мецниереба.

Исаков М.И., 1966. – Археологические памятники Дагестана: (Материалы к археологической карте). Махачкала: Даг. книж. изд-во.

Кавтарадзе Г.Л., 1983. – К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба.

Канивец В.И., Березанская С.С., 1959 – Курганы бронзового века на Сулаке // МАД. Т. I. Махачкала.

Козенкова В.И., 1984. – Конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова // СА. №4.

Корневский С.Н., 1984. – Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. I. Нальчик: Эльбрус.

Корневский С.Н., 1992. – К вопросу о датирующих возможностях комплексов из нижнего слоя эшерских дольменов Абхазии // РА. №2.

Котович В.Г., 1959 – Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Т. I. Махачкала.

Котович В.Г. и др., 1980. – Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и средние века. М.: Наука.

Котович В.Г., Шейхов Н.Б., 1960. – Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // УЗ ИИЯЛ. Т. VIII. Махачкала.

Котович В.М., 1965. – Верхнегунибское поселение эпохи бронзы горного Дагестана: К истории дагестанских племен в конце III-II тысячелетиях до н.э. Махачкала.

Котович В.М., 1966. – Отчет о работе Гунибского отряда ДАЭ в 1964 г. Махачкала // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д.226.

Кушнарева К.Х., 1954. – Памятники медного века в Нагорном Карабахе // СА. XX.

Кушнарева К.Х., 1986. – Южный Кавказ в VI-II тысячелетиях до н.э. (этапы культурного и социально-экономического развития): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ереван.

Кушнарева К.Х., 1993 – Южный Кавказ в IX-II тыс. до н.э.: Этапы

культурного и социально-экономического развития. СПб.

Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 1997 – Проблемы смены кавказских культур в финале ранней бронзы // Археология Кавказа: Новейшие открытия и перспективы. КСД межд. науч. сессии. Тбилиси

Куфтин Б.А., 1941. – Археологические раскопки в Триалети. Т. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси.

Куфтин Б.А., 1949. – Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси.

Кушнарева К.Х., Чубиншвили Т.Н., 1970. – Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука.

Лордкипанидзе О., 1982. – Археология в Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба.

Лордкипанидзе О., 1989. – Наследие древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба.

Магомедов Р.Г., 1983. – Историко-культурная характеристика памятников, выявленных Археологической службой Дагестана. Махачкала // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 558.

Магомедов Р.Г., 1984. – Закавказский керамический импорт в Дагестане и вопросы хронологии памятников эпохи средней бронзы // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. Майкоп.

Магомедов Р.Г., 1985а. – К выделению памятников великентской группы эпохи средней бронзы // Всесоюз. археол. конф. “Достижения советской археологии в XI пятилетке”: ТД. Баку.

Магомедов Р.Г., 1985б. – Отчет об итогах археологических исследований Великентского могильника летом 1984 г. Махачкала // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 603(а).

Магомедов Р.Г., 1986. – Культовые сосуды из Великентского катакомбного могильника // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.

Магомедов Р.Г., 1987. – Отчет об итогах работ Горной археологической экспедиции в полевом сезоне 1986 г. Махачкала, 1987 // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д.651(а).

Магомедов Р.Г., 1989. – Отчет об итогах работ Ирганайской новостроечной археологической экспедиции ИИЯЛ в 1988 г. Махачкала, 1989 // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д.683(а).

Магомедов Р.Г., 1991. – О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.

Магомедов Р.Г., 1993а. – К вопросу о датировке комплексов Великентского катакомбного могильника // ТД Респ. науч. конф.

молодых ученых Дагестана по проблемам гуманитар. наук. Махачкала.

Магомедов Р.Г., 1993б. – Периодизация и хронология гинчинской культуры // ТД Респ. науч. конф. молодых ученых Дагестана по проблемам гуманитар. наук. Махачкала.

Магомедов Р.Г., 1998. – Гинчинская культура: (Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН.

Марковин В.И., 1960. – Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). МИА. №93. М.: Изд-во АН СССР.

Марковин В.И., 1963. – Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник у сел. Гатын-кале) // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР.

Марковин В.И., 1968. – Рец. на кн.: Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965 // СА. №2.

Марковин В.И., 1972. – Рец. на кн.: Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана. Махачкала, 1969 // СА. №1.

Марковин В.И., 1995. – Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // ИАА. Вып. 1. Армавир, М.

Махарадзе З.Э., 1994. – Поселение куро-аракской культуры Цихиагора. Тбилиси: Мединереба (на груз. яз.; резюме на рус. и англ. яз.).

Махарадзе З.Э., 1996. – Поселение Цихиагора и проблема периодизации культур эпохи бронзы на территории Грузии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э.: Мат-лы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.А. Иессена. СПб.

Мунчаев Р.М., 1961 – Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. №100. М.

Мунчаев Р.М., 1975. – Кавказ на заре бронзового века: Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука.

Мунчаев Р.М., 1986. – Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука.

Мунчаев Р.М., 1994а – Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука.

Мунчаев Р.М., 1994б. – Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука.

Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958 – Археологические памятники близ села Карабудахкент (Дагестанская АССР) // Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. М.

Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. – Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // СА. Вып. XXVI.

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980. – Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе.

Пицхелаури К.Н., 1983. – Культура Центрального Закавказья эпохи бронзы и железа / Доклад на IV Межд. симп. по груз. искусству. Тбилиси.

Пицхелаури К.Н., 1987. – Центральное Закавказье в конце III и начале II тыс. до н.э. // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии: Мат-лы I симп. “Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла”. Телави - Сигнахи, 1983. Тбилиси: Мединереба.

Погребова М.Н., 1961. – Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД. Т. II. Махачкала.

Путинцева Н.Д., 1960. – Отчет о полевых исследованиях I Чиркейского отряда в 1958 г. Махачкала // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 97.

Рамшивили А.Т., 1991. – Раскопки в Хашурском районе в 1984-1986 гг. // ПАИ 1986. Тбилиси: Мединереба.

Рысин М.В., 1990а. – Датировка комплексов из Эшери // КСИА. Вып. 199. М.

Рысин М.В., 1990б. – Датировка комплексов из Эшери // СА. №2.

Рысин М.В., 1996. – К проблеме синхронизации памятников среднего бронзового века Северного и Южного Кавказа // Между Европой и Азией: Кавказ в IV-I тыс. до н.э. Мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.А. Иессена. СПб.

Трифонов В.А., 1996. – Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // Между Европой и Азией: Кавказ в IV-I тыс. до н.э. Мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.А. Иессена. СПб.

Федоров Г.С., 1977. – Еще одна манасская катакомба // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.

Чеченов И.М., 1973. – Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н.э.). Нальчик: Эльбрус.

Gadzhiev M.G. et al., 1997. – Gadzhiev M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.G. and Stronach D. The 1995 Daghestan-American Velikent Expedition: Excavations in Daghestan, Russia // Eurasia Antiqua. Band 3. Berlin.

Kavtaradze G.L., 1999 – The Importance of Metallurgical Data for the Formation of a Central Transcaucasian Chronology // Proceedings of the International Conference “The Beginnings of Metallurgy”. Bochum 1995. Bochum.

Kohl Ph.L. et al., 2000. – Kohl Ph.L., Gadzhiev M.G. and Magomedov R.G. *Between the Steppe and the Sown: Cultural Developments on the Caspian Littoral Plain of Southern Dagestan, Russia, c. 3600-1900 D.C. // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe: Papers presented for the Symposium to be held. Vol. I. Cambridge.*

Machnik J., 1972-1973. – Uwagi o związkach obszarów Karpackich / Alpejskimi u schyłku eneolitu i w początkach epoki brązu // *Acta archaeologica Carpathica. T. XIII.*

Machnik J., 1973. – Ze studiów nad związkami Kaukazu z obszarami Karpackimi w Początkach epoki brązu // *Archeologia Polski. T. XVIII. z. 1.*

Schaeffer Cl.F.A., 1948. – Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale (III-e et II-e mil.). London.

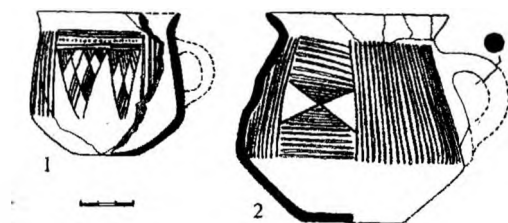

Рис. 1. Керамические импорты алазано-беденской культуры, найденные на территории Дагестана: 1 - сел. Гинди (случайная находка); 2 - сел. Нов. Чиркей (погр. 2 кур. 1).

Рис. 2. Керамические импорты алазано-беденской культуры, найденные в Великенте: 1 - 2 – кат. №1 мог. I; 3 – кат. №11 мог. I; 4 - 5 – кат. № 5, мог. I; 6 - 7 – поселение 1.

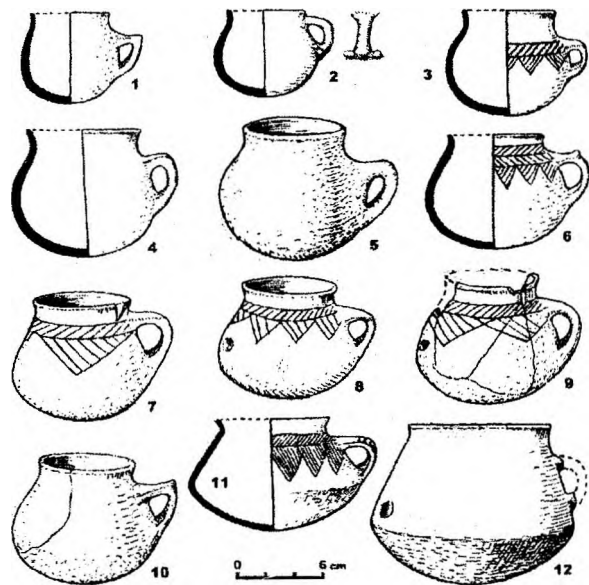

Рис. 3. Глиняные сосуды могильника Гинчи, подражающие керамическим формам алазано-беденской культуры (по М.Г. Гаджиеву).

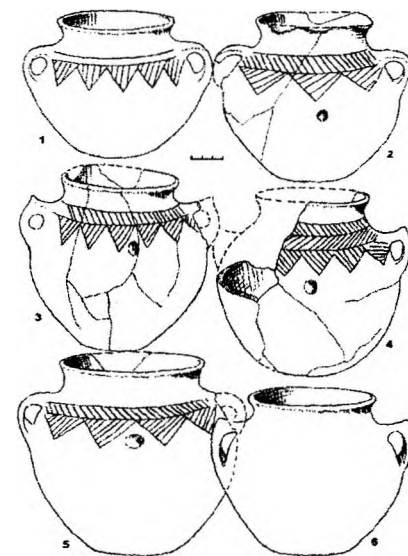

Рис. 4. Глиняные сосуды могильника Гинчи, подражающие керамическим формам алазано-беденской культуры (по М.Г. Гаджиеву).

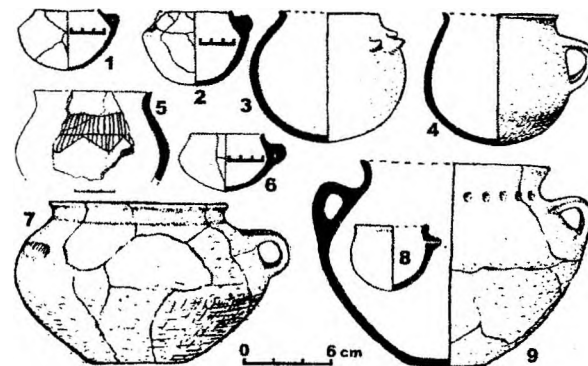

Рис. 5. Глиняные сосуды Верхнегунибского поселения (по В.М. Котович).

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ДАГЕСТАНА

В августе 1985 г в Дербентскую археологическую экспедицию поступил сигнал об обнаружении в сел. Янгикент (Кайтагский район) при земляных работах древнего захоронения. Выехавшие на место сотрудники экспедиции исследовали выявленный погребальный комплекс. При рытье котлована на приусадебном участке Х.Д.Добасва был затронут край погребального сооружения и разобраны плиты, которыми был заложен лаз. К чести хозяев, они, увидев в камере крупные сосуды, не тронули погребение и, заложив камеру, приняли меры по его сохранению до приезда археологов, оказав тем самым большую услугу науке. Археологам достался уникальный в своем роде погребальный памятник какалентско-харачоевской культуры (далее: КХК).

Погребальное сооружение (рис. 1) представляло собой крупный каменный ящик трапециевидной (почти прямоугольной) формы с внутренними размерами продольных сторон 182 см и поперечных 138 см и 160 см. Ящик был сложен из четырех точно пригнанных и поставленных на ребро крупных прямоугольных плит. Меньшие поперечные плиты (размерами 138х98х22 см и 160х92х20 см) были плотно зажаты более крупными продольными (250-255х100-108х30-35 см). Сверху ящик был перекрыт двумя массивными плитами толщиной до 30 см, которые залегали на глубине ок. 90 см от современной дневной поверхности.

Внутренние плоскости и боковые грани всех плит стен и перекрытия были тщательно обтесаны и выровнены. Небольшие щели между стенками и перекрытием были аккуратно заложены мелкими плитками. В южной стенке ящика (ЮВ угол) был устроен возможный лаз в виде тщательно вырезанного в верхнем углу блока прямоугольного проема шириной 85 см и высотой 48 см. Лаз был заложен 8 плитками подпрямоугольной формы (13-32х31-63х6-9 см).

В камере ящика натечный грунт был незначительной толщины (10-12 см) и лишь у углов помощнее. Дно камеры, представлявшее хорошо утрамбованную нивелированную глинобитную поверхность, было на 16-23 см выше подошвы стенных плит ящика. На уровне дна в нескольких местах были зафиксированы небольшие линзовидные, овальной формы прокаленные участки, очевидно, от устроенных здесь погребальных (очистительных) костров, а на поверхности дна и в натечном слое встречены многочисленные мелкие древесные угольки.

Ящик ориентирован длинной стороной по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 1).

В камере находилось захоронение взрослого рослого (180-183 см) мужчины. Скелет его, плохой сохранности, был расчищен в восточной половине ящика. Погребенный был положен в полускорченной позе на правом боку, головой на ЮЮВ, лицевыми костями на В. Руки были согнуты в локтях и сведены кистями перед лицом. Погребенного сопровождал богатый и выразительный инвентарь, обильная заупокойная пища.

Вдоль западной стенки ящика были положены части жертвенных животных¹: предплечье зубра, плечевые и бедренные кости лошади, плечевые кости и предплечья свиньи, ребра и части шеи овцы.

В центральной части камеры находились в положении на боку три крупных сосуда, богато орнаментированных врезным орнаментом (рис. 2, 1-3). В каждом из сосудов в небольшом количестве находились кости крупного рогатого скота, барана, серны, а также человеческие кости, характер и положение которых позволили К.Н. Золотову высказать мысль о возможном факте человеческого жертвоприношения. Еще один сосуд в разбитом состоянии был обнаружен на плите перекрытия в южной части погребального сооружения над лазом (рис. 2, 4). Рядом с черепом, у затылочных костей была положена небольшая плошка (рис. 3, 27).

На запястьях погребенного находились массивные бронзовые браслеты: на левой руке – три браслета (рис. 3, 20-22), на правой – два (рис. 3, 19, 23). На фаланге правой руки обнаружено бронзовое кольцо (рис. 3, 8). У нижней челюсти и на уровне грудной клетки находились бронзовые украшения: по шесть полусферических колпачков (длиной 20 см) (рис. 3, 2-7), четыре коротких (длиной 8,5 см) и две длинных (20 см) трубочки-пронизки (рис. 3, 9-14), по паре крупных (высотой 7 см) и средних (высотой 5 см) двуплостных пластинчатых подвесок (рис. 3, 15-18), две секировидные двуволютные подвески (шириной и высотой 7,5-8 см) (рис. 3, 24, 25) и мелкий рассыпавшийся пастовый бисер (рис. 3, 1). Этот комплект украшений, в котором наблюдается парное и четное количество бронзовых изделий, вероятно, представляет собой сборное нагрудное ожерелье. К сожалению, проследить их точное взаиморасположение не удалось. Отметим лишь, что основное количество бисера было найдено рядом и внутри бронзовых колпачков. Последняя из находок – бронзовый клинок кинжала (рис. 3, 26) – была найдена рядом со скелетом на уровне тазовых костей.

Выявленный каменный ящик представляет несомненный интерес

¹ Остеологический материал был определен канд. биол. наук К.Н. Золотовым.

для изучения позднебронзовой культуры Дагестана и, что особенно важно, для определения хронологии и периодизации памятников эпохи средней бронзы – начала раннего железа Северо-Восточного Кавказа. Сложившаяся проблемная ситуация вокруг хронологии северовостокавказских памятников этого периода и, в особенности, памятников КХК [Котович В.Г. 1982. С.17-24, 47-54], была во многом вызвана отсутствием достаточно надежных хронологических критериев. В погребальных памятниках культуры крайне ограниченно представлен инвентарь (в особенности бронзовый и такие показательные его категории как оружие и орудия труда), что затрудняло создание типологических рядов и хорошо обоснованной хронологической шкалы, и практически отсутствуют находки из комплексов, которые имели бы веско датируемые аналогии на памятниках сопредельных синхронных культур. Не ликвидирована была эта ситуация и последней масштабной работой В.Г.Котовича, предложившего свой вариант периодизации и хронологии памятников Дагестана медно-бронзового и железного века [Котович В.Г. 1982. С.47-71, 110-119].

Ныне, с открытием янгикентского погребения, предоставляется возможность (не рискуя преувеличить) для определения относительной хронологии КХК, синхронизации ее с сопредельными культурами и дальнейшей разработки периодизации и хронологии памятников Северо-Восточного Кавказа эпохи средней бронзы – начала раннего железного века.

Представленные в Янгикенте погребальные конструкция и обряд – каменный ящик с индивидуальным захоронением в скорченном положении – типичны для каякентско-харачоевских памятников позднебронзовой культуры Дагестана [Мунчаев Р.М. 1953. С.11; Круглов А.П. 1958. С.52-59; Марковин В.И. 1969. С.30-33]. Вместе с тем, видимые различия – в размерах, монументальности конструкции, количестве и качестве погребального инвентаря, в некоторых деталях обряда – обусловлены, очевидно, возрастным, социальным и имущественным положением погребенного.

Данный каменный ящик – самый крупный из известных. Наиболее близки к нему по размерам, конструктивным особенностям ящики Каякентского могильника (мог.10,15,21-23,32, имеющие внутренние размеры 1,42-1,77x0,7-0,8 м) [Марковин В.И. 1969. С. 31,32; ОАК за 1898 г. 1901. С.146-155], Маджалисское погребение [Круглов А.П. 1958. С.144], захоронения Берикейского могильника [Круглов А.П. 1958. С.142], а также отдельные погребения Миатлинского [Канивец В.И. 1959. С.41; Костюченко И.П. 1959. С.108-110. Рис.18; Марковин В.И. 1969. С.32.

Сн.25;] и несколько более раннего времени ящики (№№ 2,3) Утамышского [Котович В.Г. и др. 1972. С.71-74] могильников. Обращает внимание, что все названные памятники (за исключением Миатлинского могильника) расположены в одной компактной зоне и, возможно, представляют локальную группу культуры.

Погребальный инвентарь из янгикентского каменного ящика также типичен для памятников КХК и выступает ярким показателем принадлежности его этой культуре.

Керамическая посуда из Янгикента и, прежде всего, крупные сосуды с широким устьем, высоко раздутым туловом, сильно отогнутым венчиком и весьма узким дном (рис.2) являются наиболее характерными и известны почти во всех памятниках КХК (тип 1 по классификации В.И. Марковина) [Марковин В.И. 1969. С.42-47; Котович В.Г. 1982. С.56,57. Рис.7,32-43]. Вместе с тем их отличает весьма богатая и выразительная врезная орнаментация. Следует отметить довольно близкий им сосуд, как по форме, так и по декору, из погр.23 Каякентского могильника, имеющий близкие орнаментальные мотивы и украшенный букранием [ОАК за 1898 г. 1901. С.152; Марковин В.И. 1969. Рис.18,2]. Маленькая плошка (рис.3,27) (тип 7 по В.И. Марковину) также обычна для данных памятников и особенно часто присутствует в погребениях Каякентского могильника [ОАК за 1898 г. 1901. С.145; Марковин В.И. 1969. С.58; Котович В.Г. 1982. С.58].

Показателен и бронзовый инвентарь. Прежде всего, это двулопастные пластинчатые подвески средних и крупных размеров (рис.3,15-18), являющиеся “массовым материалом, объединяющим различные памятники в единую культуру” [Марковин В.И. 1969. С.66,67. Рис.28,8-11]. Другим характерным типом украшений являются полусферические колпачки-подвески (рис.3,2-7), найденные в Янгикенте и во многих погребальных памятниках КХК [Круглов А.П. 1958. С.66-67. Рис.25,2,28,2; Марковин В.И. 1969. С.67. Рис.26,10-15; Котович В.Г. 1982. С.62. Рис.8,79-83]. Частыми находками в памятниках КХК являются и представленные в Янгикенте трубочки (рис.3,9-14) [Круглов А.П. 1958. С.66-67; Марковин В.И. 1969. С.67; Котович В.Г. 1982. С.62], которые, очевидно, являлись принадлежностью не только женского головного убора [Круглов А.П. 1958. С.67; Марковин В.И. 1969. С.67], но и деталью нагрудного украшения. Янгикентские браслеты (рис.3,19-23), представленные двумя типами (из круглого в сечении прута со сведенными концами и пластинчатые с разомкнутыми концами) также составляют массовую категорию инвентаря памятников позднебронзовой культуры Северо-Восточного Кавказа [Круглов А.П.

1958. С.71; *Котович В.Г.* 1982. С.62-63. Рис.8,39,40; *Марковин В.И.* 1969. С.62-65]. Однако рассматриваемые браслеты отличаются от известных более тщательной выделкой, правильностью формы. Интересно также отметить, что в отличие от большинства памятников КХК, где встречаются 1-2 браслета в погребении (или они вообще отсутствуют), в янгикентском захоронении обнаружено 5 браслетов. Эта деталь, возможно, дополнительно сближает этот памятник с некоторыми погребениями Каякентского могильника (мог.10 и 16), в которых обнаружено по 4 браслета в каждом [ОАК за 1898 г. 1901. С.146,147,149]. Найденное в Янгикенте пластинчатое наперстное кольцо (рис.3,8) – весьма редкая находка в памятниках этого времени [*Марковин В.И.* 1969. С.75] и близкие аналогии ему не известны.

Весьма интересными являются две бронзовые секировые двуволотные подвески (рис.3, 24,25), которые, хотя и известны в единичных экземплярах среди древностей КХК, но могут наряду с другим инвентарем выступать, как представляется, довольно надежным индикатором данной культуры. Подобные подвески известны из погр. I Талгинского могильника [*Исаков М.И.* 1957. С.126,128. Рис.53,6; *Котович В.Г.* 1982. С.105. Рис.8], из захоронения у сел. Маджалис [*Круглов А.П.* 1958. С.72,146; *Марковин В.И.* 1969. Рис.27,18, *Котович В.Г.* 1982. С.61. Рис.8,103], из местности Тарнаир близ Махачкалы [*Марковин В.И.* 1957. С.122. Рис.51,3; *Котович В.Г.* 1982. С.61. Рис.8,102], из погр.16 Каякентского [*Круглов А.П.* 1958. С.72; *Марковин В.И.* 1969. С.69. Рис.30,1; *Котович В.Г.* 1982. С.61. Сн.111. Рис.8,104], погр.4 Тахиркалинского могильников [*Магомедов А.Р.* 1980. С.58. Табл. V,12] и погр.3 Чиркейского кургана 1-а [*Атаев Г.Д.* 1987. С.154. Рис.6,9]. Недавно две таких золотых подвески были обнаружены при земляных работах в разрушенном погребении Кафир-Кумухского могильника и одна бронзовая – близ сел. Кадар.

Плохая сохранность подвесок послужила поводом именовать эти находки наверхшими булавок типа гинчинских [*Марковин В.И.* 1969. С.69; *Гаджиев М.Г.* 1969. С.139,140,143,144; *Котович В.Г.* 1982. С.61]. Однако целые экземпляры из Тахиркалы, Янгикента, Кафир-Кумуха и Кадара подтверждают правоту А.П.Круглова, интерпретировавшего их именно как секировидные подвески.

Описанный выше инвентарь и его, без излишней детализации, анализ показывает несомненную принадлежность данного памятника к каякентско-харачоевскому ареалу. Однако научная ценность открытого погребения определяется, прежде всего, важной (для данного региона) находкой бронзового клинка кинжала, который может служить

основанием для датировки памятника.

Выше мы уже отмечали отсутствие среди исследователей единого мнения о хронологии КХК. Не останавливаясь подробно на историографии этого вопроса, нашедшего освещение в литературе [*Марковин В.И.* 1969. С.79,80; *Котович В.Г.* 1982. С.47-50], отметим лишь, что ныне доминируют две точки зрения. Первая, по которой “классические” памятники КХК относят к позднебронзовой эпохе Северо-Восточного Кавказа и датируют XII-X вв. до н.э. (I период по Е.И.Крупнову: *Крупнов Е.* 1962. P.11-13; *Крупнов Е.И.* 1964. С.339,340] или XI-IX вв. до н.э. (II период по В.И.Марковину: *Марковин В.И.* 1969. С.79-85). Вторая точка зрения высказана и обоснована В.Г.Котовичем, который удревнил каякентско-харачоевские памятники на несколько веков, переместив их в эпоху средней бронзы [XV-XIV вв. до н.э. или 1500-1250 гг. до н.э.; *Котович В.Г.* 1982. С.47-71,110-119. Рис.7,8].

Как представляется, именно обнаруженный в янгикентском погребении кинжал является довольно надежной основой (относительно современного уровня знаний) для определения даты данного комплекса, близких ему “классических” памятников КХК и для последующей разработки хронологии памятников эпохи средней бронзы – начала раннего железа рассматриваемого региона.

Найденный клинок кинжала (рис.3,26), длиной ок.15 см, имеет ромбическое сечение и удлиненно-подтреугольную листовидную форму с закругленным основанием, у которого расположено три отверстия для крепления рукояти. Подобные кинжалы имели широкое распространение на Центральном Кавказе, в Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы. В частности, Б.В.Техов по материалам Тлийского могильника датирует подобные кинжалы (тип III по Б.В.Техову) “периодом не ранее XIII в. до н.э.” [*Техов Б.В.* 1977. С.90. Рис.83,17-22]. Типичными для второго этапа позднебронзовой культуры Шида Картли (XIII-XII вв. до н.э.) считает их К.Н.Пищелаури, которым разработана хорошая хронологическая шкала для данного региона эпохи средней бронзы – начала раннего железа [*Пищелаури К.Н.* 1972. Табл. I. Рис.116; 1979. С.92,93,99-103,107,115. Табл. XXXI-a,10, XXXI-б,8]. Типологически близок янгикентскому кинжалу клинок из раскопок Н.И.Веселовского кургана в ст. Чамлыкской [ОАК за 1898 г. 1901. С.439. Рис.60], а из современных находок – кинжал из могильника Цихедидисхеви близ Мцхеты [*Анакидзе А.М. и др.* 1987. С.49. Табл. LXXVII, 1].

Сказанное выше позволяет, на наш взгляд, датировать янгикентский клинок, а вместе с ним и каменный ящик XIII-XI вв. до н.э., возможно уже – XIII-XII вв. до н.э., отнести к этому времени круг “классических”

каякентско-харачоевских памятников, близких описанному комплексу и поддержать традиционную точку зрения на КХК, как культуру позднебронзовой эпохи Северо-Восточного Кавказа.

В заключении целесообразно рассмотреть янгикентское погребение и в аспекте изучения общественных отношений носителей КХК. Новый неординарный материал дает дополнительную информацию по этому вопросу.

В свое время весьма малое количество бронзового инвентаря (и в первую очередь, практическое отсутствие оружия и орудий труда) в погребениях КХК послужило А.П.Круглову основанием для вывода о значительном (стадиальном) отставании процесса исторического развития населения Северо-Восточного Кавказа [Круглов А.П. 1946. С.134]. Впоследствии В.И.Марковин показал, что “племена каякентско-харачоевской культуры не были отсталыми по сравнению с другими племенами Кавказа; те черты их быта и материальной культуры, которые кажутся на первый взгляд консервативными, даже архаичными, являются чисто местными, специфическими чертами, которые и отличают культуру местных племен от культуры соседнего населения Северного Кавказа и Закавказья” [Марковин В.И. 1969. С.104]. Исследуя детально каякентско-харачоевскую культуру, В.И.Марковин пришел к выводу о “господстве патриархальных отношений в среде носителей каякентско-харачоевской культуры” и предположил наличие больших семей и особое положение главы семьи, которому “во время погребения воздавались особые почести” [Марковин В.И. 1969. С.104]. Материалы янгикентского погребения подтверждают правоту сделанных В.И.Марковиным заключений. Вместе с тем, исследованное в Янгикенте захоронение неординарно по отношению к известным памятникам КХК по целому ряду признаков, которые несут социальный характер. Это, прежде всего, наиболее крупная из известных на сегодняшний день погребальных конструкций, которая выделяется не только своими размерами, но и тщательностью изготовления, монументальностью. Внешний впечатляющий облик погребального сооружения дополняется относительно богатым и выразительным инвентарем – это пока единственное в каякентско-харачоевском ареале погребение, где в таком количестве и ассортименте представлены бронзовые изделия, а также керамические сосуды. Особо следует отметить находку оружия – исключительное явление для памятников этого круга, что неоднократно отмечалось исследователями как характерная черта культуры, обусловленная характером погребального ритуала [Марковин В.И. 1969. С.113; Котович В.Г. 1982. С.73]. Наконец,

в отличие от других погребений, здесь в большом количестве присутствуют заупокойная пища, представленная различными жертвенными животными, и, возможно, свидетельство человеческих жертвоприношений. Приведенные факты, ярко выделяющие данный комплекс на фоне известных, позволяют предположить, что выявленное в Янгикенте погребение принадлежало не просто главе семьи, а скорее главе рода или племени, чье прижизненное социальное и имущественное положение нашло прямое отражение в погребальном сооружении, обряде, инвентаре.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаев Г.Д. 1987. — Чиркейские курганы бронзового века // СА. № 1.
Апакидзе А.М. и др. 1987. — Археологические раскопки в Мцхета и ее округе // Полевые археологические исследования в 1984-1985 гг. Тбилиси.
Гаджиев М.Г. 1969. — Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала.
Исаков М.И. 1957. — Талгинский могильник // КСИИМК. № 67.
Канивец В.И. 1959. — Миатли – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. Т. I. Махачкала.
Костюченко И.П. 1959. — Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г. // МАД. Т. I. Махачкала.
Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. 1972. — Отчет о работе Гамринской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1971-1972 гг. // РФ ИИАЭ. Ф.27. Оп.1. Д.48.
Котович В.Г. 1982. — Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.
Круглов А.П. 1946. — Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э. (тез. канд. дис.) // КСИИМК. Вып. XIII.
Круглов А.П. 1958. Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э. // МИА. № 68.
Крупнов Е.И. 1964. — Раннежелезный век Северного Кавказа // УЗ ИИЯЛ. Сер. истор. Т. XIV. Махачкала.
Магомедов А.Р. 1980. — Раскопки Тахиркалинского могильника / Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
Марковин В.И. 1969. — Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-харачоевская культура // МИА. № 122.
Марковин В.И. 1957. — Археологические находки с территории Тарнаира // КСИИМК. № 67.

- Мунчаев Р. М. 1953. — Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. ОАК за 1898 г. СПб., 1901.
- Пицхелаури К. Н. 1972. — Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV-VII вв. до н.э.). Тбилиси.
- Пицхелаури К. Н., 1979. — Восточная Грузия в конце бронзового века // Тр. КАЭ. Т. 3. Тбилиси.
- Техов Б. В. 1977. — Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М.
- Кроунов Е. 1962. — A propos de la chronologie de l'Age du Fer au Caucase Nord // VI Congress International des Sciences prehistoriques. М.

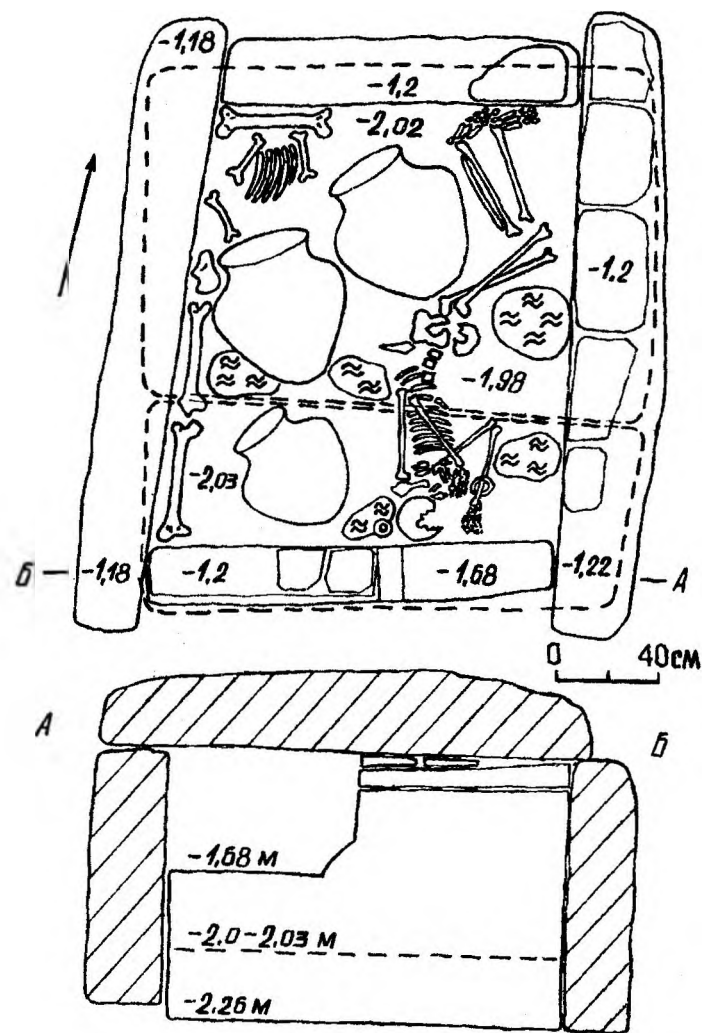

Рис. 1. Янгикент. План и разрез погребения.

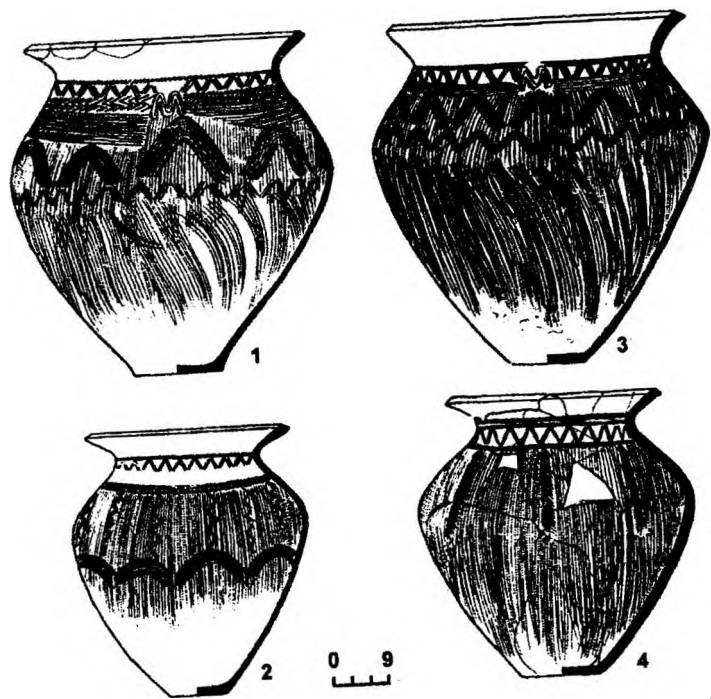

Рис. 2. Янгикент. Погребальный инвентарь из захоронения. Сосуды.

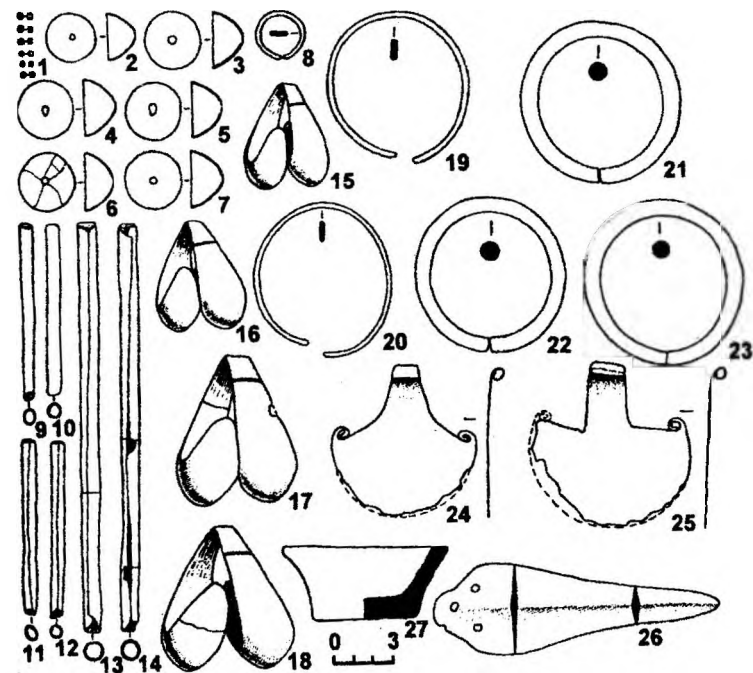

Рис.3. Янгикент. Погребальный инвентарь из захоронения. 1 – паста, 2 – 26 – бронза, 27 – керамика.

М.С. Гаджиев

**О СКОТОВОДСТВЕ В ДАГЕСТАНЕ
В АЛБАНО-САРМАТСКИЙ ПЕРИОД
(по материалам Дербента и Урцеки)**

Скотоводство, наряду с земледелием, занимало, судя по археологическим данным, важнейшее место в хозяйственной деятельности населения Дагестана. Об этом, прежде всего, свидетельствует насыщенность культурных слоев костными остатками домашних животных, указывающая также на важное место мясной пищи в рационе населения и на немалое количество домашнего скота.

Некоторые помещения, входящие в жилищно-хозяйственные комплексы, которые вскрыты на городищах, могут интерпретироваться как помещения для содержания скота. Например, функционировавшее в пер. пол. I тыс. н.э. пом. 5 раск. 3 в Урцеки представляло собой небольшой (7x7 м), подквадратный в плане, огражденный дворик, примыкающий к жилым камерам [Котович В.Г. и др. 1962. С.37]. А датируемое I-III вв. н.э. пом. 6 раск. XIV в Дербенте, размерами 3,3x4,5 м, также примыкающее к жилой камере, имело каменную вымостку пола, что характерно для оформления хлева и преследовало санитарно-гигиенические цели [ср.: *Varr. De re rust.*, II,2,7, II,3,6, II,9,19].

О немаловажной роли скотоводства и связанных с ним ремесел и промыслов в хозяйственной деятельности населения свидетельствуют находки многочисленных тяжеловесных пряслиц для изготовления шерстяной пряжи, специальных игл для сшивания кожаных и меховых изделий, костяных скребков для удаления мездры и смягчения шкуры. Со скотоводством, точнее с его продукцией, связано и значительное количество керамической продукции. Этнографические параллели Дагестана и Азербайджана позволяют такие типы гончарных изделий, как широкогорлые одноручные и двуручные сосуды, ряд кувшинов и др., интерпретировать как маслобойки, подойники, молочники и т.п. [ср., напр.: Булатова А.Г. 1979. С.85-86; Агамалиева С.М. 1987. С.25-28].

Важная роль скотоводства нашла отражение в изготовлении литых бронзовых подвесок в виде бычьей, реже бараньей головки, найденных на ряде памятников Дагестана рубежа албано-сарматского и раннесредневекового периодов, в том числе в Урцеки и Дербенте [Маммаев М.М. 1969. Рис.4,1-3; 1989. С.31. Рис.32; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С.96-97. Рис.9,41,53]. Очевидно, что эти изделия отражают определенные религиозные воззрения, связанные с

почитанием домашних животных и, возможно, судя по этнографическим параллелям, служили оберегами против сглаза [Гаджиев Г.А. 1991. С.99-100]. Почитание быка, как олицетворения сил плодородия, мужского производственного начала, нашло яркое отражение в этнографии и фольклоре многих земледельческих народов, в том числе дагестанских, и определялось его особой ролью в условиях плужного земледелия, в производстве продуктов питания [Гаджиев Г.А. 1991. С.99-100; Булатова А.Г. 1988. С.43, там же см. библиографию и параллели]. Незаменимо было и значение мелкого рогатого скота, служившего в большей мере источником сырья для ткачества, производства одежды и в меньшей – пищевых продуктов.

Роль коня в жизни общества, его почитание воплотились в бронзовых фигурках, обнаруженных в Урцеки, Таргу, Аркасе [Давудов О.М. 1978. С.151. Рис.2], Уллу-гатаге, Хадаги, в ритоне в форме коня из Шаракунского клада [Гаджиев М.С. 1990. С.53-58], в серии керамических сосудов с ручками в форме лошади, найденных на городище Урцеки и его некрополе [Абрамова М.П. 1969. С.78. Рис.3,43,44; Маммаев М.М. 1989. С.62-63. Рис.101,1,2], и др. Культ коня, формирование которого на территории Дагестана приходится на скифское время [Давудов О.М. 1974. С.132], в албано-сарматский период получил дальнейшее свое развитие [Пикуль М.И. 1967. С.169; Маммаев М.М. 1989. С.63]. Археологические и этнографические материалы, данные мифологии и фольклора народов Дагестана указывают на тесную связь с культом солнца образа коня, выступавшего его олицетворением и символом плодородия [Маммаев М.М. 1984. С.29-34; Гаджиев М.С. 1990. С.57].

Значимое место и роль мелкого и крупного рогатого скота, коня, собаки в хозяйственной деятельности и духовной культуре населения Дагестана, в том числе обитателей раннегородских центров, отразились в распространенном в это время использовании этих домашних животных в похоронно-погребальной практике в качестве жертвенных животных и сопровождающих захоронений [Пикуль М.И. 1967. С.169; Давудов О.М. 1974. С.58; Гаджиев М.С. 1986. С.83-84; 1991. С.122; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. С.108].

Об огромном значении и древности скотоводческого хозяйства свидетельствуют и данные дагестанского сравнительного языкознания и отраслевой лексики: представительный цикл скотоводческих терминов – например, названия хутора, шерсти, веретена, бурдюка, бурки, тулуца, папахи, мяса, мясного бульона, молока, сыворотки, сливок, жира, масла, сыра и т.д. – восходит к общедагестанскому хронологическому уровню [Сравнительно-историческая лексика... 1971. С.201, 211-216, 282]. Вместе

с тем, в отличие от наименований крупного и мелкого рогатого скота, названия лошади в дагестанских языках не доходят до межгрупповой общности [Сравнительно-историческая лексика... 1971. С.278], что свидетельствует, как и данные археологии, о более поздней (относительно времени общедагестанского языкового единства) доместикации лошади.

Судя по представительным остеологическим материалам городища Урцеки и Дербента (соответственно 4348 и 1909 определенных костей домашних животных), состав стада на этих памятниках был достаточно однороден. Здесь разводились обычные виды домашних животных: крупный рогатый скот (КРС), овцы, козы, свиньи, лошади, ослы. Среди мелкого рогатого скота (МРС) основное место занимали овцы, но достаточно высок был процент коз.

Табл. 1. Видовой состав домашних животных из Урцеки (по К.Н.Золотову).

Вид	Количество особей	% от общего количества	% от веса туши
КРС	378	24,6	43,4
МРС	756	49,3	16,7
Лошади	181	11,8	26,8
Свиньи	204	13,3	13,1
Собаки	16	1,0	-
ВСЕГО:	1535	100	100

По суммарным данным, общий состав стада обитателей городища Урцеки (табл. 1) почти наполовину (49,3%) состоял из МРС (756 особей), около четверти стада (24,6%) составлял КРС (378 особей), 13,3% – свиньи (204 особи), 11,8% – лошади (181 особь) [Золотов К.Н. 1968. С.167-168. Табл.9; 1968а. С.240]. Почти то же соотношение наблюдается и при послойном подсчете на различных объектах городища [Золотов К.Н. 1966. С.76; 1968. С.173-174. Табл.14,15]. Как видно, на одну голову КРС в стаде приходилось две головы МРС, однако, это соотношение отношь не указывает на преимущество овцеводства над разведением КРС [Золотов К.Н. 1968. С.167]. При определении выхода мясной продукции в зависимости от веса туши обнаруживается, что КРС являлся основой мясного питания населения городища Урцеки (табл.2), составляя в нижних слоях 43,6-45,3% и в верхнем – 31,5% от общего веса туш домашних животных, входивших в мясной рацион [Золотов К.Н. 1966. С.76. Табл.1; 1968. С.174. Табл.15]. Причем на забой шло и значительное количество молодняка: по данным раскопок 1962-1964 гг., телята

составляли от 16,6% до 32,3% от числа особей этого вида [Золотов К.Н. 1968. С.173. Табл.14].

Табл. 2. Основа мясного питания населения Урцеки по раскопкам 1963-1964 гг. (по К.Н.Золотову).

Вид	Ед. изм-я	Слой			% от веса туши		
		1	2	3	1	2	3
КРС	особи	25	35	6	31,5	45,3	43,6
МРС	особи	125	94	9	30,5	24,0	12,6
Лошади	особи	15	9	2	25,4	20,0	19,6
Свиньи	особи	18	15	6	12,6	10,7	24,2

Роль овцеводства возрастает в заключительный период существования городища Урцеки (V-VI вв.), когда МРС, как и КРС, составлял около трети мясного довольствия населения без учета обеспечения мясом диких животных [Золотов К.Н. 1968. С.173-174]. Вместе с тем, приведенные данные показывают, что разведение МРС преследовало и иные цели, нежели забой их на мясо [Золотов К.Н. 1968. С.174]. Можно полагать, что овцеводство в значительной мере было направлено на получение шерсти. Вероятно, это положение косвенно подкрепляется распространением в Урцеки тяжеловесных пряслиц для упругого шерстяного волокна.

К.Н.Золотов, исследовавший костные остатки городища Урцеки, склонен был объяснять усиление роли овцеводства не столько недостатком корма для КРС, сколько сокращением посева полевых культур [Золотов К.Н. 1968. С.173-174]. Однако оба эти фактора были взаимосвязаны: земледелие в немалой степени обеспечивало КРС кормовой базой, в особенности в зимний период, и сокращение посевных площадей, как следствие, приводило к сокращению обеспеченности дополнительными кормами (половой, соломой). Объясняя рост овцеводства, нельзя не учитывать установившуюся к сер. I тыс. н.э. политическую нестабильность на равнине, обусловленную появлением гуннских племен и, несомненно, влиявшую на формы традиционного хозяйствования. Однако каково было это влияние, в чем оно заключалось и проявлялось, – эти вопросы требуют дальнейшей разработки. Не исключено также, что в этом явлении отразились усиление товарной направленности скотоводства, большая рентабельность овцеводства.

В Дербенте на объектах I в. до н.э. - нач. III в. н.э. соотношение костей КРС и МРС колеблется в пределах 1:1,2-1,5 (табл.3)¹. Особенно показательны данные по раскопу XIV, где был вскрыт хозяйственно-жилищный комплекс. Полученные на этом объекте остеологические

материалы происходят как из слоя, так и из закрытых комплексов (хозяйственных ям). При этом они проявляют близкую однородность, указывающую на надежность и достоверность данных: содержание костей КРС среди домашних животных составляет в слое и ямах соответственно 36,35% и 29,6%, а костей МРС – 44,1% и 42% (табл.3), т.е. соотношение костей КРС и МРС наблюдается в пределах 1:1,2-1,4. Можно считать, что, как и в Урцеки, население Дербента в этот период обеспечивалось мясом за счет КРС. Данные по слою этого времени (слой 9) раскопа XI менее презентабельны, и здесь кости КРС явно преобладают над костями МРС (соотношение 1,8:1).

В отличие от Урцекского городища, на котором к сер. I тыс. н.э. наблюдается существенное увеличение поголовья овец, в Дербенте таких изменений не происходит. Здесь в слоях III-нач. V в. соотношение костей КРС и МРС составляет 1:1,5-1,6 (табл.3). Но, как и в Урцеки, КРС здесь имел большое значение, давая мясомолочную продукцию, основное удобрение для почвы, служа тягловой силой.

Разведение КРС способствовало созданию надежной кормовой базы, развитию земледелия. Большое воздействие на состояние сельского хозяйства в Дербенте, надо полагать, оказало изменение политической ситуации в Приморском Дагестане, участвовавшие с IV в. вторжения кочевых племен. В IV-V вв. Дербент выступает важным форпостом сасанидского Ирана в борьбе с кочевниками. Здесь сосредотачиваются значительные военные контингенты – например. Египшэ (V в.) сообщает о расположении в районе Чора (Дербента) 10-тысячной иранской конницы. Эта ситуация диктовала необходимость широких поставок провианта, что могло быть обеспечено, в частности, за счет местной земледельческой и скотоводческой базы. Такие условия содействовали развитию важнейших отраслей сельского хозяйства, их товарной ориентации.

Большое значение имели коневодство и свиноводство. Разведение коней – основного вьючно-верхового средства – было продиктовано хозяйственными и военными причинами. Исследователи уже не раз обращали внимание на сообщение Страбона о многочисленности конницы в составе албанского войска [Geogr., XI,4,5].

На городище Урцеки наблюдается увеличение удельного веса лошади в общем поголовье скота к сер. I тыс. н.э. Если в нижних слоях соотношение числа особей лошадей и КРС составляет 1:3,0-3,8, то в верхнем слое – 1:1,6 [Золотов К.Н. 1968. Табл.15]. Такое же явление, очевидно, отмечается и в Дербенте: в албано-сарматский период, по материалам раскопа XIV, количество костных остатков лошадей и КРС

из слоя и хозяйственных ям соотносится как 1:5,7-6,0 (табл.3). В последующий период (III-нач. V в.), по данным раскопа XI (слой 8), эти показатели изменяются в сторону значительного увеличения костей лошади (пропорция 1:2,6). Отмечаемый факт роста поголовья лошадей и в целом роли коневодства можно объяснить вышеназванной причиной усиления военного фактора к сер. I тыс. н.э. По данным из Урцеки, лошадь здесь была среднерослая, достигая в холке 140-145 см [Золотов К.Н. 1966а. С.39].

Вероятно, лошадь имела немаловажное значение и как мясное животное. Если принимать костные остатки лошади в культурных слоях Урцекского городища за отходы мясного питания, то конина в мясном рационе местного населения (без учета мяса диких животных) занимала от 19,6% до 27,25% [Золотов К.Н. 1966. С.76. Табл.1; 1968. С.174. Табл.15].

Поголовье свиней среди общего количества домашних животных также было весьма высоко. В Урцеки в среднем они составляли ок. 13%; таков же был процент свинины в мясном довольствии (без учета мясной продукции диких животных), причем поросята составляли от 20% до 55,5% [Золотов К.Н. 1966. С.76. Табл.1; 1968. С.173-174. Табл.15]. В Дербенте кости свиньи среди костных остатков домашних животных составляют от 4,6% до 15% (табл.3).

Характеризуя в целом скотоводство Дагестана на примере городищ Урцеки и Дербента, можно констатировать, что разведение крупного и мелкого рогатого скота являлись приоритетными направлениями в скотоводстве. Важными и неотъемлемыми дополнениями его были коневодство и свиноводство. Домашний скот поставлял мясомолочные продукты, шерсть, овчину, кожу, служил тягловым и транспортным средством. Скотоводство являлось, наряду с земледелием, значимой, первостепенной отраслью раннегородской экономики. Взаимосвязь и взаимодействие этих двух важнейших отраслей в немалой степени способствовали интенсификации сельского хозяйства в целом. Органичное сочетание земледелия и скотоводства обеспечивало нормальное функционирование, жизнеобеспечение и развитие раннегородских центров.

Важен и проблематичен вопрос о формах ведения скотоводческого хозяйства в рассматриваемую эпоху. Учитывая предшествующий многовековой опыт населения Дагестана в области скотоводства, данные историко-этнографического исследования форм и типов традиционного скотоводства Дагестана [Османов М.-З.О. 1990. С.97-208], а также, как было показано, взаимодополняющий характер и важное значение разведения КРС и МРС, можно с высокой степенью

достоверности говорить о двух формах скотоводства в данный период: стационарной (стойлово-выгонной), с выпасом КРС на прилегающей к городищу территории, и подвижной (отгонной), с сезонным перегонном МРС на зимние и летние пастбища.

Существование в рассматриваемый период стойловой формы содержания скота, свойственной более для КРС, определяется большим удельным весом КРС, ростом масштабов и интенсивности земледелия. Важными предпосылками сложения этой формы скотоводства являются: (1) традиции земледельческо-скотоводческого хозяйства, при котором значительная масса скота является дополнением к землепашеству, составляя с ним неразрывный комплекс, и должна быть в месте осуществления основных земледельческих работ; (2) специфика продукции КРС (молока), которая являлась предметом повседневного домашнего потребления, что влекло необходимость содержания скота вблизи своего дома, поселения; (3) относительно высокая продуктивность земледелия, обеспечивающая скот дополнительными кормами, наличие достаточного количества сенокосов и пастбищ и др. [Османов М.-З.О. 1990. С.98]. Археологические материалы подтверждают наличие этих предпосылок. Следует указать и на интересную и показательную, на наш взгляд, историко-географическую параллель. По этнографическим данным, стойловая форма скотоводства в Дагестане в недавнем прошлом была в наибольшей степени характерна для равнины и нижнего предгорья, где было развито земледельческое хозяйство, было больше кормов, сенокосов и пастбищ, используемых круглый год, была большая необходимость в рабочем скоте [Османов М.-З.О. 1990. С.98]. И именно в этих зонах расположена основная масса городищ и, в частности, Дербент и Урцбеки, археологические материалы которых представляют достаточно развитый земледельческо-скотоводческий характер раннегородской экономики.

Наличие отгонной формы скотоводства в Закавказье в раннесредневековую эпоху документируется свидетельством Мовсеса Каланкатвази [II,36]. Рассказывая о нашествии кочевников в начале 680-х гг., албанский историк сообщает, что “гунны перешли на эту сторону реки Куры, добрались до берега Ерасха и угнали в полон не только жителей Алуанка, но и гаваров Айрарата и страны Сюник, угнали отары овец и стада скота, спустившиеся на зиму в долины на пастбища...”. Это письменное свидетельство, на которое не обратили внимания исследователи, – наиболее раннее, подтверждающее факт существования отгонного скотоводства на Кавказе. Хотя оно относится к раннесредневековому времени, тем не менее, учитывая, что формы

содержания скота вырабатывались веками, это сообщение можно привлекать и для характеристики скотоводства в предшествующую эпоху. С этой точки зрения, замечание Страбона о том, что “албаны более привержены скотоводству и стоят ближе к кочевникам” [Geogr., X],4,1], можно расценивать как доказательство не только важной роли этой отрасли сельского хозяйства, но и существования отгонной формы скотоводства. Сравнение Страбонам албанов, занимавшихся скотоводством, с кочевниками не должно вызывать удивления по той причине, что “наиболее характерная и существенная черта отгонного скотоводства – необходимость дальних переходов” [Османов М.-З.О. 1990. С.161]. И даже некоторые современные исследователи, допуская ошибку, называют отгонное скотоводство кочевым, а горцев, практиковавших эту форму содержания скота, полукочевниками [об этом см.: Османов М.-З.О. 1990. С.160-161].

Хотя приведенная информация греческого географа и албанского историка территориально относится к центральным и южным областям Кавказской Албании и к Армении, она может быть приложена и к зоне Северо-Восточного Кавказа, природно-географические условия которого способствовали формированию и развитию отгонного скотоводства. Очевидно, этому содействовал и общий подъем экономики на рубеже эр, усиленное развитие земледелия, ремесленных производств, нашедшие отражение в археологических фактах. И отмечаемое наличие отгонной формы, являвшейся выражением интенсификации скотоводства [Османов М.-З.О. 1990. С.158], находилось в русле процесса экономического подъема местного общества.

На возможное существование отгонного скотоводства в рассматриваемую эпоху на территории Дагестана указывают и данные почвенных исследований. Так, если почвенные разрезы, заложенные близ памятников, расположенных на границе предгорий и равнины (Андрейаульское, Верхнечирюртовское, Шелковское городища), показали наличие здесь древнего агрикультурного горизонта, предполагающего существование орошаемого земледелия с первых веков н.э., то разрезы близ поселений, расположенных на равнине (Бораул, Тенг-кала), не продемонстрировали каких-либо признаков наличия горизонта со следами использования его в древнем земледелии. Эти данные дали возможность исследователям сделать предположение, что “эти районы служили преимущественно для интенсивного выпаса скота” [Лисицына Г.Н., Костюченко В.П. 1976. С.36,37,40]. Эти же данные можно рассматривать и как указание на возможное наличие отгонной формы скотоводства и существование ландшафтно-территориальной (горно-равнинной) хозяйственной специализации.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. 1969. — О керамике с зооморфными ручками // СА. № 2.

Агамалиева С.М. 1987. — Гончарство Азербайджана. Историко-этнографическое исследование. Баку.

Булатова А.Г. 1979. — Гончарное производство табасаранцев во второй половине XIX-нач. XX в. (по материалам с. Джули) // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала.

Булатова А.Г. 1988. — Традиционные праздники и обряды народов Дагестана в XIX-нач. XX в. Л.

Гаджиев Г.А. 1991. — Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.

Гаджиев М.С. 1986. — Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I-VII вв.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.С. 1990. — Бронзовый зооморфный сосуд из Шаракунского клада // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.С. 1991. — Погребальный комплекс II-III вв. на поселении Ганзир (Табасаран) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.

Давудов О.М. 1974. — Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.

Давудов О.М. 1978. — К датировке некоторых фольклорных сюжетов народов Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.

Золотов К.Н. 1966. — К истории животноводства древнего Дагестана // Тр. ДСХИ. Т.XVII. Вып.2. Махачкала.

Золотов К.Н. 1966а. — К истории коневодства древнего Дагестана // Тр. ДСХИ. Т.XVII. Вып.2. Махачкала.

Золотов К.Н. 1968. — Osteологические особенности сельскохозяйственных животных по материалам археологических раскопок // Тр. ДСХИ. Т.18. Махачкала.

Золотов К.Н. 1968а. — О животноводстве в древнем Дагестане // Тр. ДСХИ. Т.18. Махачкала.

Котович В.Г., Абакаров А.И., Атаев Д.М., Котович В.М., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. 1962. — Отчет о работе Приморской

археологической экспедиции Института ИАЛ в 1962 г. // РФ ИИАЭ. Ф.27. Оп.1. Д.39.

Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. — Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.

Лисицына Г.Н., Костюченко В.П. 1976. — Почва как источник информации при изучении древнего земледелия (по материалам работ в аридных районах СССР в 1969-1973 гг.) // СА. № 1.

Маммаев М.М. 1969 — К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // УЗ ИИЯЛ. Т.XIX. Кн.2. Махачкала.

Маммаев М.М., 1984 — О семантике сюжета борьбы двух коней на зооморфных пряжках Дагестана VIII-X вв // Мифология народов Дагестана. Махачкала.

Маммаев М.М. 1989. — Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала.

Османов М-З.О. 1990. — Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX-начале XX в. М.

Пкуль М.И. 1967. — Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. 1971. М.

Табл. 3. Видовой состав домашних животных из Дербента (определение К. Н. Золотова).

Вид	Раскоп XI, слой 8 (III-нач V в.), кол-во костей	Раскоп XI, слой 9 (I-нач III вв н.э.), кол-во костей	Раск. XIV, слой (I-нач III вв н.э.), кол-во костей	Раск. XIV, хоз ямы (I-нач III вв н.э.), кол-во костей	Раск. XV, слой I-V вв., кол-во костей	Раскоп XV, хоз ямы I-V вв., кол-во костей
КРС	160 (30,9%)	91 (45,74%)	242 (36,35%)	98 (29,6%)	6 (16,7%)	20 (12,5%)
МРС:	252 (48,7%)	50 (25,14%)	294 (44,1%)	139 (42,0%)	14 (38,9%)	30 (18,75%)
- овца	208	33	193	79	9	13
- коза	32	-	73	50	2	5
- овца-коз	12	17	28	10	3	12
Лошадь	62 (12%)	48 (24,12%)	40 (6,0%)	17 (5,2%)	7 (19,4%)	42 (26,25%)
Свинья	24 (4,6%)	7 (3,5%)	54 (8,1%)	50 (15,1%)	4 (11,1%)	22 (13,75%)
Осел	15 (3,0%)	3 (1,5%)	31 (4,7%)	15 (4,5%)	5 (13,9%)	42 (26,25%)
Осел-лошадь	-	-	1 (0,15%)	-	-	-
Собака	-	-	2 (0,3%)	12 (3,6%)	-	1 (0,63%)
Кошка	1 (0,2%)	-	2 (0,2%)	-	-	-
Верблюд	3 (0,6%)	-	-	-	-	3 (1,87%)
ВСЕГО:	517 (100%)	199 (100%)	666 (100%)	331 (100%)	36 (100%)	160 (100%)

¹ Расчетное соотношение по особям, вероятно, будет близким. Для сравнения отметим, что на городище Урсски при соотношении костей КРС и МРС 1:2,1 (Золотов К. Н. 1968а. С. 243), соотношение по особям составляет 1:2.

М.П. Абрамова

О КАМЕННЫХ СКЛЕПАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА СКИФО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Каменные склепы – один из распространенных типов погребальных сооружений у населения разных районов Северного Кавказа. Широко известные в эпоху бронзы, позже они фактически исчезают, возрождаясь в эпоху раннего средневековья, когда они снова становятся ведущим типом могильных сооружений.

Имеется обширная литература, посвященная разным проблемам, связанным с хронологией склепов, их ареалом, наличием или отсутствием преемственности у склепов раннего средневековья и эпохи бронзы, причин их появления, их локальных особенностях и т.д. В результате изучения склепов, в первую очередь раннесредневековых и более позднего времени, было высказано предположение [главным образом в работах Г.А. Кокиева и Л.П. Семенова], что они в своем развитии прошли три стадии – от подземных склепов к полуподземным, а затем и наземным, которые использовались в качестве погребальных сооружений еще в начале XIX в.

Правомерность такого деления склепов была поддержана и другими археологами, занимавшимися исследованием склепов этого периода [Е.И. Крупновым, В.А. Кузнецовым, В.И. Марковиным, И.М. Мизиевым, М.Б. Мужухоевым, В.Х. Тменовым и др.]. Однако все те проблемы, которые рассматривались в работах этих исследователей, здесь затрагиваться не будут. В данной статье будет уделено внимание лишь некоторым частным вопросам с использованием материалов разных районов Северного Кавказа: учитывая наличие двух групп склеповых сооружений на Кавказе – раннюю (эпоха бронзы) и позднюю (раннее средневековье), установить нижнюю дату склепов поздней группы (время их появления и район распространения) и возможное наличие промежуточных звеньев, позволяющих связать раннесредневековые склепы со склепами эпохи бронзы.

С этой целью будут рассмотрены имеющиеся материалы Центрального и Северо-Восточного Кавказа, поскольку на территории Северо-Западного Кавказа в эпоху бронзы были распространены дольмены, которые хотя и имели некоторое внешнее сходство со склепами, не могут быть сопоставимы с ними [Марковин В.И., 1978, с. 125]. Склепы Северного Кавказа справедливо рассматриваются как местный

северокавказский тип погребальных сооружений. Однако прежде чем перейти к рассмотрению конкретных материалов, следует отметить, что в археологической литературе наименование “склепы” получило двойной смысл, что уже отмечалось [Гаджиев М.С., 1991, с. 127]. Дело в том, что склепами часто принято называть могилы разных конструкций (каменные ящики, каменные гробницы и др.), которые содержали коллективные захоронения членов одной семьи. Однако в этом случае речь идет не о собственно склепах, а об использовании этих могил в качестве семейных склепов. В таких могилах обычно достаточно четко прослеживается то, что погребенные, даже если их всего два, были захоронены не одновременно, а последовательно, друг за другом. На это прежде всего указывает наличие сдвинутых костей первого погребенного, на освободившееся место которого укладывался следующий покойный. Такой обряд, в частности, прослежен Т.М. Минаевой в могильнике Гиляч на Верхней Кубани. Т.М. Минаева совершенно справедливо считала, что эти признаки указывают на то, что характерные для данного могильника каменные гробницы использовались в качестве семейных склепов [Минаева Т.М., 1951, с. 277].

Следует также отметить, что характерные для северокавказских памятников, в первую очередь памятников горных районов, могильные сооружения чаще всего возводились из камня и имели каменные перекрытия, то есть фактически представляли собой незасыпанные землей камеры, что значительно облегчало использование их в качестве семейных склепов. Поэтому можно говорить о том, что могилы, выполнявшие роль семейных склепов, получили широкое распространение на Северном Кавказе в разные периоды.

Однако в данном случае речь пойдет о другом – не о функциональном предназначении могил разных конструкций, а об определенном типе погребальных сооружений, бытовавшем наряду с другими – грунтовыми ямами, каменными ящиками, каменными гробницами и т.д.

Признаки этих могил также не сформулированы достаточно четко. Так, М.С. Гаджиев, совершенно справедливо отметив, что при классификации погребальных сооружений следует использовать их конструктивные особенности, полагает, что характерными признаками склепов являются наличие каменных стен, сложенных из камней, лежавших друг на друге в несколько рядов, и перекрытых сверху несколькими плитами [Гаджиев М.С., 1991, с. 127, 128]. Однако представляется, что совокупность этих признаков более соответствует такому типу погребальных сооружений как каменные гробницы, которые очень часто фиксируются на многочисленных памятниках

Северного Кавказа, в том числе и Дагестана.

Характерной особенностью склепов, как представляется, является наличие входного отверстия (или лаза) в одной из торцовых его стен. При этом стены склепа чаще всего бывают сложены из необработанного (иногда немного подтесанного) камня, как и у каменных гробниц, но могут быть сделаны при помощи вертикально поставленных плит, как у каменных ящиков, а могут сочетать и то и другое. Главное же – наличие входного отверстия, что значительно облегчало использование этих могил для неоднократного применения в качестве семейных усыпальниц и показывало, что подобное использование их планировалось изначально.

О.М. Давудов, давая свое определение склепов, предлагает называть склепами сложенные из камня могилы, имеющие лаз для последующих захоронений – сбоку или сверху [Давудов О.М., 1996, с. 78, 79]. Не отрицая возможности такого толкования, следует отметить, что лаз сверху существовал у всех могил из камня, имевших каменное перекрытие: одна из плит перекрытия могла быть сдвинута при необходимости совершения новых захоронений. Поэтому в этом случае провести четкую границу между каменными гробницами, ящиками и склепами будет трудно.

Исходя из того, что термин “склеп” не имеет единого толкования, следует особо оговорить, что в данном случае под этим термином подразумеваются сложенные из камня погребальные сооружения с перекрытием из каменных плит и входным отверстием (лазом) в одной из поперечных стен.

Как показывают археологические материалы, широкое распространение раннесредневековых склепов на Северном Кавказе начинается с V в. Вместе с тем выделяются два района, где найдены склепы, хотя и единичные, непосредственно предшествующие раннесредневековым по времени. Это склепы первых веков нашей эры. Открытые в горных районах Северной Осетии ([Дигории]), т.е. в центральных районах Северного Кавказа, и синхронные им склепы Северо-Восточного Кавказа, исследованные в Дагестане.

В Дигории наличие подобных склепов можно предполагать в Лизгоре ([Лесгоре) и Задалиске. В Лесгоре В.И. Долбежев проводил раскопки в 1886 г., когда им была исследована группа склепов в виде каменных ящиков, имевших входное отверстие в передней стене. Верхние из склепов содержали до ста скелетов, нижние, наиболее ранние, по 3 - 4 скелета [ОАК за 1886 г., с. СХІХ - СХХ]. Среди ранних материалов склепов имеются фибулы II в., а по большей части III -

IV вв. [Абрамова М.П., 1974, с. 23, 24]. По-видимому, ко II - III вв. н.э. относятся и ранние погребения в склепах Задалиска, раскопанных П.С. Уваровой [Абрамова М.П., 1997, с. 75, 76].

Необходимо отметить тот факт, что именно в Дигории большая серия каменных подземных склепов со входами была исследована В.И. Долбежевым в 1889 г. в могильниках Верхняя Рутха и Хор-Гон у селения Кумбулта [ОАК за 1889 г., с. 59 - 67]. Хранящиеся в ГИМе материалы из этих могильников, хотя и не могут быть разделены по комплексам, но достаточно определенно указывают на дату этих могил, которая может быть установлена в пределах первой половины I тыс. до н.э. Эти склепы, насыщенные материалами кобанской культуры, с одной стороны, смыкаются со склепами Центрального Кавказа эпохи бронзы, а с другой, делают возможным допускать наличие еще неоткрытых звеньев всей цепи, которые смогут связать эти склепы скифского времени со склепами Дигории первых веков нашей эры.

В более западных и северо-западных районах, на территории Кабарды, в районе Кисловодска и в бассейне Верхней Кубани каменные склепы первых веков нашей эры пока не известны. На территории Кабарды склепы, по имеющимся данным, появляются не ранее IV, а скорее в V в., а в бассейне Кубани, по-видимому, и позже [Абрамова М.П., 1997, с. 66, 67, 107].

Нет пока данных и о бытовании подземных каменных склепов в первых веках нашей эры и восточных районах Северной Осетии, включая Притеречье, а также на территории Ингушетии и Чечни. В Чечне, в том числе и в горных районах, в первых веках нашей эры господствовали погребальные сооружения в виде грунтовых ям и каменных ящиков [Петренко В.А., 1979, с. 29, 30]. Каменные подземные склепы получили здесь распространение, как и в других районах Северного Кавказа. в эпоху раннего средневековья [Багаев М.Х., 1976, с. 10, 11].

Особо следует остановиться на склеповых сооружениях Дагестана, которые представлены, хотя и немногочисленными, но достаточно выразительными материалами. Здесь, как и в других районах Северного Кавказа, каменные склепы, бытовавшие в эпоху бронзы. Затем исчезают. Погребальные памятники каякентско-хорчоевской культуры представлены преимущественно каменными ящиками, которые в это время становятся господствующим типом погребальных сооружений [Давудов О.М., 1977, с. 112]. В связи с этим представляются очень важными результаты раскопок Р.М. Мунчаева, которые выявили склепы у сел. Чох рубежа II - I тыс. до н.э., подтвердив факт существования склепов и в каякентско-хорчоевское время [Мунчаев Р.М., 1958, с. 43 -

47]. Однако, во-видимому, они были немногочисленными в этот период.

Существующее мнение о том, что склепы известны на территории Дагестана (в частности, в могильниках городища Урзеки) и в скифское время, как представляется, не подтверждается археологическими материалами. При раскопках могильников Урзеки по данным стратиграфии было установлено, что наиболее ранними являются большие четырехугольные грунтовые ямы; каменные склепы относятся к более позднему времени, еще позже датируются погребения в каменных ящиках [Котович В.Г., Абакаров А.И. и др., 1962, с. 90]. Обширные грунтовые могилы с коллективными захоронениями [Котович В.Г., Абакаров А.И. и др., 1963, с. 33 - 48], датируемые скифским временем, без сомнения, использовались в качестве семейных склепов, однако по особенностям своей конструкции они не могут рассматриваться в качестве склепов, так как относятся к совершенно другому типу погребальных сооружений.

Поскольку могилы зачастую перекрывают друг друга, рядом со склепами находят и более ранние вещи (фрагменты керамики с белой инкрустацией, бронзовая фибула кобанского типа, втульчатые железные наконечники стрел и др.), однако, по-видимому, они были связаны с разрушенными при сооружении склепов грунтовыми могилами [Котович В.Г., Абакаров А.И. и др., 1964, с. 12].

При раскопках 1963 г. трех примыкавших друг к другу склепов над ними были найдены железный двухперый черешковый наконечник стрелы, трехперый железный втульчатый наконечник стрелы, а также бронзовое зеркало-привеска I - начала II в.н.э. [Котович В.Г., Абакаров А.И. и др., 1963, с. 48]. Наличие зеркала-привески указывает, возможно, на раннюю дату возникновения склепов, однако основное число найденных в склепах материалов относится к эпохе раннего средневековья, о чем свидетельствует, в частности, наличие височных привесок с 14-гранными бусинами [Котович В.Г., Абакаров А.И. и др., 1960, с. 60; Котович В.Г., Абакаров А.И. и др., 1962, с. 82, 83].

Наличие в Дагестане подземных склепов первых веков нашей эры хорошо подтверждается и другими материалами.

Следует отметить, что благодаря работам дагестанских археологов [Д.М. Атаева, М.И. Пикуль и др.] широкое распространение склепов Дагестана в эпоху раннего средневековья общеизвестно. Однако пока недостаточно ясен вопрос, когда же началась вторая волна распространения склепов на территории Дагестана. Этот вопрос неоднократно рассматривался в работах дагестанских археологов, в первую очередь О.М. Давудова и М.С. Гаджиева [Давудов О.М., 1986,

1996, Гаджиев М.С., 1986, 1991], что значительно облегчает нашу задачу. К числу ранних относятся несколько склепов. Это во-первых. Сиртичский склеп, датированный О.М. Давудовым II в. до н.э. - I в.н.э. [Давудов О.М., 1981, с. 100; 1986, с. 55 - 57], Новолакский склеп I - II вв. н.э. [Пикуль М.И., 1967, с. 133 - 140], Сумбатлинский склеп II - III вв. н.э. [Давудов О.М., 1977 с. 110, 124], склеп II - III вв. н.э., открытый на поселении Ганзир [Гаджиев М.С., 1991]. Число известных склепов этого времени невелико, по-видимому, они еще не получили в это время широкого распространения. Как правило, на отдельных могильниках они встречаются в единичном числе при преобладании других типов погребальных сооружений. Лишь Новолакский могильник содержал группу подобных склепов, из которых сохранился и был доследован только один склеп. На остальных могильниках было открыто по одному склепу.

Что касается времени их распространения, то, по-видимому, все они укладываются в пределах I - III вв. н.э. Наиболее ранним из них является Сиртичский склеп, содержащий бусы в виде фигурных подвесок [Давудов О.М., 1986, с. 56, рис. 6, 10, 12], тип 193, по Е.М. Алексеевой, который датируется ею II - I вв. до н.э. [Алексеева Е.М., 1978, с. 74, табл. 34, 39]. Однако хорошо известны случаи запаздывания бус в могильниках Северного Кавказа по сравнению с памятниками Боспора, поэтому с определенностью бусы могут говорить только о нижней, но не о верхней дате комплекса. Из ближайших примеров можно привести материалы Карабудахкентского могильника № 1, которые совершенно справедливо датируются К.Ф. Смирновым I - II вв. н.э. [Смирнов К.Ф., 1961, с. 206], что подтверждается, в частности, многочисленными зеркалами-привесками I - начала II в.н.э. Тем не менее в погребениях этого могильника представлены бусы в виде подвесок из одноцветного стекла [Смирнов К.Ф., 1961, рис. 31], тип 163, по Е.М. Алексеевой, датируемый II - I вв. до н.э. [Алексеева Е.М., 1978, с. 72, табл. 33, 68]. Поэтому говорить о появлении ранних склепов в последних веках до нашей эры можно лишь предположительно, поскольку это не подтверждается достаточно определенно.

Здесь же следует коснуться двух коллективных могил – №№ 38 и 58 Карабудахкентского могильника № 1; ранние погребения одного из них ([№ 38] К.Ф. Смирнов датировал II - I вв до н.э. [Смирнов К.Ф., 1961, с. 207]. О.М. Давудов относит эти могилы к числу склепов [Давудов О.М., 1996, с. 79, 80]. Они действительно служили семейными усыпальницами и содержали коллективные погребения (в могиле 38 было погребено 39 человек). Однако, как представляется, их нельзя включать в группу рассматриваемых нами склепов в силу их

специфичности. Они имели очень большие размеры; наличие входа не прослежено: несмотря на то, что в юго-восточной стене имелся разрыв, К.Ф. Смирнов отмечает, что эта стена могла быть разобрана, что подтверждается, по его мнению, группой беспорядочно нагроможденных камней, лежавшей у этой стены [Смирнов К.Ф., 1961, с. 176]. Выявленные стены. Сложенные из камней, К.Ф. Смирнов рассматривает как оградку, сами же могилы относил к числу грунтовых [Смирнов К.Ф., 1961, с. 176, 186, 199]. По-видимому, эти могилы близки по своему устройству к ранней группе погребений Урцекского могильника (большие грунтовые ямы подквадратной формы), о которых шла речь выше.

То же самое можно сказать и о Ленинкентском могильнике, раскопки которого проводила М.И. Пикуль в 1953 г. Здесь была найдена обширная гробница с остатками каменных стен, которая содержала 7 погребенных. Несмотря на то, что могила использовалась в качестве семейного склепа, М.И. Пикуль, сравнивая ее с упомянутой выше могилой 38 Карабудахкентского могильника №1, считала, что здесь была гробница с каменной оградкой, форму которой определить трудно, так как от нее осталась лишь часть стены [Пикуль М.И., 1953, с. 127, 129].

Таким образом, имеющиеся археологические материалы позволяют говорить о том, что на территории Дагестана ранние из поздней (раннесредневековой) группы склепов появляются в первых веках нашей эры. Относящиеся к этому времени склепы единичны и в основной своей массе локализируются в горных районах Дагестана.

Если сопоставить эти материалы с материалами более западных районов, то следует отметить синхронное распространение подземных склепов и в южных районах Дагестана и в западной части горных районов Северной Осетии (Дигории). Из-за отрывочности наших сведений о дигорских склепах первых веков нашей эры мы не можем дать сравнительной характеристики склепов обоих районов и установить их локальные особенности. Но представляется, что в каждом из этих районов был свой путь формирования склеповых сооружений, распространившихся в первых веках нашей эры.

Учитывая тот факт, что в эпоху раннего средневековья каменные склепы распространились довольно широко в разных районах Северного Кавказа, можно предположить существование и других центров их сложения, кроме указанных двух. О наличии нескольких локальных очагов склеповой культуры, каждый из которых развивался самостоятельно, писал и В.Х. Тменов [Тменов В.Х., 1979, с. 68].

Упомянутые два района (Южный Дагестан и Дигория в Осетии) находятся в горной зоне, с ней же связана и основная масса широко

распространившихся каменных склепов эпохи раннего средневековья. И, несмотря на то, что их прямая связь со склепами эпохи бронзы фактически не прослежена, отрицать ее трудно, поэтому наличие этой связи справедливо поддерживается большинством исследователей.

В заключение хотелось бы остановиться на еще одной группе каменных склепов, распространившихся в скифское время на территории Центрального Предкавказья – Ставропольской возвышенности. Как представляется, это совершенно обособленная группа склепов, не имеющая связи с рассмотренными выше. Подземные или полуподземные склепы составлены из вертикально стоявших обработанных каменных плит. В одной из стен был вход, к которому вел узкий коридор, ограниченный каменными плитами. Над некоторыми склепами были сооружены небольшие курганные насыпи или каменные обкладки. Подобные склепы известны на западной окраине Ставрополья (балка Вербовка, р. Беспутка) и у хут. Раздольного Кочубеевского района [Охонько Н.А., 1988, с. 253, 254; Белинский А.Б., 1990, с. 31]. Склепы такой конструкции найдены и в южном и в западном могильниках Татарского городища [Кудрявцев А.А., Охонько Н.А., Кудрявцев Е.А., 1997, с. 131, 132; Кудрявцев А.А., Галаева В.Н., 1998, с. 75, 76], где они также сооружались либо из обработанных плит, стоявших вертикально, либо из плотно положенных друг на друга плит ракушечника. Склепы датировались V - III вв. до н.э. и содержали коллективные захоронения – от 10 до 60 человек; склепы западного могильника Татарского городища, меньшие по размерам, датировались их исследователями I - III вв. н.э. [Кудрявцев А.А., Охонько Н.А., Кудрявцев Е.А., 1997, с. 132].

Основная группа подобных погребальных сооружений датируется обычно V - IV вв. до н.э. и связывается с традициями проживавшего на Ставрополье скифского населения [Белинский А.Б., 1990, с. 32], перешедшего к оседлости и сохранявшего прежний этнический состав и прежние традиции вплоть до первых веков нашей эры [Кудрявцев А.А., Охонько Н.А., Кудрявцев Е.А., 1997, с. 133].

Ю.А. Прокопенко, рассмотревший эти материалы, считает, что распространение склепов проходило не ранее IV в. до н.э. в связи со значительным расширением в это время территории Боспорского государства [Прокопенко Ю.Ф., 1998, с. 39]. Действительно, в IV в. до н.э. у населения Ставропольской возвышенности прослеживаются значительные связи с более западными районами – территорией Прикубанья и Боспором, что подтверждается, в частности, большим количеством античной керамики, найденной, например, в слоях

Грушевского городища и в склепах Татарских могильников. К числу античных памятников Ставрополья Ю.А. Прокопенко относит Султановский склеп с каннелированными пилонами, раскопанный И.А. Владимировым в 1900 г. у горы Брык, а также погребение с “оболом Харона”, найденное на территории г. Ставрополя [Прокопенко Ю.А., 1998, с. 41].

Отмечая, вслед за А.Б. Белинским [1990, с. 32], сходство ставропольских склепов и скифских склепов Восточного Крыма, Ю.А. Прокопенко связывает распространение каменных склепов Ставрополья с перемещением каких-то группировок скифов из Восточного Крыма на Северный Кавказ [Прокопенко Ю.А., 1998, с.39]. Однако следует отметить, что каменные склепы подобной конструкции (с коридором) – это исконно греческий тип погребального сооружения, который распространился в некрополях городов Боспора в V - IV вв. до н.э. В первую очередь это были подкурганные каменные склепы, содержавшие захоронения знати.

Таким образом, в отличие от склепов горных и предгорных районов, связанных с древними местными традициями погребального обряда эпохи бронзы, склепы Ставрополья имели иные корни. Они связаны с традициями эллинизированного варварского населения, причем совершенно не обязательно переселившихся скифов из Крыма, поскольку в скифское время на территории Ставропольской возвышенности обитали достаточно большие группы и кочевого и оседлого местного населения, находившегося в сфере влияния греческой культуры, что подтверждается материалами, рассмотренными Ю.А. Прокопенко, о которых говорилось выше.

Склепы Ставрополья в подавляющем большинстве своем не исследованы, поэтому говорить о возможности их дальнейшего развития трудно. И хотя они доживают, исходя из имеющихся материалов, до первых веков нашей эры – времени, когда каменные склепы начинают распространяться в горных районах Центрального Кавказа, основания, для того чтобы поставить их в связь друг с другом, пока отсутствуют, поскольку они имеют разные ареалы и разные конструктивные особенности.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П., 1974.* — Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.
- Абрамова М.П., 1997.* — Ранние аланы Северного Кавказа III - V

вв. н.э. М.

Алексеева Е.М., 1978. — Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. П1-12.

Багаев М.Х., 1970. — Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Автореф. дис. канд. ист. наук. М.

Белинский А.Б., 1990. — К вопросу о культурной принадлежности склеповых сооружений раннего железного века на Ставропольской возвышенности // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ставрополь.

Гаджиев М.С., 1986. — Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.С., 1991. — Погребальный комплекс II - III вв. н.э. на поселении Ганзир (Табасаран) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.

Давудов О.М., 1977. — Сумбатлинский могильник // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.

Давудов О.М., 1981. — Новые работы в Табасаране // АО - 1980.

Давудов О.М., 1986. — Погребальный обряд населения Южного Дагестана в албанское время (III в. до н.э. — III в. н.э.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.

Давудов О.М., 1996. — Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала.

Котович В.Г., Котович В.М., Путинцева Н.Д., 1960. — Отчет о работе Приморского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2193.

Котович В.Г., Абакаров А.И., Атаев Д.М., Котович В.М., Магомедов М.Г., Маммаев М.М., 1962. — Отчет о работе Приморского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2451.

Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М., 1963. — Отчет о работе Приморского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2731.

Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М., 1964. — Отчет о работе Приморского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2933.

Кудрявцев А.А., Галаева В.Н., 1998. — Склеповый могильник Татарского городища // XX юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Железноводск.

Кудрявцев А.А., Охонько Н.А., Кудрявцев Е.А., 1997. — К

этнокультурной интерпретации Татарского городища в эпоху раннего железа // Эпоха бронзы и раннего железного века в истории древн. племен южнорусских степей. Матер. междунар. научн. конфер., посвященной 100-летию с дня рождения П.Д. Рау (1897 - 1997). Энгельс, Саратов. обл.

Марковин В.И., 1978. — О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Минаева Т.М., 1951. — Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. Вып. 23.

Мунчаев Р.М., 1958. — Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 71.

ОАК за 1886. СПб., 1991.

ОАК за 1889. СПб., 1892.

Охонько Н.А., 1988. — Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // МИСК. Вып. 15 - 16. Ставрополь.

Петренко В.А., 1979. — Погребальный обряд населения юго-восточной Чечни в III в. до н.э. — IV в. н.э. как этнический показатель // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.

Пикуль М.И., 1953. — Отчет о работе Северного отряда Дагестанской археологической экспедиции 1953 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 1000.

Пикуль М.И., 1967. — Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала.

Прокопенко Ю.А., 1998. — К вопросу о связях населения Центрального Предкавказья в IV - III вв. до н.э. // Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир, Москва.

Смирнов К.Ф., 1961. — Грунтовые могильники албаносарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. Т. II Махачкала.

Тменов В.Х., 1979. — Город мертвых (Позднесредневековые склепы Тагаурии). Орджоникидзе.

Л.Б. Гмыря

ОБРАЗ МИФИЧЕСКОГО БОГАТЫРЯ АСПАНДИАТА В РЕЛИГИОЗНОЙ СИСТЕМЕ СТРАНЫ ГУННОВ ПРИКАСПИЯ

В повествовании о религии в стране гуннов Прикаспия, включенном в сочинение албанского историка Мовсеса Каланкатуаци "История страны алван" (главы 40 и 41 второй книги), наряду с главными божествами гуннского пантеона - богом Неба Тенгри-ханом, богом-громовержцем Куаром и богиней деторождения, обозначенной в источнике греческим именем "Афродита", фигурирует еще один, почитаемый гуннами, персонаж. Его имя передано в источнике по-персидски - Аспандиат. Это, на наш взгляд, наиболее загадочный и противоречивый образ в мифологии прикаспийских гуннов.

Его противоречивость заложена автором в самом начале повествования, при перечислении божеств гуннского пантеона. Бог гуннов Тенгри-хан и персонаж Аспандиат выступают как-бы в одной "связке": "И еще почитаемому ими идолу какому-то, огромному и безобразному богу Тенгри-хану, которого персы называют Аспандиат, приносили в жертву коней на кострах [М.К.-II. С. 124];

"Также они приносили в жертву жаренных лошадей какому - то чудовищному, громадному герою, называя его богом Тенгри-хан, которого персы называют Аспандиат" [М.К. - I. С. 193]. На первый взгляд представляется, что имя Аспандиат является персидской калькой имени тюркского бога Неба Тенгри - хана. Исследователи, в большинстве своем, воспринимают образ Аспандиата как аналог тюркского бога Неба Тенгри, являвшегося верховным божеством гуннского пантеона. Тем самым оба персонажа отождествляются. Однако ряд данных источника позволяет нам пересмотреть эту точку зрения.

Начнем с того, что персонаж, именуемый Аспандиатом, занимает в повествовании главное место, он упоминается в источнике восемь раз [М.К. - II. С. 124, 126, 128, 130]. В то же время Тенгри-хан - верховное божество гуннского пантеона, назван только однажды. К тому же, автор избегает обозначать Аспандиата богом. В его передаче - это "дикий исполин" и "колосальный богатырь" [М.К. - II. С. 126, 128]. И еще, если Тенгри-хан и Аспандиат - тождественны, то зная точное наименование бога Неба у гуннов Прикаспия, т.е. имя, которым величали его жители, автор почему-то на всем протяжении повествования предпочитает именовать его по-персидски - Аспандиат. Исследователи объясняют эти противоречия по-разному.

С.Г. Кляшторный полагает, что автор повествования именует гуннского бога "на иранский манер Аспандиатом (<среднеперс. spandijad "созданным святым/духом" [Кляшторный С.Г. 1984 С. 21; 1994. С. 86], не объясняя причину этого. Однако, С.Г. Кляшторный допускает, что сами гунны могли не называть этим именем свое божество, т.к. автор повествования об этом нигде не упоминает.

А.П. Новосельцев также затрагивал эту проблему. Он считал, что главное божество "хонов" Прикаспия имело двойное имя - Тенгри-хан и Аспандиат. Имя Аспандиат по его мнению было более распространенным среди населения [А.П. Новосельцев. 1990. С. 145]. Однако, данные источника такой информации не содержат.

Автор повествования четко отмечает, что в стране гуннов существовал культ бога Тенгри-хана. Переводы К.П. Патканьяна и Ш.В. Смбабяна передают именно это содержание источника: "...Они приносили жертву... какому-то чудовищному, громадному герою, называя его Богом Тангри-хан..." [М.К. - I. С. 193]; "...почитаемому ими... богу Тангри-хану... приносили в жертву коней..." [М.К. - II. С. 124]. В источнике также недвусмысленно отмечается, что Аспандиатом этого бога называли не гунны, а персы [М.К. - I. С. 193; II. С. 124].

По этой проблеме (двойное имя у верховного божества пантеона гуннов) у нас имеется несколько версий:

1. Возможно, что функциональная атрибуция тюркского бога Тенгри-хана и персидского персонажа Аспандиата, с которым сравнивается первый, была идентичной. Автору повествования, несомненно хорошо знакомому с религией иранских народов, было проще донести до албанских и армянских читателей информацию о религии далекой и малоизвестной страны гуннов через известные образы.

Весьма привлекательным в этом русле рассуждений является отождествление мифического героя Аспандиата с богиней Спандармат, известной из иранской мифологии как прародительницы жизни, олицетворяющей возделанную землю [Лелеков Л.А.. 1994А. С. 466]. Ее образ как богини восходит к дозораострийской матери-земле, супруге бога неба. В армянской мифологии также имеется божество с похожим именем - Спандарамет (дух подземной о мира). Известно, что армянская мифология складывалась под значительным влиянием иранской культуры, многие божества армянского пантеона - иранского происхождения [Арутюнян С.Б. 1994. С. 104]. Имя армянского божества Спандарамет, как полагают, восходит к иранской Спандармат [Лелеков Л.А. 1994А. С. 466]. Дух подземного мира армянского пантеона Спандарамет, возможно, был наделен функциями божества плодородия

и растительности [Лелеков Л.А. 1994А. С. 466].

2. Нам уже приходилось писать о консолидации в начале V в. н.э. ираноязычных маскутов и тюркоязычных гуннов [Гмыря Л.Б. 1992. С. 290-291; 1995. С. 93-95]. На это обращал внимание и А.В. Гадло [Гадло А.В. 1979. С. 36]. Эти реалии отразились в письменных источниках фиксацией племен в районе Дербента под двойным этнонимом - "масаха-гунны" (Агафангел). Вполне вероятно, что политическая, военная и культурная консолидация ираноязычных и тюркоязычных племен привели к нивелировке идеологических представлений. Возможно, что верховное божество в стране гуннов потомки ираноязычных маскутов называли именем Аспандиат, а гуннское (тюркское) население обозначало его в соответствии со своими традициями - Тенгри-хан.

3. Необходимо также обратить внимание на еще одно обстоятельство. Персидский аналог Тенгри-хана передан в повествовании следующим образом: "... называя его Богом Тангри-хан, которого персы называют Аспандеат"(перевод К. Патканьяна). Возможно, что установление тождества Тангри-хана и Аспандиата принадлежит не самому автору повествования. Выражение - "... которого персы называют Аспандеат" может быть истолковано, как указание на источник информации, а именно на какие-то ранние персидские сочинения, которыми, возможно, пользовался составитель раздела "Истории страны алван" при описании религии гуннов Прикаспия. Военные и дипломатические контакты Ирана с гуннами Прикаспия, обосновывавшимися на северных границах подвластных ему территорий, имели длительную историю. Персия активно использовала содействие гуннских воинов в своих внешнеполитических акциях - борьбе с Византией и ее союзниками на Кавказе. Надежные свидетельства об участии гуннских отрядов в военных операциях на стороне Ирана относятся к середине IV-VI вв. н.э. [Гмыря Л.Б. 1995. С. 187-199].

Вполне вероятно, что существовали какие-то персидские источники, содержавшие информацию о стране гуннов Прикаспия, в том числе и о религиозных воззрениях. Возможно, именно в них верховное божество племен, живших у подножия Кавказских гор, к северу от Дербента именовалось Аспандиат. Албанский автор, составлявший раздел о религии в стране гуннов времени посольства епископа Исраила (682 г), мог совместить информацию о ней разных источников - одновременных событию и более ранних.

У нас имеется еще одна версия о сущности образа, именуемого в

источнике Аспандиат, кажущаяся нам наиболее приемлемой, т.к. она снимает противоречия, заложенные в информации источника.

А.П. Новосельцев высказывает несколько предположений относительно этимологии имени Аспандиат, привлекая данные литературных источников, исторических сочинений и др. Одна из версий А.П. Новосельцева состояла в том, что "... в культе этого бога у хазар, несомненно, заложена и другая основа, связанная с иранским "аспа" - "лошадь". Вероятно это было сарматское (массагето - аланское) божество, отражавшее культ лошади, столь важный у кочевников" [Новосельцев А.П. 1990. С. 146].

Нам представляется, что это положение является прямой натяжкой, основанной на одном из компонентов религиозных воззрений гуннов, а именно: посвящении главному божеству пантеона коней и использование их в качестве жертвенного животного во время проведения религиозных ритуалов.

Мы полагаем, что этимология Аспандиат через среднеперсидское - "созданный святым духом", т.е. созданный богом, которую предлагают некоторые исследователи, в том числе и С.Г. Кляшторный, более соответствует сущности персонажа по имени Аспандиат.

А.П. Новосельцев высказал предположение, касающееся возможной ассоциативной связи культа сарматского божества Аспандиата (культ местных племен), воспринятого хазарами на Кавказе, с древнеиранским культом героя Спентодата (Спентодата) [Новосельцев А.П. 1990. С. 146].

На наш взгляд, рациональным в столь усложненных построениях, является положение о бытовавшем среди населения Прикаспия в VII в. культа героя, культа первопредка. По сходству с персонажем древнеиранской мифологии по имени Спентодата [Лелеков Л.А. 1994Б. С. 467] автор повествования о религии гуннов мог обозначить аналогичным именем героя гуннской мифологии. Подобным образом он поступил, назвав греческим именем Афродита гуннскую богиню плодородия Умай.

Если наше положение справедливо, то становится понятным почему персонаж гуннской религиозной системы Аспандиат ни разу не обозначен в источнике как бог или божество. Он назван исполином или богатырем.

Большинство исследователей принимают отмеченную автором повествования тождественность бога Тенгри-хана и персонажа Аспандиата за аксиому. В исследованиях, как правило, не расчленяются функции этих персонажей. Напротив, функциональная значимость

Аспандиата автоматически перекладывается на верховное божество Тенгри-хана. Анализ данных источника показывает, что оба персонажа гуннской религиозной системы различимы как по наделенным чертам облика, так и функциям.

Тенгри-хан в пантеоне гуннов Прикаспия - верховное божество Неба, представляемое в виде громадного героя.

Аспандиат назван в источнике - "рожденный богатырем, храбрый" [Новосельцев А.П. 1990. прим. 596]. В связи с этим интересна этимология имени героя иранского эпоса Спентодаты из авестийского "созданный (дарованный) благочестием, т.е. богиней Спента Армайти, землей, следовательно, сын земли" [Лелеков Л.А. 1994. Б. С. 467]. Содержание имени обоих персонажей примерно одинаковое - и тот и другой считались порождениями божеств.

Гуннский Аспандиат обозначается в источнике и другими определениями: "дикий исполин", "колоссальный богатырь", "богатырский Аспандиат" [М.К. - II. С. 126, 128]; "дикий исполин", "исполинское имя храброго Спандиата", "исполинский Спандиат" [М.К. - I. С. 197, 201]. Из разнообразия определений явствует основное - Аспандиат представлялся богатырем, наделенным не только колоссальной силой, мощью, но и человеческими качествами - храбростью.

В образе богатыря Аспандиата, по всей вероятности, автор повествования зафиксировал существование в религиозных представлениях гуннов Прикаспия мифического персонажа - культурного героя, который мог выступать как родоплеменной предок.

Культурные герои, имеющиеся в мифологии многих народов мира, отличаются от настоящих богов, но "при этом подчеркивается их значимость и магическая сила, без которых были бы немислимы их деяния" [Мелетинский Е.М. 1994. С. 26]. Такое же явление наблюдается и в отношении персонажа мифологии гуннов Прикаспия Аспандиата.

Прямых указаний на функции Аспандиата в источнике нет, но для их выяснения могут быть использованы опосредованные данные. В тексте имеются указания на то, что самое высокое и мощное дерево - дуб, росшее в священной роще близ г. Варачана, было посвящено Аспандиату [М.К. - II. С. 128, 130]. Как отмечает автор: "Этот дуб был как бы главой и матерью всех остальных высоких, покрытых густой листвой деревьев..." (С. 128). Таким, видимо, его считали сами гунны.

Дуб, посвященный Аспандиату, выглядел особо. Он обладал пышной кроной и большой высотой - "самое большое ... дерево", "громадное дерево", "глава и мать всех остальных высоких... деревьев" [М.К. - II. С. 128]. В повествовании это священное дерево постоянно

выделяется среди других деревьев священной рощи определяющими терминами: "дерево то", "то дерево", "то самое дерево", "дерево это" [М.К. - II. С. 128-130].

Следует отметить, что в источнике имеются общие указания на то, что особо высокие деревья посвящались гуннами богам (М.К. - II. С. 128-130), но дерево, связанное с Аспандиатом, выделяется четко.

Анализ данных источника показывает, что высокий и мощный дуб, связываемый с мифическим образом богатыря Аспандиата, воплощал в себе особые качества, присущие этому персонажу. Аспандиат в представлениях гуннов был "дикий исполин", "колоссальный богатырь", таковым было и олицетворявшее его дерево - самое высокое и громадное. Но Аспандиат отличался не только фантастическим ростом, но и гипертрофированной силой, мощь священного дуба подчеркивалась указанием на развитость его кроны. Это было дерево с "пышной кроной", "пышнорастущее", т.е. имевшее множество развитых ветвей.

В качестве иллюстрации можно привести описание обобщенного облика мифического героя тюркского эпоса Маадай-Кара:

Брови - как черный бархат,
Густая черная борода,
Нос, подобный прямому хребту горы,
Ресницы, похожие на северный лес,
Зоркие глаза подобные синим звездам,
Самый он, дорогой, чистому золоту подобен.
Щеки его - с полскалы
Голова его - с целую скалу,
Лицо его - как красный маральник.
Таков был мой богатырь.
На крепко сложенной его поясице
Пятьдесят табунов могут пастись,
На широкой, как луг, спине
Шестьдесят отар могут стоять.
Между двумя его лопатками
Сто кобылиц могут укрыться
Между двумя его глазами
Сто баранов могут стоять.
Нет у него крови, которая вытекала бы, аляя,
Нет у него души, которая прервалась бы.
Внутренности его словно из стали,
Гортань его словно из камня.

Духом воды создан его конь темно-гнедой,
Духом горы создан он сам - Маадай-Кара
[Маадай-кара. 1973. С. 260 - цитируется по: Традиционное мировоз. 1989. С. 11].

Образ гуннского богатыря Аспандиата - антропоморфен, герой наделен некоторыми человеческими качествами, главными из которых выделяются сила и храбрость. Аспандиат обладал не просто огромной силой, эта сила не имела сдерживающих начал, что подчеркивалось определяющим понятием, как “дикий исполин” [М.К.-II. С. 126].

Названные в источнике функции главного священного дуба, правомочно причислить самому богатырю Аспандиату. Среди них источник называет несколько: “хранитель и защитник страны гуннов”, “даритель жизни и всех благ”, “спаситель [скверных] богов” [М.К.-II. С. 128]. Все эти функции имеют социальную направленность - спасительную и охранительную. В этом смысле образ Аспандиата, как культурного героя, не выбивается из общих представлений о направленности деятельности подобных мифических персонажей у других народов [Мелетинский Е.М. 1994. С 26].

Очень важным, на наш взгляд, является представление о главном священном дереве, как “спасителе богов” [М.К.-II. С. 128]. Возможно, что это - указание автора на функцию “спасителя” самого богатыря Аспандиата, видимо, сыгравшего решающую роль в борьбе с богоборческими силами - злыми духами. Это также может свидетельствовать о том, что Аспандиат являлся мифическим персонажем, олицетворявшим культурного героя, а не главное божество гуннского пантеона.

Косвенным подтверждением этому служит, на наш взгляд, содержание одного из пассажей первой проповеди епископа Израила, произнесенной перед жителями г. Варачана. В этой части проповеди епископ Израил приводит библейское предание о Нимроде, который упоминается в генеологии, как правнук Ноя.

Дедом Нимрода считался один из сыновей Ноя - Хам, известный своим непочтительным отношением к отцу [Библейский словарь. С. 279, 471]. О Нимроде в “Библейском словаре” приводятся следующие данные - сын Хуша (старший сын Хама - Л.Г.). Царство его в начале составляли Вавилон и окрестные города (Библейский словарь. С. 276).

Епископ Израил рассказывает гуннам поучительную историю из жизни народов, находившихся под властью Нимрода: “Видим мы, что из рода его (Ноя - Л.Г.) произошел исполин Нимрод, который бесовским колдовством соблазнил все народы собрать камни для столпотворения.

Сам же, возгордившись своим исполинским ростом и колоссальной силой, стал царствовать над всеми остальными, как о том и писано: “Царства его вначале составляли Вавилон”. Мы узнали также из историй некоторых летописей, что и после разрушения столпа и смешения языков Нимрод, крайне возгордившись, уподобил себя богам, велел своим искусным ваятелям изготовить свои статуи из серебра и меди, отделать золотом и назвал их своим именем. Многие племена из этих заблудших народов приносили жертву его изображению. Такими вот теперь я вижу и вас, как вы, колеблющиеся душой... поддавшись обману колдунов и чародеев, ворожителей халдеев и некоему дикому исполину Аспандиату, которому приносите в жертву лошадей” [М.К.-II. С. 126].

Анализ источника показывает, что в тексте проповеди епископа Израила проведено сопоставление двух образов - библейского Нимрода и гуннского богатыря Аспандиата. Образ Нимрода выбран проповедником неслучайно. Он проводит четкие параллели их схожих качеств: 1) Нимрод обладал “исполинским ростом и колоссальной силой” - Аспандиат назван в проповеди “дикий исполин”; 2) в царстве Нимрода имелись скульптурные изображения Нимрода - “... велел ... изготовить свои статуи... и назвал их своим именем”, Аспандиату в стране гуннов также возводились скульптурные изображения - идолы; 3) племена Вавилонии приносили “жертву его изображению”, т.е. поклонялись статуям Нимрода - гунны приносили Аспандиату в “жертву лошадей”.

Главная схожесть двух персонажей - Нимрода и Аспандиата, исходя из данных источника, состоит в одинаковости их сущности - Нимрод “уподобил себя богам”, (не являясь богом, он присвоил себе функции богов), Аспандиат, сопоставляемый с Нимродом, назван проповедником “дикий исполин”, т.е. также как и Нимрод, он был мифическим геросом, а не богом.

Лаконичные данные о персонаже по имени Аспандиат, имеющиеся в повествовании о религии гуннов, характеризуют его как богатыря и исполина, наделенного храбростью и прославившегося как “спаситель богов” гуннов. Об этом мы говорили выше. Но обращает на себя внимание еще один факт, возможно, свидетельствующий об иных “подвигах” богатыря Аспандиата.

Свое отношение к образу мифического героя Аспандиата автор повествования демонстрирует употреблением нелицеприятных терминов: “скверный” - конкретно об Аспандиате [М.К.-II. С. 128, 130], “нечисты и поганы” - о капищах, посвященных Аспандиату [М.К.-II. С. 126], “скверные черепа и шкуры” - об останках жертвенных животных, находящихся в капищах Аспандиата [М.К.-II. С. 131], “мерзки и скверны”

- о гуннах, приносящих жертву Аспандиату [М.К.-II. С. 126].

На первый взгляд, негативное восприятие автором повествования одного из главных персонажей гуннской религиозной системы - Аспандиата можно объяснить неприятием христианского деятеля языческой религии гуннов. Однако одно замечание автора, дает основание утверждать, что его отрицательное видение образа Аспандиата было основано на конкретных данных.

Упрекая гуннов в поклонении “дикому исполину Аспандиату”, епископ Израил заметил в своей проповеди: “И не можете понять того, что почитатели нечистых (сил) сами не могут быть чистыми. Ибо как нечисты и поганы капища, так мерзки и скверны перед Богом все те, кто приносит жертву Аспандиату, согласно Писанию:... Мерзок перед Господом развратный и с праведными не имеет общения” [М.К. - II. С. 126]. Цитата из Библии, приведенная епископом Израилом для объяснения “скверности” Аспандиата, обличает кумира гуннов в “развратности”. Возможно, епископ Израил располагал какими-то сюжетами гуннских мифов об исполине и богатыре Аспандиате, не попавшими в повествование, но дающими ему основание обличить этот мифический образ в особом “сладострастии”, в котором автор повествования уличал и жителей “страны гуннов” - “преданные афродитиным желаниям” [М.К.- I. С. 194].

Исследователи допускают, что в образах культурного героя могли отражаться исторические элементы - воспоминания о выдающихся вождях и шаманах [Мелетинский Е.М. 1994. С. 27]. В связи с этим интересно отметить следующую деталь. Великий князь страны гуннов назван в источнике “Алп-Илитвер”. С.Г. Кляшторный полагает, что Илитвер - не собственное имя, а титул: “Титул эльтебер... обычен в Центральной Азии тюркского времени для вождей крупных племен и племенных союзов, зачастую сохранявших независимость”. [Кляшторный С.Г. 1994. С. 85]. Приставку “Алп” С.Г. Кляшторный переводит как “герой”, но “алп” на тюркских языках имеет также значение “богатырь”, “великан, исполин” [Севортян Э.В. 1974. С. 139]. В источнике отмечается, что великий князь гуннов “... выделяясь силой и доблестью, он прославился на состязаниях, как победитель на греческих олимпиадах, отличившись силой среди всех остальных, он снискал себе великолепное имя доблестное, совершив многие подвиги храбрости...” [М.К.- II. С. 127].

Параллель между мифическим образом Аспандиата и личностью великого князя страны гуннов просматривается в источнике явственно. Для обоих характерны такие качества как богатырская сила, храбрость,

доблесть, совершение подвигов в сражениях с врагами народа страны гуннов. Вполне возможно, что образ Аспандиата впитал в себя исторические воспоминания гуннов о подвигах вождей и шаманов, а личность великого князя гуннов олицетворялась с образом мифического богатыря, культурного героя Аспандиата.

Автор повествования о религии гуннов Прикаспия, “не чуждый классической образованности” [Кляшторный С.Г. 1984. С. 22], был знаком с греко-римской мифологией, свободно цитировал библейские сюжеты, знал систему верований народов древнего Востока. Его основной литературный прием - объяснение религии страны гуннов через известные просвещенному читателю понятия. Аналогии из религиозных традиций других народов выбирались повествователем исходя из наличия тождественности функций священных персонажей. Так гуннская богиня деторождения Умай названа в источнике именем древнегреческой богини любви Афродитой, герой - богатырь гуннских мифов сравнивается автором с похожим персонажем древнеиранской мифологии и по ассоциации с ним обозначается Аспандиатом. Злые духи гуннской мифологии названы в источнике дэвами [М.К.-II. С. 130], аналогичные персонажи имеются в иранской и армянской мифологии [Брагинский И.С. 1984. С. 417]. В повествовании фигурирует также библейский образ сатаны [М.К.-II. С. 124] - возможный аналог гуннского громовержца Куара (в Библии антипод Бога иногда ассоциируется с небесной молнией [Библейский словарь. 1989. С. 124]).

Кульм мифического героя, возможно первопретка гуннов Прикаспия, обозначенного персидским именем Аспандиат, пронизывал всю религиозную систему страны гуннов и, как показывает анализ источника, был основным культом, затмевая в какой-то степени культ верховного божества Тенгри-хана.

ЛИТЕРАТУРА

- М.К. - I. - История агван Моисея Каганкатвади, писателя X в. / Пер. К. Патканьян. СПб. 1861.
- М.К. - II. - Мовсес Каланкатуади. История страны Алуанк / Пер. Ш.В. Смбабяна. Ереван, 1984.
- Арутюнян С.Б. 1994. - Спандарамет // Мифы народов мира. В 2-х т. Т. 2. М.
- Библейский словарь. 1989. - Энциклопедический словарь: составил Эрик Нюстрем. Пер. со шведского И.С. Свенсона. Торонто.
- Брагинский И.С. 1984. - Дэвы // Мифы народов мира. В 2-х т. Т. 1. М.
- Гадло А.В. 1979. - Этническая история Северного Кавказа в IV-

Х вв. Л.

Гмыря Л.Б. 1992. - Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала.

Гмыря Л.Б. 1995 - Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала.

Кляшторный С.Г. 1984А. - Пантеон северокавказских гуннов и его связи с мифологией древних тюрков Центральной Азии // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тезисы докл. М.

Кляшторный С.Г. 1984Б. - Праболгарский Тангра и древнетюркский пантеон // Сборник в память о проф. Станчо Ваклинов. София.

Кляшторный С.Г. 1994 - Древнетюркские племенные союзы и государства Великой Степи / Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.

Лелеков Л.А. 1994 А. - Спандармат // Мифы народов мира. В 2-х т. Т. 2. М.

Лелеков Л.А. 1994. Б - Спентодата // Мифы народов мира. В 2-х т. Т. 2. М.

Мелетинский Е. М. 1994. - Культурный герой // Мифы народов мира. В 2-х т. Т. 2. М.

Новосельцев А.П. 1990. - Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Севортян Э.В. 1974. - Этимологический словарь тюркских языков. М.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. 1989. // Львова Э.М., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск.

В.И. Марковин
О НЕКОТОРЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
БАШЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ ВАЙНАХОВ

Историки архитектуры И.Э. Грабарь, Н.Н. Воронин, Г.К. Вагнер и др. уделяли большое внимание художественным особенностям русского народного зодчества – храмам и жилым сооружениям. Их опыт стоит перенести на Кавказ, тем более, что архитектура местных народов довольно мало изучалась с позиций ее эстетического воздействия на зрителя. Судя по запискам путешественников, посещавших Чечню и Ингушетию, произведения вайнахских строителей воспринимались ими восторженно, но суть увиденного ими сводилась к самым общим словам (Н.К. Зейдлиц, Н.А. Буш, А. Россыкова и др.). Тут нужно сделать небольшое, но существенное замечание. Я говорю о воздействии памятников городского зодчества на лиц, впервые познакомившимся с ними. Вполне естественно, что даже самое беглое мнение подобных зрителей могло возникнуть только под влиянием европейских эстетических норм. Однако хотелось бы, чтобы в дальнейшем были изучены чисто местные – вайнахские (горские) нормы в понимании красоты, гармонии, величия памятников архитектуры и, соответственно, по антитезе – неряшливости, безвкусицы, мизерности постройки и т.д. Это весьма важно для выяснения художественно-эстетических канонов в местном зодчестве. В этом отношении в качестве примера приведу интересное замечание С.О. Хан-Магомедова и Г.Н. Любимовой, касающиеся норм в восприятии интерьера дагестанского (табасаранского) жилья. Здесь внутреннее устройство и убранство комнат было “рассчитано на низкую точку зрения (человека, сидящего на ковре)”, что влияло на “расположение отдельных деталей, и обработку камня и высоту подоконников” [Любимова Г.Н., Хан-Магомедов С.О., 1956, с. 8, 15]. Декор европейского дома, вопреки этому, всегда был рассчитан на человека, использующего высокое сидение. Исходя из двух данных позиций, по-разному делались внутренние части помещений, украшалась посуда и предметы домашнего обихода. Это необходимо помнить при исследовании и реконструкции интерьера различных построек. Такие исследования еще впереди, здесь же речь в основном пойдет о чисто внешнем облике вайнахской архитектуры, хотя внутренние особенности зданий почти всегда находят отражение и в их фасадах.

¹ Название сочинения Мовсеса Каланкатуаци дается по А.П. Новосельцеву (Новосельцев А.П., 1990, с. 31).

² Цитаты из Мовсеса Каланкатуаци даны в переводах К. Патканьяна - (М.К-1) и Ш.В. Сибатяна - (М.К.-II). Одинаковые пассажи источника в разных переводах отделены в статье ;

Если зодчество народов Дагестана сейчас уже изучено с достаточным вниманием к его декоративным деталям (работы Н.Б. Бакланова, Г.Я. Мовчана, С.О. Хан-Магомедова, П.М. Дибирова и др.), то в Чечне и Ингушетии все работы последних лет по выявлению памятников местной архитектуры в основном оказались сведенными к элементарному описанию отдельных построек. Даже в монографиях историка архитектуры А.Ф. Гольдштейна отсутствует хотя бы предварительное освещение тех приемов, с помощью которых творения вайнахских зодчих вызывают у зрителей достаточно сильные эмоции [Гольдштейн А.Ф., 1975, с. 36 - 40; Гольдштейн А.Ф., 1977, с. 203 - 264]. Однако, если быть вполне объективным, то придется признать, что уже давно, в 30-х годах делались попытки найти “меру” красоты построек чеченцев и ингушей (рис. 1). Так, австрийский этнограф Бруно Плечке сравнивал башенные постройки чеченцев, завершенные пирамидально-ступенчатым покрытием, с японскими и китайскими пагодами [Plaetschke В., 1929, s. 66]. Это была своеобразная оценка красоты местных построек, но ничего не дающая для научно-обоснованной художественной оценки.

Совершенно иначе подошел к этому вопросу художник-этнограф И.П. Щерблякин, работавший в те же годы. Он, в полном смысле этого слова, первым обратил внимание не только на конструктивные особенности архитектуры вайнахов (его усилия в основном были направлены на изучение зодчества ингушей), но и попытался оценить силу их эмоционального воздействия на зрителей и указать реальные причины такого воздействия. Посылкой для его последующих заключений служит краткое вступительное и суммарное описание боевых башен. Приведу его полностью: “Наружный вид боевых башен очень интересен и своеобразен: они ярким пятном выделяются на темной эмали синего неба и своей уступчатой кровлей, стройной формой, оригинальными балкончиками под карнизами кровли приковывают к себе внимание и невольно вызывают разного рода вопросы.

Внешний вид безукоризненно прост и строг. При удивительной стройности, пропорциональности и довольно большой высоте они устойчивы и прочны. Поражаешься мастерству строителей, их вкусу и умению так великолепно разрешать и воплотить в реальные формы свои замыслы и фантазии” [Щерблякин И.П., 1928, с. 271].

Далее автор, при довольно детальном описании башенных конструкций, время от времени останавливается на декоративных деталях, как бы обосновывая конкретными примерами тот эффект, о

котором он писал в своем выступлении. Таково, к примеру, его описание пирамидальной кровли башен: “Благодаря шиферным (сланцевым - В.М.) плиткам крыша издали кажется темно-коричневого, почти черного цвета. Назначение плиток в крышах чисто декоративного характера, никакого технически-практического значения они не несут и не имеют” [Щерблякин И.П., 1928, с. 272].

К сожалению, его подходы к эстетической оценке местной архитектуры не были развиты в дальнейшем и подобная работа почти не нашла своих подражателей, хотя к концу 70-х годов нашего столетия были уже изучены основные памятники Ингушетии (Л.П. Семенов, Е.И. Крупнов, М.Б. Мужухоев, Д.Ю. Чахкиев и др.) и Чечни (В.Ф. Миллер, А.П. Круглов, В.И. Марковин, А.А. Исламов, М.Х. Ошаев, С.Ц. Умаров и др.) и в дальнейшем вопрос об особенностях художественного облика вайнахских построек почти не ставился, в основном изучались время их возведения, оборонная оснащенность, строительная техника и проч. [Мужухоев М.Б., 1977, с. 46 - 48; Кобычев В.П., 1982, с. 84, 117 - 119]. Все это, несомненно, важно при осмыслении генезиса башенной архитектуры, но очень мало затрагивает нашу тему. И здесь, как бы объединяя чисто исторические подходы в изучении зодчества вайнахов, я бы предложил подумать о мере – модуле, который мог бы использоваться при возведении зданий. Это, конечно, еще не ключ к пониманию эстетического воздействия уже построенного произведения архитектуры на зрителя, хотя применение модуля, соразмерного пропорциям человеческого тела, приводит к созданию построек гармоничных и вписывающихся в национальные представления о красоте [Шевелев И.Ш., 1986, с. 110, 184]. Переход к современным метрическим мерам, никак не связанным с габаритами самого человека и привел к той ужасающей дисгармоничности в архитектуре, образцы которой пестрят в наших городах.

Линейными мерами, послужили основой модуля у вайнахских зодчих, могли стать естественные модули в виде “пяди” “стопы” “локтя” и “шага”, естественно, в местных способах их отсчета [Хасиев С.А., 1981, с. 18; Карасаев А.Т., Мадиев А.Г., 1978, с. 249, 498, 601, 700]. Обычно на Востоке модулем служили стандартизованные размеры проемов. Думаю, что в Чечне и Ингушетии для боевых башен это могла быть ширина первого оконного проема, находящегося над входом в нее. О том же, что мастера применяли подобные меры не может быть сомнений, ибо каждая из местных башен по своим основным пропорциям всегда подобна другой. Как пишет историк архитектуры И.Ш. Шевелев, – “мера – это не только количественная, но и качественная

характеристика. Это та средняя линия, отклонение от которой в ту или иную сторону превращает явление в его противоположность” [Шевелев И.Ш., 1986, с. 75]. В данном случае под “средней линией” можно подразумевать норму в создании архитектурного произведения.

Величие той или иной постройки – это целый комплекс слагаемых: стиль здания, его пропорции (при наличии определенной меры), место расположения произведения зодчества, его связь с окружающей природой (с воздухом далее – полей, гор и лесов), декор и колористическое (цветовое) решение.

В данной работе я останавливаюсь лишь на некоторых особенностях внешнего вида башенных построек Чечни и Ингушетии, оставив в стороне склепы и близкие им по форме святилища.

Боевые башни наиболее полно вобрали в себя все элементы эмоционального воздействия архитектуры вайнахов на путника. Стиль боевых башен назван мною общевайнахским [Марковин В.И., 1980, с. 264]. Думаю, что такое определение справедливо. Характерные для него черты являются правилом для башен Ингушетии, где они сохранились относительно хорошо, и для более редких, исчезающих на наших глазах, башен Чечни. Постройки этого стиля отличаются подчеркнутой устремленностью ввысь, гармоничной стройностью и лаконичной композиционной завершенностью [Марковин В.И., 1994, с. 12 - 24, рис. 21 - 70]. Существенными чертами стиля являются также симметричность в расположении основных конструктивных деталей и завершение башен пирамидально-ступенчатым покрытием с центральным замковым камнем (цлогал). Таковы главные особенности построек, выполненных в данном стиле (рис. 1; 2,1). Это не означает, что не может быть отклонений от основного канона. Они есть. Известны башни с плоским перекрытием и своеобразными зубцами по углам кровли (рис. 2,2; 3), но в основных своих элементах общевайнахский стиль башен всегда выдерживался. И опять-таки это не означает, что башни ингушей ничем не отличаются от чеченских построек. Конечно же, такие отличия имеются. Это разница в некоторых конструктивных деталях, в технике самого строительства, в величине башен и в декоре [Мужухоев М.Б., 1977. С. 21 - 24; Умаров С.Ц., 1976, с. 132 - 136; Марковин В.И., 1962, с. 48 - 52].

Трудно пока еще говорить о пропорциях башенных построек. И.П. Щерблыкин, по-моему, несколько увлекся, когда писал, что “имея в основании пять и немного больше метров, стены башни постепенно сужаются, и на высоте пятого этажа ширина их уменьшается почти вдвое” [Щерблыкин И.П., 1928, с. 271]. Здесь нужно сделать поправку на

зрительное восприятие боевых башен. Стоя близ их подножия и глядя вверх, создается впечатление резкого убегания стен и если исходить только из этого впечатления, то можно сделать неправильный вывод об истинном соотношении ширины башен у основания и у перекрытия. Думается, что строители прекрасно знали о подобном оптическом эффекте и умело использовали его.

Соотношение высоты башен к их ширине у основания равно, по А.И. Робакидзе, 10:1. Это, по его же словам, свидетельствует “в первую очередь о чрезвычайно высоком уровне народных способов строительного искусства” [Робакидзе А.И., 1968, с. 68]. Д.Ю. Чахкиевым воссоздан большой список мастеров, возводивших башни. Он указывает на несомненный профессионализм народных зодчих [Чахкиев Д.Ю., 1987, с. 97 - 101].

Выбор места для устройства башни обычно диктовался стратегической необходимостью, о чем писали многие исследователи (В.Ф. Миллер, Л.П. Семенов, Е.И. Крупнов, М.Б. Мужухоев, Д.Ю. Чахкиев и др.). Но умение вписать постройку в окружающий ландшафт, придать ей именно ту высоту, которая будет гармонично сочетаться с абрисом гор и скал, в этом всегда заметен не просто каменщик-строитель, но и художник. Он, еще только проектируя здание, уже мысленно любовался им и затем стремился свои чувства передать зрителям. Интересно, что башенный декор всегда обращен к зрителю, а не в глухие стороны, замкнутые скальными отвесами или затененные другими постройками. В этом отношении особенно показательны многие башни высокогорий Чечни и Ингушетии (сел. Озми, Таргим, Шуан, Верхний Кокадой, на р. Кенохой-ахк и др., рис. 1) [Крупнов Е.И., 1971, с. 59 - 60, 74, рис. 11; 12; 24; Марковин В.И., 1980, с. 204, 236, 237, рис. 11,3; 27,2 и др.].

Все конструктивные детали боевых башен построены в соответствии с законами зеркальной симметрии. Четкая планировка, вполне ощутимая пропорциональность плюс строгая вертикальность (осевая) симметрия в расположении дверных и оконных проемов, бойниц, машикулей и даже главных элементов декора придают творениям местных зодчих вполне законченную стройность и зрительно еще более увеличивают их высоту.

Кладка проемов обычно отличается большей аккуратностью, но не это придает им необычайную декоративность. Главное здесь арочные завершения. В одном и том же здании можно видеть проемы различных конструкций – в виде каменного монолита с высеченным в нем арочным пролетом; в виде двух сближенных каменных блоков с

подобным пролетом; в виде трех блоков, из которых средний, образующий центральную часть арки, зажат боковыми; из двух сближающихся блоков с арочным выемом и перекрытых плоской плитой и, наконец, арочный пролет из клинчатых камней с примитивным замковым камнем в центре (рис. 4). При этом разные формы монолитов, блоков, клинчатых и замковых камней создают огромное число вариантов арочных перекрытий [Марковин В.И., 1975, с. 123 - 125, табл. I - IV; Он же, 1980, с. 195 - 198, 217, рис. 6, 1-4; 8, 1, 2; 16, 6-10; Он же, 1982, с. 34 - 35, рис. 3]. Они очень разнообразят облик башенных стен и прекрасно обыгрываются светотенью. Светотеневой эффект дают также небольшие, довольно симметрично расположенные бойницы и вентиляционные отверстия ("продухи"). При ярком солнце они создают контрастирующие пятна на фоне хорошо освещенных стен.

Башенный декор весьма разнообразен. Это прежде всего несложный углубленный узор, который в настоящее время кажется простым украшательством. Я имею в виду треугольнички, ромбы, квадраты и другие фигуры, сделанные методом симметричной выборки отдельных камней из плоскости стен (рис. 2, 1). Такой узор оживляет или середину стены, или же повторяется на равном расстоянии справа и слева от ее центральной оси. Можно думать, что в свое время в подобный декор вкладывалась определенная смысловая нагрузка.

Далее следуют изображения, несомненно, имевшие определенное значение. Таковы тамгообразные знаки в виде буквы "Т" (башни у сел. Гучан-Кале, в ущелье Тазбичи и др.). Если бы не дальнейшая трансформация этого знака, о чем можно судить по другим башням, то его можно было бы считать весьма примитивной тамгой. Но тогда странным бы оставалось то обстоятельство, что он встречается не на одном узком участке, а разбросан на достаточно широкой площадке, занятой башнями. Вполне возможно, что условное изображение креста, известного под названием "тав" и представляющего собой "руки, распростертые наподобие креста" [Сергиев И.И., 1896, с. 9, 15]. О том, что это своеобразная, стилизованная под крест человеческая фигура, свидетельствует хотя бы тот факт, что на башне сел. Хой у креста, изображенного со всех ее четырех сторон, имеется над горизонтальной перекладиной "голова" и отходящие от нее вниз короткие отрезки "кости рук" [Марковин В.И., 1965, с. 103; Он же, 1980, с. 195, рис. 5 - 8]. И, наконец, совершенно человекообразную форму эта фигура приобретает на склепе у сел. Лежг в Ингушетии [Крупнов Е.И., 1971, с. 66, рис. 17]. Наряду с указанными крестообразными изображениями, на башнях можно видеть обычные перекрестия как равноконечные,

так и с удлиненной вертикальной частью.

Так как кресты, о которых идет речь, часто по своей величине превышают небольшие оконные проемы, то производимый ими зрительный эффект трудно выразить одним словом. Они привлекают к себе внимание. Но необычайную декоративность башенным постройкам придают не так уж часто встречающиеся крестообразные изображения, которые условно можно назвать "крестом Голгофой" (рис. 5, 7-9). Выполнены они выемкой камней из кладки стен и напоминают человеческую фигуру, у которой широкой расставлены ноги и распростерты руки. Интересно, что изображение Голгофы на башне "Коцун Ёлов" в Цой-Педе (Малхиста) представляет собой мозаику, сложенную из кусков белого камня (рис. 6. 1.). Здесь голова Распятого выполнена барельефом [Исламов А.А., 1963, с. 141 - 142, рис. 6; Марковин В.И., 1980, с. 238 - 240, рис. 28, 2].

На памятниках христианской иконографии подобным образом трактуется распятие Иисуса Христа на горе Голгофе и на том самом месте, под которым находился череп "погребенного там первого человека - Адама" [Сергиев И.И., 1896, с. 85; Сказание..., 1904, с. 353, примеч. 51]. Иначе говоря, рисунок "креста Голгофы" является символическим рассказом о последних часах земной жизни Иисуса. Этим и объясняется популярность данного изобразительного сюжета у многих христианских народов. В том числе у грузин (рис. 5, 10, 11), на храмах которых он изображался уже с IX в., и особенно часто его можно видеть на стенах построек XIII - XVII веков [Амиранашвили Ш.Я., 1963, с. 273, 300 - 301, рис. 55, табл. 149]. Очевидно, через посредство Грузии данный мотив и попал к вайнахам [Марковин В.И., 1975, с. 126]. Ими он был несколько изменен и, без сомнения, получил специфическое национальное осмысление. Но вот какое? Если толкование креста Голгофы у христиан имеется даже в отдельных молитвословиях [Триодь..., 1856, листы 17, 101, оборот), то пока остается неясным отношение к этому символу у чеченцев и ингушей.

Как замечает Д.Ю. Чахкиев, кресты Голгофы можно видеть только на башнях "представителей наиболее сильных и знатных (эзди) тайпов" [Чахкиев Д.Ю., 1981, с. 53 - 55]. Значит, можно сделать вывод, такая символика связана со знатностью, что меняет акценты в смысловом содержании "Голгоф", удаляя его от христианских норм. Видимо, у вайнахов такие изображения должны были подчеркивать достоинство хозяина конкретной башни и, вполне возможно, служить универсальным оберегом. Интересно, что "Голгофы" на башнях всегда изображались на хорошо освещенных и обозреваемых стенах

[Чахкиев Д.Ю., 1981, с. 54].

Итак, кресты разнообразных очертаний являлись несомненным и одним из любимых декоративных элементов в убранстве башен. На них прежде всего должен был обратить внимание путник и, вступая в пределы тех или иных земель, уже заранее знал сколько могущественен владелец того или иного строения.

Башни вайнахов сложены из камней разной величины. Заметна определенная регулярность в их кладке, при этом между камнями не оставляли больших промежутков, а по краям и у основания клали самые крупные квадраты. Цветовая гамма кладки стен довольно однообразна – серая и серо-желтая, если строительным материалом являлись мергели и известняки, желто-коричневая, когда строители использовали песчаник и более пестрая – при употреблении оббитых речных валунов. И все же заметно, что строители стремились, чередуя цветовые оттенки камней, оживить монотонность кладки. В целом же общий тон башен нарушался только черными сланцевыми плитками, неизменно оттенявшими карнизы и ярусы пирамидально-ступенчатых покрытий с их навершиями (цлогал), всегда высекавшимися из белого камня [Умаров С.Ц., 1975, с. 246; Марковин В.И., 1994, с. 60 - 63, 69- 70, рис. 45; 46; 56; 59].

Однако наряду с обычной кладкой имелись особые ее элементы, должны обращать на себя внимание, свидетельствуя о мастерстве каменщика. Таковы линии поребрика – ряды каменных плит, поставленных на ребро в наклонном или вертикальном положении. Обычно цветовой гаммой они контрастируют с общим тоном стен. Встречаются также симметрично расположенные декоративные нишки. Кладка башни может иллюминироваться также речной галькой интенсивно темного или, наоборот, светлого цвета, образующей небольшие ряды, которые разбивают общую монотонность стен. Другим, как и поребрик, традиционным элементом декора являются тяги – выступающие из отвеса стен плиты. Они расположены плашмя по периметру стен или только с двух-трех сторон. Описанный архитектурный декор весьма красив и обычно украшает верхнюю часть построек.

По-видимому, для Ингушетии характерен и еще один вид декора – орнаментально-живописный. Я имею в виду узорчатые росписи, покрывающие башенные фасады и нанесенные на камень охрой (сел. Харпе, Таргим, Эгикал и др.) [Крупнов Е.И., 1971, с. 191 - 193, рис. 54, 55; Чахкиев Д.Ю., 1987, с. 104 - 105, рис. 1].

На стенах вайнахских башен довольно часто можно видеть каменные вставки с петроглифами (рис. 6, 2-4). И если они выбиты не

на арочных камнях и обрамлении проемов (а петроглифы порой украшают входы и окна), то вмонтированы в кладку вне симметрии и ритмики зданий, нарушая их архитектуру [Plaetschke В. 1929, S. 41, 54, Abb. 2; 12; Басилов В.Н., Кобычев В.П., 1971, с. 125; Марковин В.И., 1969, с. 104 - 105; Он же, 1980, с. 194 - 211, 239, рис. 5; 10; 14; 24]. Очевидно, будучи своеобразными закодированными рассказами и молениями, петроглифы должны были не сливаться со стенами зданий, только украшая их, а наоборот, особым образом привлекать внимание зрителей. В этом контексте и заключена их архитектурная особенность. Созерцая петроглифы, средневековый зритель настраивался на эмоционально более глубокое восприятие данной постройки. К сожалению, здесь нет места для специального рассмотрения подходов к осмыслению самих петроглифов [Кобычев В.П., 1973, с. 149 - 159; Умаров С.Ц., 1975, с. 246; Марковин В.И., 1988, с. 108 - 120].

Конечно, петроглифы необычным набором, составляющих их элементов, сложностью композиций и часто виртуозностью исполнения привносят в декоративный облик построек значительную долю той самой эмоциональной настроенности, о которой здесь так много говорится. Однако, не являясь конструктивной частью зданий, они не обязательны для каждого сооружения. Их появление на стенах зданий могло быть связано только с индивидуальной (личной), семейной и тейповой (условно-фамильной) историей владельцев башен, вот почему набор петроглифов на каждом сооружении имеет свой, особый, неповторимый характер.

Народная поговорка звучит: “Человеку при жизни нужна башня, после смерти – склеп”. Комментируя ее, проф. Л.П. Семенов писал: “Когда в старину выдавали замуж девушку, то ее родители осведомлялись, имеет ли жених башню и родовой склеп; если он их не имел, то считался неподходящим” [Семенов Л.П., 1963, с. 75]. Уже данный факт указывает на то, что башенные постройки должны были демонстрировать силу и духовную значительность своих владельцев. Здесь можно вспомнить еще замечание А.И. Робакидзе, – “боевая башня имела не только оборонное значение. Ее строили также в интересах показа своего достоинства и в качестве символа единства тейпа” [Робакидзе А.И., 1968, с. 69]. Вполне возможно, что с ростом осознания национальной и, условно назовем, фамильной и даже личной значимости, декоративному облику башен стало уделяться все большее внимание. Башня уподоблялась верному другу и должна была выглядеть красиво. Собранный материал позволяет сделать такой вывод.

Было бы интересно в дальнейшем продолжить изыскания в области

эстетических особенностей архитектуры вайнахов. Для башенных построек это позволило бы выяснить принадлежность тех или иных зданий определенным зодчим, выявить характерные для них строительные приемы, создать своеобразные художественно-типологические ряды от упрощенных зданий, лишенных или почти лишенных декора, до ярких, насыщенных декоративными элементами. Подобные исследования необходимы и при изучении склепов, святилищ и прочих построек. Каждое из подобных сооружений, несомненно, обладает своим, специфическим набором декоративных элементов. Это помогло бы подойти к созданию полновесной истории архитектуры вайнахов. Думаю, что для подобной работы еще придет свое время.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирнашвили Ш.Я.*, 1963. — История грузинского искусства. М.: Искусство.
- Басилов В.Н., Кобычев В.П.*, 1971. — Галгай – страна башен // СЭ, № 1.
- Гольдштейн А.Ф.*, 1975 — Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука.
- Гольдштейн А.Ф.*, 1977. — Башни в горах. М.: Советский художник.
- Исламов А.А.*, 1963. — К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна // Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. III, вып. I: Статьи и материалы по истории народов Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Карасаев А.Т., Мациев А.Г.*, 1978. — Русско-чеченский словарь. М.: Русский язык.
- Кобычев В.П.*, 1973. — Язык есть нем // СЭ, № 4.
- Кобычев В.П.*, 1982. — Поседение и жилище народов Северного Кавказа в XIX - XX вв. М.: Наука.
- Крупнов Е.И.*, 1971. — Средневековая Ингушетия. М.: Наука.
- Любимова Г.Н., Хан-Магомедов С.О.*, 1956. — Народная архитектура Южного Дагестана (табасаранская архитектура). М.
- Марковин В.И.*, 1962 — Исследование памятников средневековья в высокогорной Чечне // КСИА, вып. 90, М.
- Марковин В.И.*, 1965. В ущельях Аргуна и Фортанги. М.: Наука.
- Марковин В.И.*, 1969. — В стране вайнахов. М.: Искусство.
- Марковин В.И.*, 1975. — Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры // Архитектурное наследие, вып. 23. М.: Стройиздат.
- Марковин В.И.*, 1980 — Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957 - 1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука.
- Марковин В.И.*, 1982. — Заметки об ингушской архитектуре //

КСИА, вып. 172. М.

Марковин В.И., 1988 — К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Марковин В.И., 1994. — Каменная летопись страны вайнахов. М.: Русская книга (сост. Альбома М.А. Азиев, Д.Ю. Чахкиев, цв. Фото Н.А. Самсоненко).

Мужухоев М.Б., 1977. — Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII - XVII вв.). Грозный.

Робакидзе А.И., 1968. — Жилища и поселения горных ингушей / / Кавказский этнографический сборник, т. 2. Тбилиси.

Семенов Л.П., 1963. — Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925 - 1932 гг. Грозный.

Сергиев И.И. (св. *Иоанн Кронштадтский*), 1986. — О кресте Христовом. СПб.

Сказания..., 1904 — Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы. М. (репринт - М.: Бук чебэр, интернешнл, 1990).

Триодь..., 1856 — Триодь цветная. М.: Синодальная типография.

Умаров С.Ц., 1975. — Архитектура позднесредневековой горной Чечено-Ингушетии // Памятники Отечества, кн. 2. М.: Современник.

Умаров С.Ц., 1976. — Археологические исследования в высокогорных районах Чечни в 1968 году // Археолого-этнографический сборник, т. IV. Грозный.

Хасиев С.А., 1981 — К традиционному отсчету времени у вайнахов // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный.

Чахкиев Д.Ю., 1981 — О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами – “Голгофами” // Этнография и вопросы религиозных воззрений..., Грозный.

Чахкиев Д.Ю., 1987. — Мастера-строители у вайнахов в XVII - начале XIX вв. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный.

Шевелев И.Ш., 1986. — Принцип пропорции. М.: Стройиздат.

Щеблыкин И.П., 1928. — Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // Известия Ингушского НИИ краеведения, вып. I. Владикавказ.

Plaetschke Bruno, 1929. — Die Tschetschenen. Hamburg.

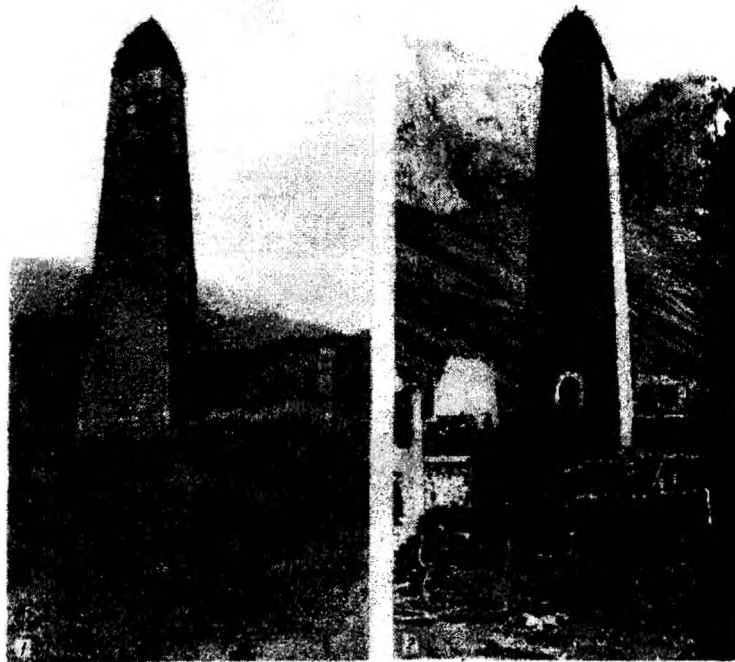

Рис. 1. Вайнахские боевые башни. 1 – сел. Хайбахой (Чечня, снимок 1964 г.); 2 – сел. Озми (Ингушетия, снимок 1928 г. И.П. Щеблыкина)

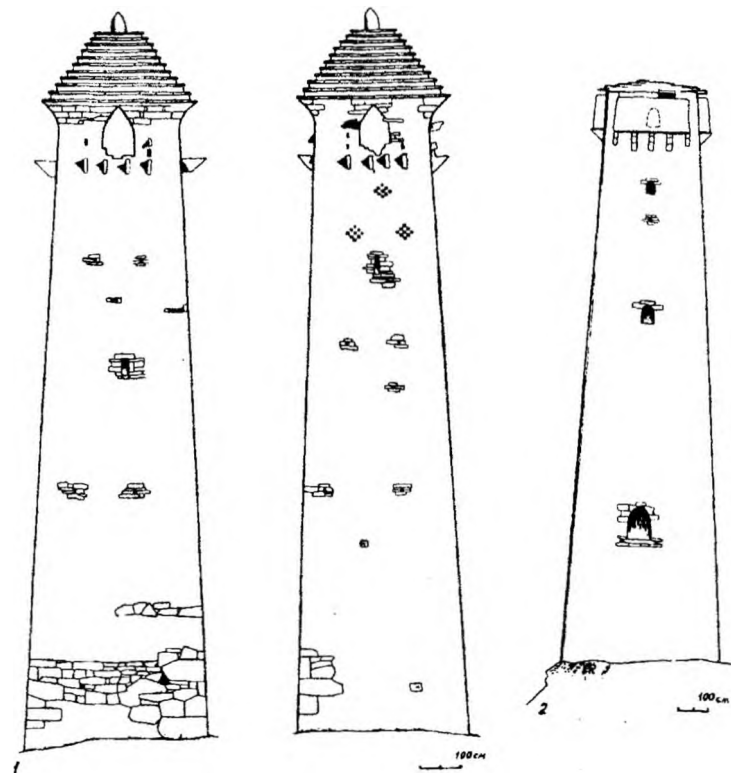

Рис. 2. Боевые башни Чечни (бассейн р. Чанты-Аргун). 1 - восточная северная стены башни у сел. Тазбичи (машикули – боевые балкончики сломаны); 2 – западная стена башни Шула. Обмеры В.И. Марковина.

Рис. 3. Башня Шула с плоским покрытием (снимок 1960 г.).

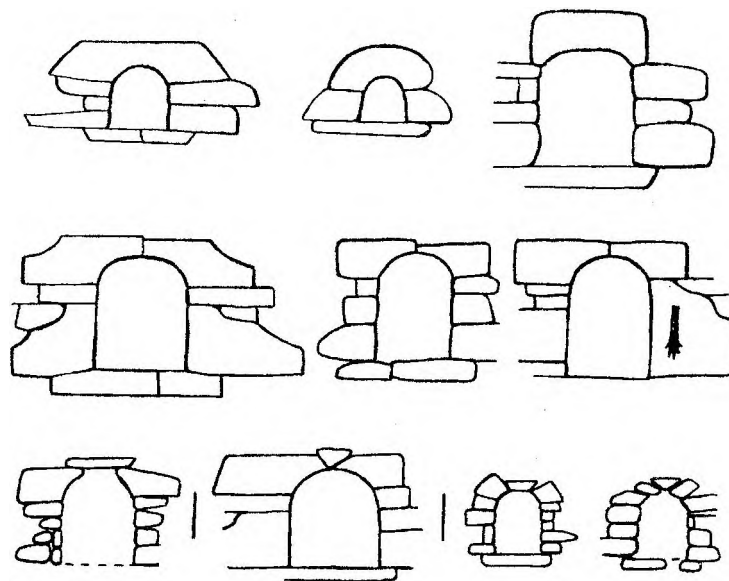

Рис. 4. Арочные конструкции дверных и оконных проемов в вайнахских башнях (разные районы Чечни и Ингушетии). 1 – Гучан – Кале; 2,5 – Эрзи; 3 – Харпе; 4 – Пакоч; 5 – Хайбахой (с петроглифом – изображением руки); 7 – Бейни; 8 – Карт; 9,10 – Фалхан.

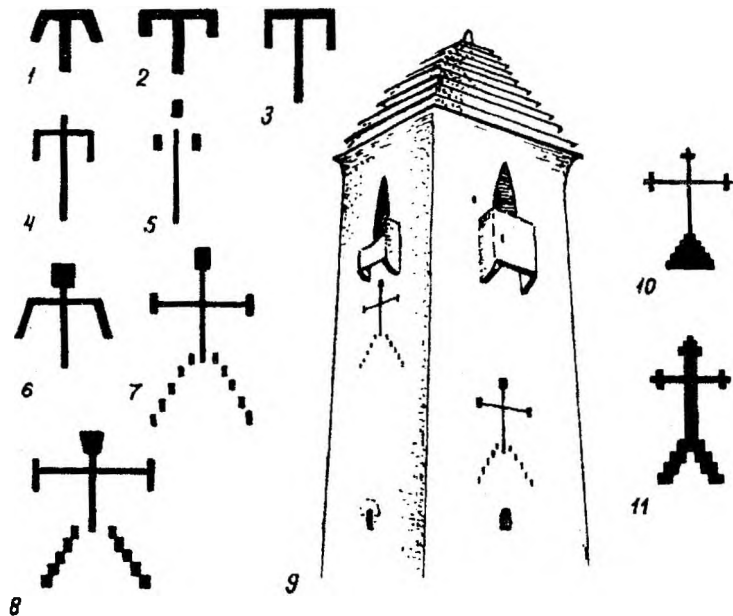
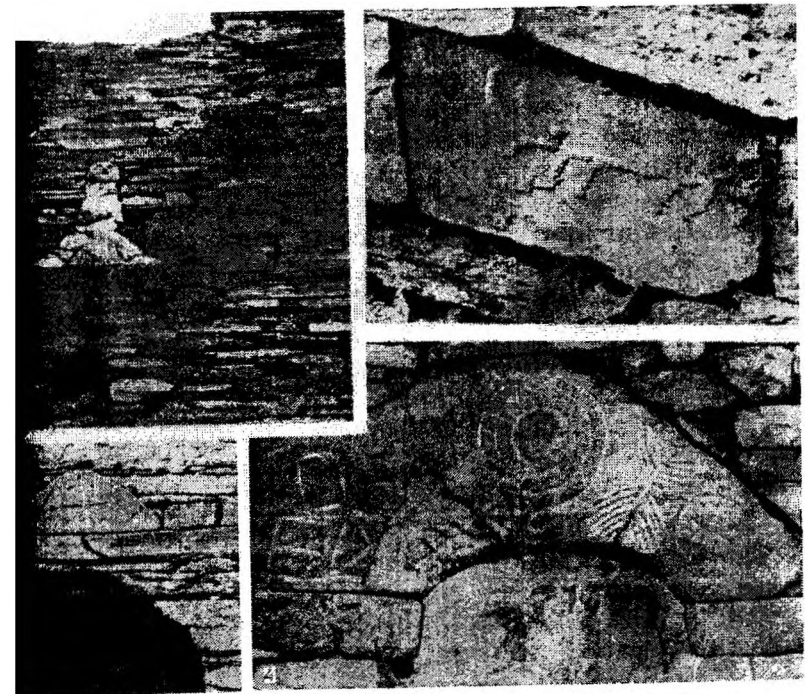

Рис. 5. Крестообразный декор вайнахских (1-9) и грузинских памятников (10, 11). 1 – Гучан - Кале; 2 – Дёре II; 3 – Лялах; 4 – Хой; 5 – Белхан; 6 – Лежги; 7 – Таргин; 8 – Верхний Лейми; 9 – Эгикал (1, 2, 4, 5, 7-9 – боевые башни, 3, 5 – склепы); 10 – башня в сел. Пца; 11 – храм в сел. Греми.

Чечня. Башенный декор (1) и образцы петроглифов (2-4).
— Цой-Педе; 2 -- Дёре; 4 — Хой.

М.М. Маммаев
**НЕКОТОРЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИСТОРИИ
ЗИРИХГЕРАНА — КУБАЧИ**

Знаменитый центр оружейников и златокузнецов селение Кубачи относится к числу древнейших населенных пунктов Дагестана. В раннем средневековье оно являлось столицей государственного образования Зирихгеран, игравшего активную роль в экономической, политической и культурной жизни Дагестана.

Древность истории Зирихгерана – Кубачи засвидетельствована не только сведениями средневековых арабских и персидских письменных источников, дагестанских исторических хроник, различного рода преданиями и легендами, памятниками искусства и эпиграфики, но и археологическими данными, правда, пока весьма малочисленными.

В настоящей работе дается обзор известных к настоящему времени археологических данных, важных для освещения наиболее слабо изученного периода истории Зирихгерана – Кубачи.

Заселенность Кубачино-даргинского нагорья еще в глубокой древности подтверждается выявленными здесь наскальными изображениями – писаницами, образующими крупнейший в горном Дагестане очаг древних рисунков на скалах, выполненных минеральной краской. У селений Трисанчи, Зильбачи, Кудагу и вблизи ицаринского хутора Санжи Дахадаевского района выявлено 17 местонахождений рисованных изображений [Котович В.М., 1971а, с. 98; 1971б, с. 129-130; 1974, с. 32; 1978, с. 3-4; 1994, с. 393-659, 660-780], насчитывающих около трех тысяч разнообразных рисунков, выполненных линейными и точечными рисунками красной и желтой краской разных оттенков.

Изображения, нанесенные на стены грота в урочище Къяцнала-нехи близ хутора Санжи (рис. 1) представляют собой безоаровые козлы, олени, лошади, всадники, солярные знаки и геометрические фигуры, которые по стилистическим особенностям рисунков и характеру их сюжетных композиций датируются эпохой бронзы и раннего железа [Котович В.М., 1978, с. 4; 1994, с. 714, 727] (IV – конец II тыс. до н.э.).

Шестнадцать разнообразных по тематике и сюжетам местонахождении древних наскальных рисунков сосредоточены на сравнительно небольшой территории между селениями Трисанчи (Рис 2), Зубанчи и Кудагу [Котович В.М., 1974, с. 32; 1994, с. 686-687, 727-728]

Рисунки эти представляют собой линейные схематичные изображения всадников, людей, безоаровых козлов, оленей, лошадей,

быков, птиц, сцен охоты и батальных сцен, различных солярных символов, а также многочисленные точечные знаки, сочетания которых нередко образуют самостоятельные рисунки. Датируются они, как и наскальные изображения у хутора Санжи, в пределах эпохи ранней бронзы и раннежелезного века (IV - II тыс. до н.э.) [Котович В.М., 1994, с. 686, 727].

Древние наскальные изображения являются своеобразным и важным историческим источником, позволяющим раскрыть важнейшие стороны общественного бытия далекого прошлого, проникнуть в духовный мир первобытных людей, познать их мировоззрение и эстетические представления.

Наскальные рисунки, выявленные в Дахадаевском районе, вместе с известными в настоящее время в других горных районах Дагестана местонахождениями древних писаниц образуют крупнейший на Кавказе очаг древних рисованных наскальных изображений, хронологические рамки которых определяются от эпохи мезолита вплоть до эпохи раннего железа [Котович В.М., 1976, с. 98]. Имеющиеся к настоящему времени материалы, хотя и весьма скудные, позволяют говорить об обитаемости Кубачино-даргинского нагорья, по крайней мере, с эпохи энеолита и ранней бронзы (V - IV тыс. до н.э.). Об этом же свидетельствуют и многочисленные земледельческие террасы (по-кубачински “Талтме”) вблизи Кубачи, Амузги, Урцаки и других селений. Особенно производят впечатление располагающиеся огромным амфитеатром террасы в окрестностях селения Шири, а также кажущиеся издали гигантскими лестницами террасы у сел. Ицари и Ураги.

Создание искусственных земледельческих террас в Дагестане берет свое начало с эпохи энеолита, а в последующие века террасная система земледелия была значительно усовершенствована и основательно разработана [Гаджиев М.Г., 1980, с. 11; 1991, с. 177-180; Агларов М.А., 1986, с. 50-62]. По мнению крупнейшего специалиста по изучению террасной системы земледелия проф. М.А. Агларова, как по общим масштабам, так и по интенсивности, глубине разработок полей, Дагестан, безусловно, является одним из ярких и крупных мировых очагов террасного земледелия [Агларов М.А., 1986, с. 50]

При недостатке фактических данных для освещения вопросов древней истории Кубачино-даргинского нагорья значительную научную ценность приобретают даже единичные, случайно обнаруженные археологические находки. К ним относится хранящаяся ныне в краеведческом музее средней школы сел. Уркарах ладьевидная зернотерка в виде плоского, продолговатого крупного речного валуна, расколотого вдоль длинной оси. Поверхность раскола, подвергнутая

специальной обработке, использовалась для помола зерна. Из-за ее сработанности вследствие длительного использования она приобрела вогнутые очертания, придающие зернотерке характерный ладьевидный облик.

Зернотерка эта была обнаружена в 5-6 км. юго-западнее сел. Уркарах, на одном из горных склонов между селениями Уркарах и Меусиша¹. Возможно, на этом склоне находится поселение эпохи бронзы, которое никем из специалистов-археологов еще не обследовано. Аналогичные ладьевидные зернотерки широко представлены в комплексах раннеземледельческих поселений IV - III тыс. до н.э. и более позднего времени Дагестана и Кавказа. [Котович В.М., 1965, с. 106-107, рис. 42,7; Гаджиев М.Г., 1991, с. 53, рис. 9, 23; с. 81, 185.] До появления круглых ручных каменных жерновов в начале I тыс. н.э. они служили основным орудием помола зерна.

Определенный интерес представляет также относящаяся к III - II тыс. до н.э. каменная шаровидная булава с блестящей полированной поверхностью и центральным просверленным отверстием для рукояти. случайно обнаруженная в 1977 г. при разборке ветхого жилого дома Мамаевой И. в верхнем квартале старой части пос. Кубачи. Трудно достоверно установить, как эта булава оказалась в кладке верхнего этажа жилого дома, но можно предположить следующее: еще в XIX в. при добыче строительного камня или же при выборке глины на глинищах для ее использования в качестве связующего материала при возведении стен дома где-то поблизости была найдена булава, которая затем была уложена в стену, может быть, как оберег, как необычный и особо почитаемый предмет. Однако не исключено и другое. Возможно, булава происходит из курганов, находившихся поблизости от сел. Кубачи (о них речь пойдет дальше) и раскапывавшихся местными жителями в XIX в.

Подобные шаровидные булавы, изготовленные из различных пород камня – мергеля, диабазы, арагонита, мрамора, известняка и гематита обнаружены в Дагестане и в других областях Кавказа при исследовании многих памятников бронзового века (Верхнегунибское, Великентское, Каякентское. Мамайкутанское поселения, Гинчинский, Чиркейский, Великентский и другие могильники) [Гаджиев М.Г., 1988, с. 13; Котович В.М., с. 133-135] Археологи рассматривают эти булавы как предметы вооружения и как символы власти – жезлы родовых старейшин или глав патриархальных семей.

К XIII – XII вв. до н.э. относится происходящий из сел. Кубачи

1. Сообщение учителя русского языка и литературы Уркарахской средней школы (в 1990 г. студента-заочника филфака Даггосуниверситета) Кубаева Рабадана.

бронзовый длиннолезвийный топор с орнаментированным обухом, хранящийся ныне в Государственном Эрмитаже [Круглов Е.И., 1958, с. 76; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993, с. 216]. Не меньший интерес представляют также относящиеся к концу II тыс. до н.э. и первой половине I тыс. до н.э. (эпохе раннего железа) бронзовые культовые статуэтки (рис. 3) и навершие жезла, происходящие из сел. Кубачи и опубликованные А.А. Захаровым [1933, р. 65-115], Е.Е. Кузьминой [1973, с. 178-190, рис. 1; Ковалевская В.Б., 1977, с. 64-65], Давудовым О. М. [1974, с. 84-85, табл. XVI, 3,4; XVII, 1] и В.И. Марковиным [1986, с. 74-117]. Статуэтки эти ныне хранятся в Государственном историческом музее в г. Москве, а навершие с двумя всадниками – в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург).

Подобные антропоморфные и зооморфные статуэтки, представляющие собой произведения культовой скульптуры малых форм и характеризующие уровень развития древнего художественного бронзового литья, а также различные идеологические воззрения древних дагестанских племен и связанные с ними культовые обряды, в значительном количестве выявлены в высокогорных святилищах Дагестана. Статуэтки эти были связаны с культом плодородия и использовались во время особых языческих молебствований и ритуальных церемоний, совершавшихся на вершинах гор, на холмах и в рощах, где находились святилища [Марковин В.И., 1986, с. 112-117].

Касаясь культовых статуэток, происходящих из сел. Кубачи, нельзя не отметить того, что на тулове кубачинского бронзового котла так называемого открытого типа, из собрания музея антропологии и этнографии в г. С. – Петербурге, датируемого А.Д. Грачом XIX в., представлены рельефные изображения восьми однотипных антропоморфных статуэток, располагающихся попарно по окружности верха полушаровидного тулова [1953, с. 317-331, рис. 1-6]. Все статуэтки изображены фронтально, с поднятыми вверх руками, согнутыми в локтях и с несоразмерно большими растопыренными пальцами, т.е. в той манере и позе, в которой изображена серия дагестанских культовых статуэток I тыс. до н.э. [Грач А.Д., 1953, с. 329, рис. 7, 2-7; Zakharov A.A., 1933; Марковин В.И., 1986, с. 76, рис. 2,5; с. 82, рис. 4,5].

По поводу того, почему на тулове этого котла изображены отмеченные статуэтки, можно строить разные предположения. Но представляется бесспорным то, что мастер-литейщик хорошо знал подобные статуэтки, которые, возможно, были найдены в окрестностях сел. Кубачи. Можно даже допустить, что древние статуэтки были использованы мастером при литье котла в качестве лома для переплавки

ввиду дефицита меди или бронзы.

Древняя бронзовая культовая скульптура Дагестана, включая малую скульптуру из сел. Кубачи, находит аналогии в статуэтках людей и животных, обнаруженных на древних святилищах в районе Аргунского ущелья в Чечено-Ингушетии [Виноградов В.Б., 1972, с. 280-281, 353, 364, 383, рис. 37, 48, 57], а также среди статуэток Закавказья и Передней Азии [Амиранашвили Ш.Я., 1963, с. 41-46, табл. 6-7; Давудов О.М., 1974, с. 90-91; Есаян С.А., Мнацанакян А.О., 1970, с. 157-168; Tallgren A.M., 1930, p. 109-182; 1930, p. 48-55; Марковин В.И., 1986, с. 96-101, рис. 13-14]. Вместе с тем антропоморфная и анималистическая скульптура Дагестана эпохи поздней бронзы и раннего железа обладает в целом чертами местного своеобразия и самобытности, которые проявляются в особенностях стиля статуэток и в приемах трактовки воплощенных в них образов [Маммаев М.М., 1989, с. 26].

Малая металлопластика Дагестана, относящаяся к концу II тыс. до н.э. – первой половине I тыс. до н.э. – это один из древнейших видов изобразительного искусства дагестанских племен, который входит в широкий круг древней мелкой культовой скульптуры, образуя одну из ее локальных групп и отражая, вероятно, особенности местной этнокультурной среды.

Довольно плотная заселенность территории Кубачино-даргинского нагорья и сравнительно широкое освоение ее земледельческо-скотоводческим населением в начале I тыс. н.э. находит подтверждение в выявленных и частично изученных в Дахадаевском районе поселениях и могильниках раннеалбанского времени и эпохи раннего средневековья. Памятники эти характеризуют новый этап в развитии материальной культуры, хозяйственно-экономической деятельности и идеологических представлений местного населения.

Богатый и весьма разнообразный инвентарь – керамические сосуды, бронзовые и серебряные украшения, предметы вооружения – доспехи, мечи, кинжалы, кольчуга, железный шлем и другие предметы выявлены при исследовании могильника на северо-западной окраине сел. Калки [Салихов Б.М., 1985, с. 167-187] (в 35 км к северо-востоку от сел. Кубачи), административно входящего в состав Дибгашинской сельской администрации Дахадаевского района. Могильник датируется в пределах III – V вв. н.э., а инвентарь из него в целом находит соответствующие аналогии в материалах синхронных памятников предгорного и горного Дагестана – Урцекского городища и могильника Карабудахкенского. Таркинского. Хабдинского. Цыйшинского могильников, Большого Буйнакского кургана. Вместе с тем материалы

Калкинского могильника характеризуют черты некоторого локального своеобразия материальной культуры и идеологических воззрений местного населения, проявляющегося в особенностях форм керамических изделий и характера их декоративной отделки, а также в своеобразии типов отдельных металлических украшений, предметов военного доспеха, деталей погребального обряда. Эти материалы служат также показателем высокого уровня развития ремесла в III – V вв. до н.э., в особенности металлообработки и керамического производства.

Синхронный Калкинскому могильник III – V вв. н.э. выявлен и у сел. Ираки [Салихов Б.М., 1994, с. 14-15] (Дибгашинская сельская администрация), где обнаружены сероглиняный кувшин с желобчатым сливом, железные и бронзовые пряжки, бусы, фрагменты керамических кувшинов с каннелюрованной поверхностью, мисочка и т.д., показывающие некоторое своеобразие местной культуры албано-сарматского и раннесредневекового времени при наличии многих общих черт с культурой других регионов горного Дагестана.

Несколько разновременных памятников – поселения и могильники – известны и вблизи сел. Дибгаша [Котович В.Г., Котович В.М., 1958, с. 24-25; Исаков М.И., 1966, с. 23; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993, с. 214-215], которые, к сожалению, не подвергнуты еще стационарным археологическим исследованиям. На территории этих поселений встречаются обломки керамической посуды албано-сарматской и раннесредневековой эпохи (II – I вв. до н.э. – VII – начало VIII вв. до н.э.) [Котович В.Г., Котович В.М., 1958, с. 25].

Исключительно богатый инвентарь, в том числе высокохудожественные изделия из золота, серебра и бронзы содержала каменная гробница IV-V веков н.э., обнаруженная при строительных работах в 1978 г. на окраине села Ираги (в 36 км северо-восточнее сел. Кубачи) [Давудов О.М., Котович В.Г., 1979, с. 36; Давудов О.М., 1979, с. 184-187; 1984, с. 77-87], входящего в состав Кудагинской сельской администрации. В могиле были найдены четыре глиняных сосуда со сливным носиком, золотые серьги с зернью и филигранью, золотые же зубочистка, ухвертка, зооморфные и геометрических форм нашивные бляшки с инкрустациями из самоцветов, застёжки - фибулы, серебряные блюдо и флакон для благовоний, бронзовые браслеты, пряжки, а также бусы из сердолика, агата, египетского фаянса, янтаря и другие предметы².

Среди этих изделий особый интерес вызывает серебряное блюдо в виде низкой фиалы с широкими утолщенными краями и на низком

2. Находки из Ирагинской гробницы. Ныне хранятся в ДМИИ и в археологических фондах Институт ИАЭ ДНЦ РАН.

кольцевом поддоне (рис. 4). Оно украшено 12 чеканными округлыми медальонами, соединенными с центральным медальоном на дне двойными рельефными, радиально расходящимися линиями. Между медальонами помещены чеканные стилизованные изображения лотосов, обращенные трилистниками к краю блюда. В центре каждого лотоса помещен знак, нанесенный чеканом с обратной стороны. Параллельно утолщенному краю блюда проходит двойной пояс из небольших рельефных выпуклин. Дно блюда изнутри украшено орнаментом с чернью. По краю располагается меандр, а в центре находится многолепестковая розетка, оконтурованная полоской из чередующихся попеременно остроконечных и закругленных лепестков. Причем закругленные лепестки внутри детализированы еще гравировкой и отделаны чернью.

Обстоятельно изучив серебряное блюдо из ирагинской гробницы, О.М. Давудов сделал заключение о том, что оно “изготовлено местным (т.е. дагестанским, - М.М.) мастером, знакомым с центрально-грузинскими традициями торевтики” [1984, с. 80, 86]. К этому следует добавить, что ирагинское блюдо служит свидетельством того, что искусство черни, достигшее высокой степени развития в XIX -XX вв. в сел. Кубачи, Кумух и других известных центрах художественной обработки металла, было известно в Дагестане еще с очень глубокой древности.

Исключительно высокое мастерство древних ювелиров демонстрируют тончайшей работы изысканные золотые ажурные серьги, различных форм бляшки, инкрустированные самоцветами и другие золотые изделия из ирагинской гробницы.

К раннему средневековью – V - началу VIII в. н.э. относится каменная гробница, доисследованная на могильнике, находящемся в 1,5 км северо-западнее райцентра Дахадаевского района сел. Уркарах, в местности, носящей название Уржи-айла-илала [Маммаев, 1972а, с. 1-9; он же, 1972б, с. 156]³.

При добыче камня для строительства домов жителями Уркараха в конце 60-х и начале 70-х годов XX в. могильник был разрушен. В 1970 г. добытчиками камня была обнаружена каменная гробница с коллективными захоронениями. Плиты перекрытия гробницы были

3. Нахождение на территории поселения, расположенного в непосредственной близости от могильника, фундаментов белоантробированной, а также сродошенной керамики, относящейся к I-III ввю н.э., позволяет полагать, что этот могильник содержал погребения и начала I тыс. до н.э.

проломлены, а вещи из нее изъяты. часть которых – два глиняных сосуда, бусы, бронзовая височная подвеска с четырнадцатигранником поступили в музей уркарахской средней школы, а остальные предметы разошлись по рукам местных жителей.

Севернее могильника, на небольшом склоне горы располагалось синхронное могильнику поселение, территория которого довольно долгое время засеивалась уркарахцами ячменем и картофелем. На территории поселения встречаются фрагменты керамических сосудов, характерных албано-сарматскому периоду и раннесредневековой эпохе. Поселение было разрушено до основания в начале VIII в н.э., вероятно, во время нашествия арабов. Оставшиеся в живых жители его, согласно местным преданиям, переселились в древний Уркарах, располагавшийся на самой верхней части современного Уркараха, носящей название ЧибяxI ши (Верхнее селение). Происходящие из уркарахской гробницы глиняные кувшины сероватого цвета (рис. 5) имеют уплощенно-шаровидные тулова, высокие, плавно суживающиеся кверху горловины, снабженные у венчика вытянутыми вперед небольшими сливными носиками, круглые в сечении ручки, укрепленные одним концом чуть ниже венчика, а другим – у основания горловины. Один из кувшинов по основанию горловины украшен полосой елочного узора, а на переднюю часть тулова рельефом и с помощью елочного узора нанесен символ “древа жизни”, утратившего свои реальные черты, изначальное смысловое значение и превратившегося в чисто декоративный элемент (Рис. 5). То, что это “древо жизни” можно узнать лишь по аналогии с кувшинами V - начала VIII вв. из Урцекского городища и могильника, городища Таргу и других памятников Дагестана эпохи раннего средневековья [Маммаев М.М, 1967, с. 148-164, рис. 1-5].

Обнаруженные в уркарахской гробнице литая бронзовая височная подвеска с четырнадцатигранником, наконечник ремня, бронзовые заклепки с полусферическими шляпками, а также бусы из сердолика и стекла находят аналогии в материалах перечисленных выше и ряда других памятников Дагестана периода V - начала VIII вв. н.э. [Атаев Д.М., 1963, с. 50-57, 62-63, 76-77].

К сожалению, малочисленность находок из могильника Уржи – айла близ Уркараха не позволяет подробно осветить вопросы истории и материальной культуры населения, обитавшего в раннем средневековье в той области Дагестана, которой письменные источники X-XI вв. называют Карахом, а известный востоковед проф. В.Ф. Минорский отождествляет его с современным Уркарахом [1963, с. 129-130].

Вместе с тем имеющиеся материалы подтверждают древность истории сел. Уркарах, уходящей своими истоками, по крайней мере, не позднее начала I тыс. нашей эры.

Поселение и могильник, относящиеся к албано-сарматскому времени и эпохе раннего средневековья, известны и вблизи сел. Кубачи. Поселение находится в 5-6 км. северо-восточнее сел. Кубачи, по правую сторону дороги из этого селения в райцентр Уркарах, а в прошлом – и в сел. Калакорейш, на развилке дорог, в местности, известной у кубачинцев под названием Дешижила или Дешланахъ. Оно было осмотрено еще в начале 20-х годов XX в. проф. А.С. Башкировым [1927, с. 237], а позднее в 1964 г. – В.Г. Котовичем и М.М. Маммаевым [Котович В.Г. и др., 1964, с. 98], проводившими разведочное обследование памятников. Повторно осмотрено нами в 1994 г.

Поселение занимало южный склон небольшой горы, площадью примерно 210 x 285 м. На его поверхности в разных частях имеются бесформенные кучи каменных завалов, диаметром в среднем 6-8 и более м, а также впадины – остатки развалившихся зданий. Но основная территория поселения покрыта поросшей травой дерном. С северной стороны поселения находится обрыв, высотой более 30 м, непосредственно примыкающий к участку автодороги из Кубачи в Уркарах и Калакорейш. При строительстве этой дороги в 30-х гг. и при ее расширении в начале 60-х гг. северо-западная оконечность поселения была снесена.

На поверхности поселения встречаются фрагменты раннесредневековой гончарной посуды: от хумов розовато-красного цвета со сплошной штриховкой внешней поверхности, других небольших сосудов красноватого цвета с заглаженной поверхностью, а также обломки круглых в сечении ручек от красноглиняных кувшинов, аналогичных кувшинам из могильника Уржи-айла близ сел. Уркарах. Северо-западнее поселения, в 35-40 м. от него находится место, где, вероятно, расположен могильник. Место это у кубачинцев называется “*хазна ГъабилтІнала*” что означает “место выкапывания сокровища” (богатства)⁴. Е.М. Шиллинг отмечает, что в местности “Хазна ГъабилтІнала” отдельные жители Кубачи “искали клад и находили браслеты, кольца, и другие предметы” [1949, с. 12].

Археологические работы на поселении и могильнике не проводились. На основе подъемного материала эти памятники предварительно можно отнести к албано-сарматскому времени и эпохе

4. Слово “Хазна” применительно к данной ситуации кубачинцами произносится не в прямом смысле, а с оттенком иронии.

раннего средневековья – III - нач. VIII в. н.э. Возможно, что поселение возникло еще в начале I тыс. н.э., так как место его расположения является достаточно удобным и выгодным в стратегическом отношении и в плане хозяйственно-экономической деятельности. Однако хронология поселения может быть уточнена лишь после проведения на нем стационарных исследований.

По кубачинским преданиям, жители поселения Дешижила вместе с жителями других родовых поселков урбугцев (угъбуг) объединились с жителями сел. Кубачи [1949, с. 7].

Судя по некоторым сведениям, в 70-х годах XIX в. близ селения Кубачи раскапывались курганы, в которых были найдены различные “медные, серебряные и золотые вещи”. Об этом пишет М.И. Исаков [1966, с. 24], ссылаясь на работу А. Ройнова “О древностях Дагестана”, написанную в 1885 г. и хранящуюся в прошлом в отделе рукописей Государственного музея истории Грузии, а ныне находящаяся в Институте рукописей АН Грузии.

К сожалению, по работе А. Ройнова нельзя составить конкретное представление ни о самих вещах, найденных при раскопках упомянутых курганов, ни об их хронологии и т.д. Чтобы читатель мог иметь представление о содержании той части рукописи А. Ройнова, которая касается кубачинских курганов, приведем выписки из нее, сделанные проф. А.А. Магомедовым⁵ и присланные мне из г. Тбилиси в 1995 г.:

“Нам в одну из поездок по Южному Дагестану – пишет А. Ройнов, – пришлось слышать следующий рассказ: несколько лет тому назад, приблизительно 12-15 лет, недалеко от аула Кубачи, Кайтаго-Табасаранского округа, пастухи стали находить на одном холме разные медные, серебряные и даже золотые вещи, которые потом продавали

5. Приношу искреннюю благодарность ведущему научному сотруднику Института языкознания АН Грузии, доктору филолог. наук, проф. А.А. Магомедову, приславшему мне подробное изложение содержания рукописной работы А. Ройнова и выписки из нее, касающиеся раскопанных в сел. Кубачи курганов, хотя сделать все это в настоящее время оказалось делом непростым — сначала нужно было пойти в Отдел рукописей Государственного музея истории Грузии, а оттуда — в Институт рукописей АН Грузии, так как материалы упомянутого Отдела оказались переданными этому Институту охраняемому милицейским постом, а вход в него разрешен только по пропускам. Потом, после того, как были сделаны выписки (из-за отсутствия возможности сделать ксерокопии) возникла еще проблема – привожу выдержку из письма А.А. Магомедова — “как переслать (выписки), окажется ли скоро едущий в Махачкалу, возьмет ли письмо? Почта, телефон не действуют. Лишен всяких контактов”. В конце письма наш земляк добавляет: “Сожалею, что не могу приехать на Родину, я стал иностранцем, для которого граница на замке”.

местным серебряных дел мастерам. Слух об этих находках дошел до местных владельцев беков, которые немедленно разрыли несколько курганов и, будто бы, добыли много ценных вещей.

По рассказам о раскопках этих курганов, принимавшие участие в работе, заявили следующее: на середине каждого из разрытых холмов была найдена правильная кругообразная яма – могила, диаметр которой равнялся, приблизительно, двум сажням, а глубина – одной сажени. В центре этой могилы было сделано еще углубление, также круглое с диаметром в 1 аршин и глубиной столько же. В этом небольшом углублении находились, будто бы, разные древние вещи. Затем радиусообразно головами к вещам, лежали человеческие скелеты, числом от 10-12-ти.

Подобных курганов и нам встречалось там же несколько, но за неимением времени и вообще возможности, мы не могли заняться раскопками их”.

На основе процитированного сообщения А. Ройнова, побывавшего в 1885 г. в сел. Кубачи и сделавшего великолепную фотографию его общего вида [Башкиров А.С., 1931, табл. 1; Искусство Кубачи, 1976, илл. 122], можно было бы строить догадки о том, что раскопки велись на вершине горы Цицила, в 2-х км южнее селения, где до сих пор сохранились три курганообразных холма. Однако из содержания работы А. Ройнова видно, что в ней речь идет о значительно большем количестве раскопанных курганов. Поэтому можно предположить, что курганы эти находились в местности Ихакажила, где ныне располагается поселок Новый Кубачи, выросший начиная с 70-х годов XX в. Местность эта – единственное относительно ровное плато вблизи старого селения Кубачи, наиболее подходящее для возведения курганов. Кроме того, наше предположение основано на том, что еще в начале 50-х годов нашего столетия почти в центре отмеченного плато находился искусственный, но сильно оплывший холм, представляющий собой, вероятно древний курган. Местные жители называли его “урусла хяб” – могила неверных, или домусульманская могила. Само плато – курганное поле вспахивалось и засеивалось колхозом им. Э. Тельмана сел. Кубачи. В процессе многократных вспашек поля курганные насыпи были, вероятно, сравнены с землей, за исключением рассматриваемого здесь, может быть наибольшего среди других.

У местных жителей, особенно у пожилых людей существовало особое отношение к кургану: при заболевании лошади ее несколько раз обводили вокруг холма, а если подозревали в сглазе, то нал животным, после обведения вокруг холма, совершали еще особую

процедуру “лечения” от сглаза.

Курганы близ Кубачи раскапывались в XIX в., надо полагать, в кладоискательских целях, когда на Кавказе и в Дагестане значительно активизировалась деятельность по раскопкам памятников древности в связи с подготовкой к V археологическому съезду в Тифлисе (состоялся в 1881 г.). Проводившиеся в то время в довольно широких масштабах археологические раскопки курганов в районе г. Дербента А.А. Русовым, Н.О. Цицосани, К.А. Баером, А.С. Уваровым и другими [Мунчаев Р.М., 1959, с. 10-11], видимо возбудили интерес к кубачинским курганам, подогреваемый еще широко распространенным и в то время не только среди жителей, но и среди исследователей слухами, будто бы в курганах спрятаны золото и всевозможные драгоценные предметы. О двух исследователях, преследовавших при раскопках чисто кладоискательские цели, видный русский археолог, граф А.С. Уваров писал: “... производя раскопки огромных курганов в районе Дербента, они вообразили себе эти курганы наполненными золотом и всевозможными редкими предметами, но, к сожалению, чем больше они рыли, тем приходили к большому разочарованию. Раскрывая курган они находили в нем такой беспорядок, такой незатейливый обряд погребения, что у них решительно отнималась всякая энергия для продолжения дальнейших разысканий” [Уваров А.С., 1887, с. 61].

Можно, допустить, что курганы близ Кубачи были сооружены в эпоху бронзы, так как в последующие века в горной части Дагестана традиции возведения курганов над погребениями исчезают. А само поселение, одновременное курганному могильнику, располагалось, вероятнее всего, на месте современного верхнего квартала старой части сел Кубачи, где ныне находятся средневековые оборонительные башни Кунакла-кала и Акайла-кала, и далее – по южному склону. Место это весьма удобное и соответствующее тем основным принципам выбора места для поселения, которым придерживались племена горного Дагестана в эпоху бронзы [Котович В.М., 1965, с. 83-85; Гаджиев М.Г., 1983, с. 38].

Отметим еще одну из случайных находок, обнаруженных в самом селении Кубачи и имеющих непосредственное отношение к рассматриваемым в данной работе вопросам. В 1938 году в этом селении при закладке фундамента дома была найдена аббасидская золотая монета – динар, чеканенный в Арабском халифате в 200 году хиджры = 815/816 г. н.э. [Пахомов Е.А., 1949, с. 32-33; Нурмагомедов А.М., 1991, с. 6].

Монеты – серебряные дирхемы, чеканенные в различных городах Арабского халифата, обнаружены и в других местах Дагестана. Все эти

находки служат свидетельством того, что в VIII-IX вв. Дагестан, вероятно и сел. Кубачи, были втянуты в зону действия общеаравских товарно-денежных отношений [Нурмагомедов А. М., 1991, с. 7].

Таким образом, вышеприведенные археологические данные неоспоримо свидетельствуют о том, что район Кубачино-даргинского нагорья был обитаем с очень глубокой древности, что история населения, жившего в этом регионе, уходит в глубь тысячелетий, а процесс культурно-исторического развития его протекал в сходных с другими регионами горного Дагестана условиях и в общих хронологических рамках. В настоящее время на основе имеющихся археологических данных можно говорить о непрерывности культурно-исторического процесса в хозяйственно-экономическом, культурном и политическом развитии населения данной территории начиная, по крайней мере, с шести тысячелетней давности. Тщательное и целенаправленное археологическое обследование и изучение рассматриваемой части Дагестана позволит более полно обрисовать картину культурно-исторического развития населяющих ее племен с глубокой древности до средневековья включительно.

И все же говорить определенно о времени возникновения сел. Кубачи очень трудно (хотя приведенные данные позволяют ставить вопрос о том, что район сел. Кубачи был обитаем еще в эпоху бронзы – III-II тыс. до н.э.), так как мы пока не можем достоверно установить продолжалось ли обживание этой территории непрерывно с бронзового века. Непосредственно на территории старой части современного сел. Кубачи четырех - пятитысячелетней давности памятники не выявлены, не считая отмеченной выше случайной находки каменной шаровидной булавы, да и найти их чрезвычайно трудно в силу особенностей расположения самого селения, застроенного издавна чрезвычайно плотно и скученно. Кроме того, из-за расположенности его на очень крутом скалистом склоне, культурные отложения здесь смывались потоками талой и дождевой воды. А древние домусульманские погребения I тыс. до н.э. и более позднего времени покоятся, вероятно, под мусульманскими погребениями на кладбищах, расположенных на юго-западной окраине старой части сел. Кубачи и тянующихся, занимая огромную территорию, с окраин верхнего квартала селения до его самого нижнего квартала.

Подводя итог изложенному выше можно сделать следующий вывод: в настоящее время с учетом всех приведенных выше археологических данных достаточно уверенно можно говорить о том, что история селения Кубачи насчитывает не менее двух тысяч лет.

В работах некоторых исследователей высказано мнение о том, что не было ли основано селение Кубачи в эпоху средневековья. А.А. Иванов пишет, что “нам неизвестно, существовало ли селение Кубачи в первой половине XIII в. и не было ли оно основано только где-то в конце этого столетия” [1984, с. 59]. При этом он исходит из того, что в сел. Кубачи “не имеется памятников, которые можно считать созданными здесь на месте и которые можно датировать ранее XIV в. Тем самым нарушалась связь с историческим Зирихгераном раннего средневековья и с особой остротой встал вопрос о времени возникновения селения, которое мы знаем под именем “Кубачи” [Иванов А. А., 1987, с. 218].

Основываясь на это мнение, историк Т.М. Айтберов считает, что “Зирихгеран VIII-X вв., через который прошел Мерван и который описан у Масуди, располагался к северу-западу не только от современного сел. Кубачи, но и от нынешнего Дахадаевского района” [1988, с. 61]. Далее Т.М. Айтберов, давая полный простор своей фантазии, утверждает, что “одной группой выходцев из северо-западного Зирихгерана были основаны в районе нынешнего Кубачи два зороастрийских (? - М.М.) населенных пункта, ... другая группа выходцев с северо-запада обосновались в бассейне Аштынской речки, правого протока Уллучая” [Айтберов Т.М., 1988, с. 61]. Эти и последующие рассуждения Т.М. Айтберова в цитируемой работе не обоснованы фактическими данными, поэтому нет надобности их разбирать. А на вопрос о том, что не было ли основано сел. Кубачи где-то в конце XIII столетия, можно сразу ответить отрицательно, исходя из следующих соображений.

Во-первых, если допустить, что сел. Кубачи основано в первой половине XIII в., то и окружающие его аулы Амузги, Сулевкент, Дацшамаже, Шири, Урцаки, Уркарах и т.д. тоже должны быть основаны в XIII в., поскольку и в этих селениях еще не выявлены доисламские памятники искусства, которые можно было бы датировать ранее указанного времени. В таком случае выходит, что до XIII в. район Кубачино-даргинского нагорья был вообще необитаем. Но столь позднее основание указанных селений и столь же позднее обживание этого региона не подтверждается никакими данными. Наоборот, приведенные выше археологические материалы указывают на очень глубокую древность заселения территории Кубачино-даргинского нагорья.

Во-вторых, селение Кубачи в географическом и топографическом отношении в древности занимало весьма выгодное место, отвечающее четырем важным факторам при выборе места для поселения [Гаджиева

С.Ш. и др., 1967, с. 75-83]: 1. Непроступность, надежная защищенность селения от неприятеля (оборонительный фактор); 2. Близость источников воды, 3. Большая скученность, плотность застройки селения с целью максимальной экономии пригодной для обработки земли, а также для коллективной защиты при вторжении неприятеля; 4. Южная ориентация селения для аккумуляции дневного солнечного тепла. В отношении всех этих факторов вместе взятых сел. Кубачи ничуть не уступало селениям Кубачино-даргинского нагорья, да и других районов Дагестана, где выявлены археологические памятники начала I тыс. н.э. и значительно более раннего времени (Уркарах, Дибгаши, Калкни, Ираги, Трисанчи и т.д.). Более того, в некотором отношении Кубачи даже превосходило многих из них. Следовательно, место занимаемое селением Кубачи, не могло оставаться незаселенным с глубокой древности до XIII в.

В-третьих, в 5-6 км северо-восточнее сел. Кубачи находится древнее родовое поселение Дешижила, которое было обитаемо еще в начальные века нашей эры, если не в более ранние сроки. Его местоположение в плане отмеченных выше важных факторов при выборе места поселения во многих отношениях уступало местоположению сел. Кубачи. Поэтому нельзя полагать, что в первые века нашей эры Дешижила была обитаема, а место нынешнего расположения старой части селения Кубачи не было заселено до XIII в. Нет сомнений в том, что к этому времени Кубачи уже превратилось в довольно крупное горное селение – ши, которое занимало значительную территорию, начиная от верхнего квартала старой части современного поселка до его нижнего квартала. Это находит подтверждение в том, что близлежащие к селению склоны с юго-западной стороны от верхнего квартала до самого нижнего заняты мусульманскими кладбищами, нижние хронологические рамки которых определяются концом XIII и началом XIV в. Одно из древних тухумных кладбищ (площадью 40х70 м) относящееся к концу XIII – началу XIV в. находится в местности Бетухъажила, на юго-западной окраине верхнего квартала старой части сел. Кубачи, перед бывшим 2-м зданием Кубачинского художественного комбината (ныне занимаемом Кубачинской средней школой). Надмогильных памятников в виде вертикально поставленных каменных плит (стел) трапециевидной формы или с закругленным верхом, декорированных арабскими куфическими надписями, здесь сохранилось мало. При строительстве нового (второго) здания Кубачинского художественного комбината в конце 50-х гг. часть их была уничтожена. Самые ранние, лишенные декора и небольшие по размерам надгробия в виде низких каменных

плит, выступающие из земли на 30-35 см, сохранилось в значительном количестве. А более позднее – XIV-XVI вв. надгробия с характерными для этого времени узорно-эпиграфическими композициями, имеются на участке кладбища, непосредственно примыкающем с юга и юго-запада к жилому дому Ибрагимова Ахмеда.

Другое кладбище верхнего квартала старой части пос. Кубачи, носящее название “Бацалла хуппе” (Верхнего квартала кладбище), площадью 300х350 м, находится к юго-западу от этого квартала, на некрутом склоне, обращенном на Восток. Датируется оно XV-XX вв. Кладбище занимает большую территорию пологого склона горы, примыкающей к жилым домам жителей сел. Кубачи, причём наиболее ранние надгробия трапециевидной формы или с закругленным верхом, относящиеся к XV в. и декорированные узорно-эпиграфическими композициями, расположены ближе к кладбищу в местности “Бетухъажила”.

В западной части среднего квартала сел. Кубачи, напротив дома Мюлаевых находится кладбище “Бябля хуппе” (Бябля – женское имя, хуппе – кладбище), площадью 35х40 м. Это кладбище отделяется от кладбища верхнего квартала “Бацалла хуппе” пешеходной тропой, ведущей из средней части селения к источникам питьевой воды Хьулигула на западной окраине среднего квартала сел. Кубачи. С северо-восточной стороны кладбища протянута улочка, ведущая из верхнего квартала селения в нижний, а с западной стороны к нему примыкает жилой дом Кясова Абдулкадыра. Кладбище датируется XV-XIX вв. Надмогильные памятники здесь, обычные для сел. Кубачи – трапециевидные и с фестончатым верхом, отделаны рельефными арабскими надписями и растительным узором. Большинство из них почти до самого верха ушли в землю из-за того, что кладбище находится на склоне горы, обращенным на восток, а сверху (с запада) на него осыпается земля.

На юго-западной окраине среднего и нижнего квартала старой части сел. Кубачи, на склоне, обращенном на восток и частично на юго-восток, располагается кладбище “Баг шилла, хьацалла хуппе”. Оно занимает большую территорию, площадью 330х360 м. Датируется XIII-XX вв. На всей территории огромного кладбища находятся надмогильные памятники, различных форм, размеров и декоративной отделки. Наиболее ранние из них, относящиеся к XIII-XV вв., имеют трапециевидную форму. С лицевой стороны они отделаны рельефными арабскими надписями, а также такими же надписями в сочетании с растительным орнаментом.

На западной окраине нижнего квартала старой части сел. Кубачи находится кладбище “Бахъуцила”. Оно расположено на склоне, обращенном на юго-запад и непосредственно примыкает с северной стороны к жилым домам. К востоку оно суживается к Большой мечети (Джума - мечети). Большинство надмогильных памятников ушло в землю. Местами, особенно в нижней части кладбища верхние части надгробий выступают из земли на 15-20 см. Кладбище датируется XIV-XVI вв. Оно занимает площадь в 50 x 70 м. Большинство надмогильных памятников имеет трапециевидную форму и отделано на высоком художественном уровне рельефными арабскими и персидскими надписями и растительным орнаментом [Иванов А. А., 1987, с. 213-224, илл. V-VI].

На северном склоне горы Цицила, что напротив сел. Кубачи, в 1.2 км южнее от него, имеется несколько обособленных средневековых тухумных кладбищ с синхронными надмогильными памятниками в виде стел трапециевидной или четырехугольной формы с закругленным верхом. Они отделаны арабскими надписями или же узорно-эпиграфическими композициями. А самые ранние надмогильные плиты небольшого размера лишены декора.

Первое тухумное кладбище, площадью 19 x 28 м, находится на западной окраине склона Цицила, неподалеку от жилых домов среднего квартала сел. Кубачи, примерно в 50 м от источников Чяхъятла. Датируется оно XIV-XV вв. Наиболее ранние надмогильные плиты, находящиеся на кладбище, относятся, вероятно, к концу XIII в.

Второе кладбище, площадью 33 x 42 м, расположено почти в средней части склона горы Цицила, в 40 м восточнее первого кладбища. Большая часть территории кладбища находится ниже грунтовой дороги из верхнего квартала сел. Кубачи в аул Амузги. Датируется оно концом XIII-XVI вв.

Третье тухумное кладбище, площадью 26 x 29 м, находится в 35-40 м восточнее второго кладбища, на небольшом холме. Датируется тем же временем.

Четвертое тухумное кладбище площадью 21 x 35 м, расположено в 20 м юго-восточнее третьего кладбища, на пологом склоне. Датируется оно XIV-XVI вв. исходя из особенностей декора надмогильных памятников.

Пятое кладбище имеет название “Бидахъ хуппе”. Это один из крупных по занимаемой территории (площадь его 76 x 136 м) и, вероятно, наиболее древних мусульманских кладбищ сел. Кубачи. Причем и здесь имеется несколько относительно обособленных участков, хотя четко очертить их границы трудно из-за того, что многие памятники находятся не на первоначальном месте (они поставлены

вертикально у ограды кладбища, а некоторые уложены в каменную ограду как обычные строительные камни). К тому же территория самого кладбища, особенно ее нижняя восточная часть заросла лесом, а многие надмогильные памятники за многие столетия ушли в землю в результате смывания склона. Все же можно достаточно четко различить по крайней мере 3 участка. Наиболее ранние надмогильные памятники на кладбище “Бидахъ хуппе” датируются концом XIII - началом XIV в. (временем принятия кубачинцами ислама), а поздние – XVIII в.

Небольшие тухумные кладбища имеются и южнее окраины нижнего квартала сел. Кубачи, в местности “Къалла хъу”. Но здесь ныне надмогильные памятники не сохранились, а сами могилы, полуразрушенные, видны в срезах склона из осыпающихся сланцевых пород.

Исследование средневековых резных надмогильных памятников на перечисленных выше кладбищах бетухъажила, Башалла хуппе, Бябля хуппе, Багшиллая хъашалая хуппе, Бахъуцила, Цицила, Бидахъ хуппе, Къалла хъу позволили выяснить, что в XIII-XIV вв. селение Кубачи занимало весь южный горный склон, начиная от самого верхнего квартала, где находится круглая оборонительная башня XIII-XIV вв. Къунакъла калгъя, до самого конца нижнего квартала, где расположен старый жилой дом Къуццоловых.

В XIV в. Кубачи стало уже крупным территориально-тухумным горным поселением “ши” с характерной ступенчатой (многоярусной) планировкой и компактно застроенными кварталами в результате объединения небольших близлежащих родовых (тухумных) поселков – Анчибачила, Муггила, Кубасанила, Дешижила, а позднее и Дацамажила.

В указанное время Кубачи делилось на несколько кварталов, заселенных тухумами. Каждый квартал (“къватл”), очевидно, имел свой участок кладбища. Перечисленные выше средневековые кладбища расположены отдельно, на некотором удалении друг от друга, занимая разной величины площади – от 19 x 28 м до 300 x 350 м. Причем на всех кладбищах имеются синхронные резные надмогильные памятники, декор которых в целом отличается художественно-стилистической общностью.

Наличие нескольких обособленных и синхронных тухумных кладбищ – факт важный, так как по ним можно составить определенное представление об исторической топографии средневекового сел. Кубачи и расселении его жителей поквартально.

По характеру расположения кладбищ можно полагать, что если в XIV в. Кубачи являлось уже крупным территориально-тухумным поселением, центром высокоразвитого ремесла и культуры, что подтверждается сохранившимися до нашего времени памятниками

декоративно-прикладного искусства и архитектуры, то до этого оно, естественно, существовало уже веками и корни его истории уходят в глубь тысячелетий. Кубачинцы приняли ислам в конце XIII – в самом начале XIV в. Памятники же исламского искусства, датируемые ранее этого периода в сел. Кубачи не выявлены. Но это не значит, что именно с этого времени начинается отсчет его истории, как считает Т.М. Айтберов. Тот необычайно высокий взлет искусства сел. Кубачи, который был достигнут в XIV-XV вв., был подготовлен всем предшествующим ходом многовековой истории этого селения.

ЛИТЕРАТУРА

Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993 - Археологическая карта Дагестана. М., 1993.

Агларов М.А., 1986 - Террасное земледелие Дагестана (Вопросы генезиса, культурной типологии и социальной роли системы) // *Studia Praehistorica*. Вып. 8. София, 1986.

Айтберов Т.М., 1988 - К вопросу об исламизации Зирихгерана // ТДНС "Перестройка и гуманитарные науки в Дагестане". 21-23 декабря 1988 г. Махачкала, 1988.

Амиранишвили Ш.Я., 1963 - История грузинского искусства. М., 1963.

Атаев Д.М., 1963 - Нагорный Дагестан в раннем средневековье (По материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963.

Башкиров А.С., 1927 - Изучение памятников старины. // ДС. I. III. Махачкала, 1927.

Башкиров А.С., 1931 - Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931.

Виноградов В.Б., 1972 - Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII - IV вв. до н.э.). Грозный, 1972.

Гаджиев М.Г., 1980 - Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

Гаджиев М.Г., 1983 - Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.

Гаджиев М.Г., 1988 - Камнеобработка в Дагестане в эпоху ранней бронзы // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1988.

Гаджиев М.Г., 1991 - Раннеземледельческая культура Северо-

Восточного Кавказа. М., 1991.

Гаджиева С.Ш. и др., 1967 - Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.

Грач А.Д., 1953 - Кубачинский ютел из археологического собрания Музея антропологии и этнографии // СМАЭ. Т. XV. М., Л., 1953.

Давудов О.М., 1974 - Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.

Давудов О.М., 1979 - Гробница из сел. Ирачи // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979.

Давудов О.М., 1984 - Серебряное блюдо из Ирганайской гробнице (Дагестан) // СА. № 1. 1984.

Давудов О.М., Котович В.Г., 1979 - Богатые погребальные комплексы из сел. Ирачи и Калкни // IX КЧ (ТД). Элиста, 1979.

Есаян С.А., Мнацаканян А.О., 1970 - Находки новых бронзовых статуэток в Армении // СА. № 2. 1970.

Иванов А.А., 1987 - Персидские надписи из Кубачи // *Rivista. Studi orientali*. Vol. 59. Fasc. I-IV. R....., 1987.

Исаков М.И., 1966 - Археологические памятники Дагестана (Материалы к археологической карте). Махачкала, 1966.

Искусство Кубачи, 1976 - Искусство Кубачи. Альбом. / Сост. А. Иванов. Л., 1976.

Ковалевская В.Б., 1977 - Конь и всадник. М., 1977.

Котович В.М., 1965 - Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана: К истории дагестанских племен в конце III - II тыс. до н.э. Махачкала, 1965.

Котович В.М., 1971 - Изучение древних рисованных наскальных изображений в горном Дагестане // АО 1970. М., 1971.

Котович В.М., 1971 - Первые итоги изучения древних рисованных наскальных изображений в горном Дагестане // ТДПИПАИ в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971.

Котович В.М., 1974 - Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

Котович В.М., 1976 - Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976.

Котович В.М., 1978 - Результаты поисков древних наскальных изображений в Дахадаевском районе Дагестана // МСПИЭИ в Дагестане в 1976-1977 гг. (ТД). Махачкала, 1978.

Котович В.М., 1994 - Духовный мир земледельцев Дагестана: (Наскальные изображения). Махачкала, 1994. (Рукопись монографии,

хранится в ИИАЭ ДНЦ.

Котович В.Г. и др., 1964. - Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР в 1964 г. // РФ ИИАЭ. О. Д.

Котович В.Г., Котович В.М., 1958. - Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1958 году // РФ ИИАЭ. О. Д.

Круглов, 1958. - Северо-Восточный Кавказ во II - I тыс. до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. М.; Л., 1958.

Кузьмина Е.Е., 1973. - Навершие со всадниками из Дагестана // СА. № 2. 1973.

Маммаев М.М., 1967. - О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива // УЗ ИИЯЛ. Т. XVII. Сер. общ. наук. Махачкала, 1967.

Маммаев М.М., 1971 г. - Отчет о полевых исследованиях южного отряда экспедиции Института ИЯЛ в 1971 г. // Архив ИА РАН.

Маммаев, 1971а. - Работы южного отряда Дагестанской экспедиции // АО 1971. М., 1972.

Маммаев М.М., 1989. - Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала, 1989.

Марковин В.И., 1986. - Культурная пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

Минорский В.Ф., 1963. - История Ширвана и Дербенда X - XI веков. М., 1963.

Мунчаев Р.М., 1959. - К истории археологического изучения Дагестана // МАД. Т. I. Махачкала, 1959.

Нурмагомедов А.М., 1991. - К вопросу о товарно-денежных отношениях в Дагестане при арабах // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991.

Пахомов Е.А., 1949. - Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IV. Баку, 1949.

Салихов Б.М., 1985. - Калкнинский могильник // Древнее искусство Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

Салихов Б.М., 1994. - Археологические памятники Кайтага албано-сарматского и раннесредневекового времени // ТД НСИЭИ Институты ИАЭ и ЯЛИ в 1992 - 1993 гг. Махачкала, 1994.

Уваров А.С., 1887. - Курганы с расчленением близ Дербента // Тр. V-го археологического съезда в Тифлисе. М., 1887.

Шиллинг Е.М., 19. - Кубачинцы и их культура.

Zacharov A.A., 1933. - Materials for the Archaeology of the

Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes // Swiatowit. T. XV. 1932/33. Warszawa, 1933.

Tallgren A.M., 1930. - Caucasian monuments. The Kazbek treasure // ESA. V. Helsinki, 1930.

Tallgren A.M., 1930. - Kaukasische anthropomorphe figuren und der vorderasiatische Kulturkreis // JPEK. Berlin. 1930.

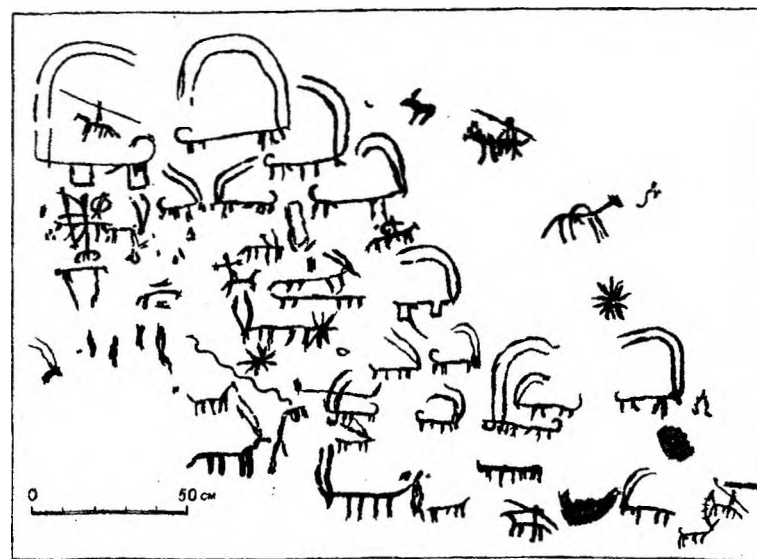

Рис. 1. Наскальные изображения у хутора Санжи близ селения Иçари. IV-II тыс. до н.э. (По В.М. Котович).

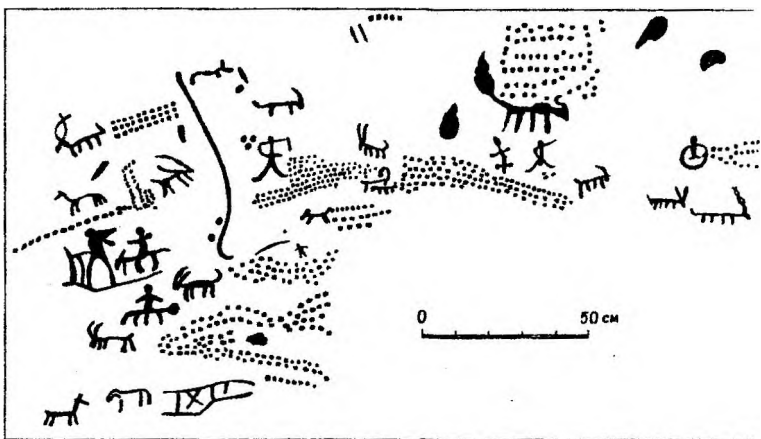

Рис. 2. Наскальные изображения близ селения Трисанчи.
IV – II тыс. до н.э. (По В.М. Котович).

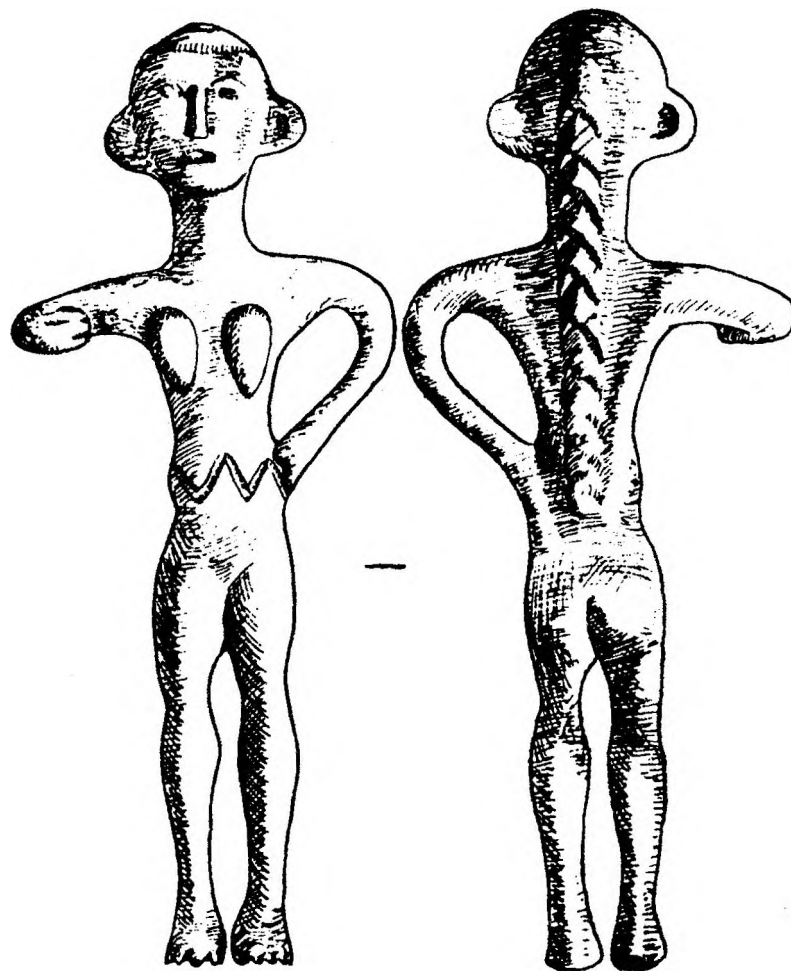

Рис. 3. Бронзовая культовая статуэтка сер. I тыс. до н.э.
из сел. Кубачи. Вид спереди и сзади.

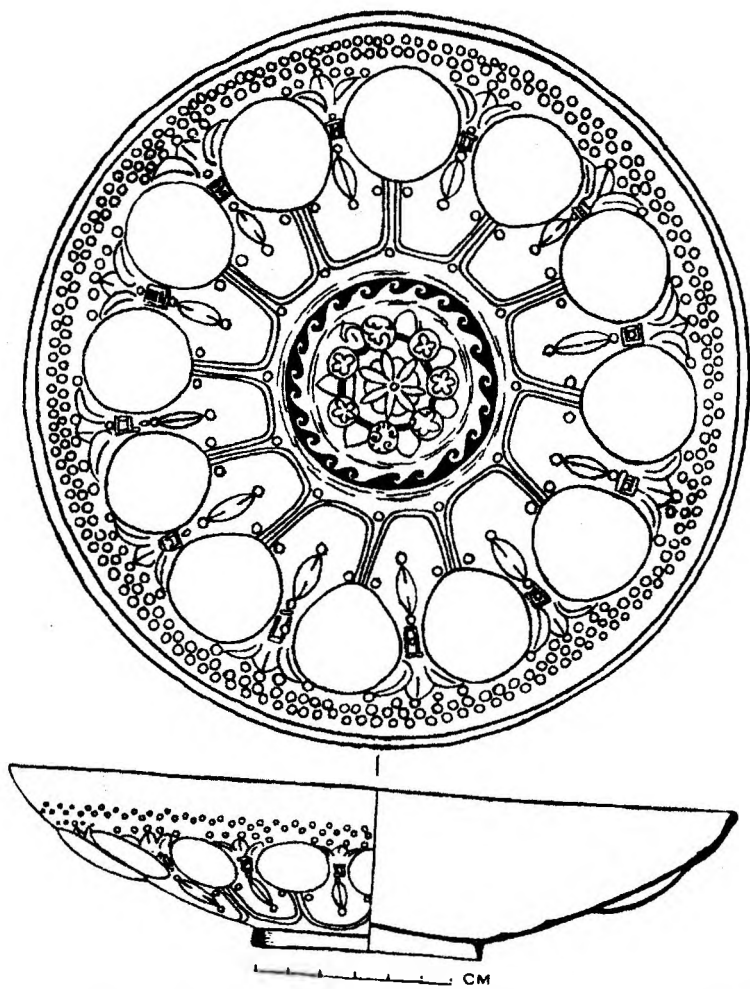

Рис. 4. Серебряное блюдо с черневым орнаментом из селения Ирши VI

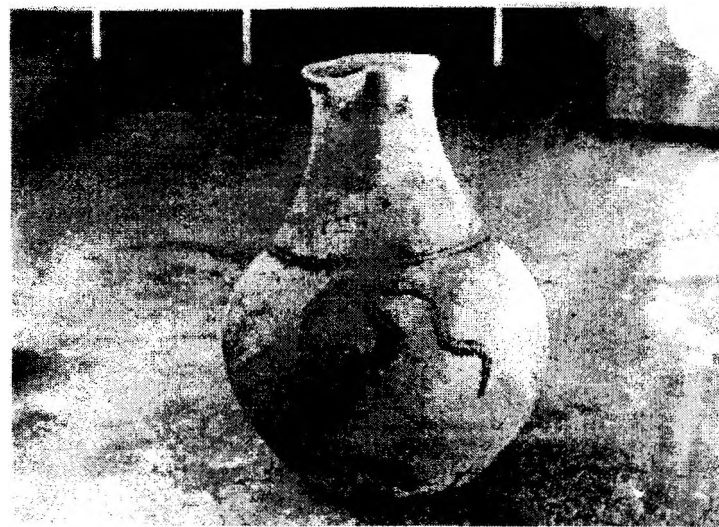
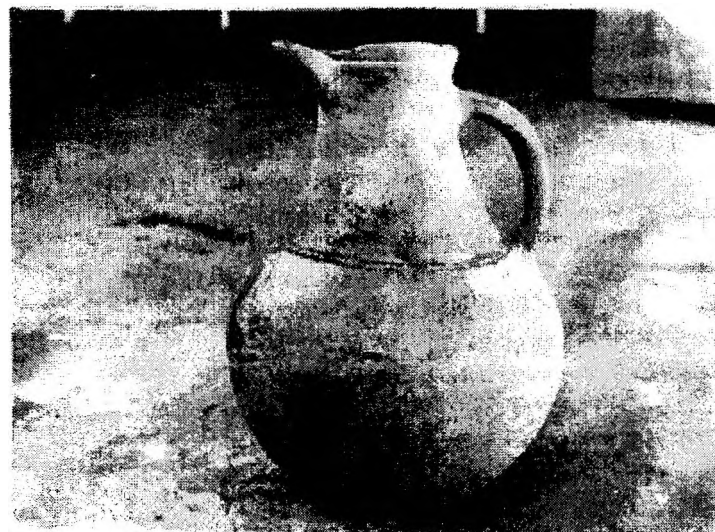

Рис. 5. Керамический кувшин из могильника Уржиала-илала
Близ селения Уркарах. VII – начало VIII в. А - вид сбоку;
Б – вид спереди. Школьный музей селения Уркарах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

АО – Археологические открытия
КАЭ - Кахетинская археологическая экспедиция.
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
МАД – Материалы по археологии Дагестана
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК – Материалы по истории Ставропольского края
РФ ИИАЭ - Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.
ОАК – Отчеты Археологической комиссии
СА - Советская археология.
САИ – Свод археологических источников
УЗ ИИЯЛ - Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Давудов О.М. Мунчаев Рауф Магомедович	4
Список печатных трудов Р.М. Мунчаева	18
Мерперт Н.Я. К вопросу о культурном взаимодействии в Балкано-Анатолийском регионе в III тысячелетии до р.х.	32
Амиров Ш.Н. Иерархия поселений первой половины III тыс. до н. э. и начало урбанизма в Хабурских степях Северной Месопотамии	60
Гаджиев М.Г. Дагестан на пути к ранней цивилизации (новое в древнейшей истории и археологии Северо-Восточного Кавказа)	70
Махмудов Ф.Р., Нариманов И.Г. Поселение Мишарчай I (нижний слой).....	86
Ахундов Т.И. О ранних подкурганных погребениях Северо-Западного Азербайджана.....	92
Магомедов Р.Г. Алазано-беденские керамические импорты и вопросы интерпретации и датировки пост куроаракских комплексов Северо-Восточного Кавказа	102
Гаджиев М.С., Кудрявцев А.А. Новый памятник эпохи поздней бронзы Дагестана	148
Гаджиев М.С. О скотоводстве в Дагестане в албано-сарматский период (по материалам Дербента и Урцбеки)	160
Абрамова М.П. О каменных склепах Центрального и Северо-Восточного Кавказа скифо-сарматского времени	170
Гмыря Л.Б. Образ мифического богатыря Аспандиата в религиозной системе страны гуннов Прикаспия	182
Марковин В.И. О некоторых художественных особенностях башенной архитектуры вайнахов.....	193
Маммаев М.М. Некоторые археологические данные к истории Зирихгерана — Кубачи	210
Список сокращений.....	236

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Подписано в печать 25 июня 1998 г. Формат 60x80 1/16.
Бумага офсетная. Печать компьютерная. Гарнитура Times New Roman суг. Усл
печ. л. 14,87. Тираж 300 экз. Цена договорная.

Отпечатано на издательской базе Института истории, археологии и этнографии
ДНЦ РАН.

367030 Махачкала. Ул. Магомеда Ярагского, 75.